

Ежеквартальный
научный журнал
Издается с 2018 г.

Ex jure

ISSN: 2619-0648

2021. № 1

Учредитель и издатель:

Пермский
государственный
национальный
исследовательский
университет

Адрес учредителя,
издателя и редакции:

614990, Россия,
г. Пермь, ул. Букирева, 15
Тел. (342) 239-62-75
E-mail: ex-jure@mail.ru
Http://ex-jure.psu.ru

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору в сфере связи,
информационных техно-
логий и массовых комму-
никаций (Роскомнадзор).
Регистрационный номер
ПИ № ФС 77-73154
от 22 июня 2018 г.

Подписной индекс – 83987
Каталог Пресса России

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Голубцов Валерий Геннадьевич (председатель) – д. ю. н., профес-
сор, зав. кафедрой предпринимательского права, гражданского и
арбитражного процесса Пермского государственного националь-
ного исследовательского университета, г. Пермь;

Габов Андрей Владимирович – д. ю. н., член-корреспондент Рос-
сийской академии наук, Заслуженный юрист РФ, г. Москва;

Головина Светлана Юрьевна – д. ю. н., профессор, зав. кафедрой
трудового права Уральского государственного юридического
университета, г. Екатеринбург;

Гонзало Бронислав Мечиславович – д. ю. н., профессор,
зав. кафедрой гражданского права Уральского государственного
юридического университета, г. Екатеринбург;

Вавилин Евгений Валерьевич – д. ю. н., профессор, проректор
по научной работе, зав. кафедрой гражданского права Саратов-
ской государственной юридической академии, г. Саратов;

Ершова Инна Владимировна – д. ю. н., профессор, заведующая
кафедрой предпринимательского права Московской государст-
венной юридической академии им. О. Е. Кутафина, г. Москва;

Зайцев Владимир Васильевич – д. ю. н., профессор, профессор
кафедры правового обеспечения рыночной экономики Рос-
сийской академии народного хозяйства и государственной служ-
бы при Президенте РФ, Заслуженный юрист РФ, г. Москва;

Запольский Сергей Васильевич – д. ю. н., профессор, главный
научный сотрудник сектора административного права и админи-
стративного процесса Института государства и права РАН,
Заслуженный юрист РФ, г. Москва;

Зуев Сергей Васильевич – д. ю. н., профессор, зав. кафедрой право-
охранительной деятельности и национальной безопасности Южно-
Уральского государственного университета, г. Челябинск;

Кочев Владимир Александрович – д. ю. н., профессор кафедры
конституционного и финансового права Пермского государствен-
ного национального исследовательского университета, г. Пермь;

Кузнецова Ольга Анатольевна (главный редактор) – д. ю. н.,
профессор, профессор кафедры гражданского права, заместитель
декана по науке юридического факультета Пермского государст-
венного национального исследовательского университета,
г. Пермь;

Тарханов Ильдар Абдулхакович – д. ю. н., профессор, профессор
кафедры уголовного права, научный руководитель юридического
факультета Казанского (Приволжского) федерального универси-
тета, г. Казань;

Толстик Владимир Алексеевич – д. ю. н., профессор, начальник
кафедры теории и истории государства и права Нижегородской
академии МВД РФ, г. Нижний Новгород.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Кузнецова Ольга Анатольевна (главный редактор) – д. ю. н., профессор, профессор кафедры гражданского права, заместитель декана по науке юридического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь;

Аристов Евгений Вячеславович – д. ю. н., профессор кафедры предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь

Безруков Сергей Сергеевич – д. ю. н., начальник отдела Научно-исследовательского центра по исследованию проблем расследования преступлений Всероссийского научно-исследовательского института МВД РФ, г. Москва;

Валеев Дамир Хамитович – д. ю. н., профессор, профессор кафедры предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь; заместитель декана юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань;

Васильева Юлия Валерьевна – д. ю. н., профессор, зав. кафедрой трудового и международного права Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь;

Каплунов Андрей Иванович – д. ю. н., профессор, руководитель научной школы «Административная и административно-процессуальная деятельность МВД России» Санкт-Петербургского университета МВД России, г. Санкт-Петербург;

Комиссарова Елена Генриховна – д. ю. н., профессор, профессор кафедры гражданского права Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь;

Липинский Дмитрий Анатольевич – д. ю. н., профессор кафедры «Конституционное и административное право» Тольяттинского государственного университета, г. Тольятти;

Лопашенко Наталья Александровна – д. ю. н., профессор, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовской государственной юридической академии, г. Саратов;

Матвеев Антон Геннадьевич – д. ю. н., профессор, профессор кафедры гражданского права Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь;

Незнамова Зинаида Александровна – д. ю. н., профессор кафедры уголовного права Уральского государственного юридического университета, г. Челябинск;

Пастухов Павел Сысоевич – д. ю. н., доцент, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь;

Поляков Сергей Борисович – д. ю. н., профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь;

Романовский Георгий Борисович – д. ю. н., профессор, зав. кафедрой уголовного права Пензенского государственного университета, г. Пенза;

Стахов Александр Иванович – д. ю. н., профессор, зав. кафедрой административного права и процесса Российского государственного университета правосудия, г. Москва.

Фёдорова Марина Юрьевна – д. ю. н., профессор, Советник Конституционного суда Российской Федерации, г. Москва

Founder and publisher:
Perm State University

Address of the Founder,
Editorial Board, Editorial
Staff and Editorial Office:

15, Bukireva st., Perm,
Russia, 614990
Phon.+7 (342) 239-62-75
E-mail: ex-jure@mail.ru
[Http://ex-jure.psu.ru](http://ex-jure.psu.ru)

EDITORIAL BOARD

Golubtsov Valeriy Gennadyevich (Head of the Editorial Board) – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Business Law, Civil and Arbitration Procedure, Perm State University, Perm;

Gabov Andrey Vladimirovich – Doctor of Juridical Sciences, Corresponding Member of the Academy of Sciences of Russia, Honored Lawyer of the Russian Federation, Moscow;

Golovina Svetlana Yurevna – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Labor Law, The Ural State Law University, Yekaterinburg;

Gongalo Bronislav Mechislavovich – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Civil Law, The Ural State Law University, Yekaterinburg;

Vavilin Yevgeniy Valeryevich – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Vice-Rector of Scientific Affairs, Head of the Department of Civil Law, The Saratov State Law Academy, Saratov;

Yershova Inna Valentinovna – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Entrepreneurial Law, The Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow;

Zaitsev Vladimir Vasilievich – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor in the Department of Legal Support of Market Economy, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Honored Lawyer of the Russian Federation, Moscow;

Zapolskyi Sergey Vasilievich – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Chief Researcher of the Branch of Administrative Law and Administrative Procedure of the Institute of State and Law, the Russian Academy of Sciences, Honored Lawyer of the Russian Federation, Moscow;

Zuev Sergei Vasilevich – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Law Enforcement and National Security, The South Ural State University, Chelyabinsk;

Kochev Vladimir Aleksandrovich - Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Constitutional and Financial Law, Perm State University, Perm;

Kuznetsova Olga Anatolyevna (Editor in Chief) – Doctor of Juridical Sciences, Professor in the Department of Civil Law, Vice Dean for Scientific Affairs of the Law Faculty, Perm State University, Perm;

Tarkhanov Ildar Abdulhakovich – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor in the Department of Criminal Law, Research Supervisor of the Law Faculty, Kazan (Volga region) Federal University, Kazan;

Tolstik Vladimir Alekseevich – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law, Nizhny Novgorod Academy of the Interior Ministry of the Russian Federation, Nizhny Novgorod

EDITORIAL STAFF

Kuznetsova Olga Anatolyevna (Editor in Chief) – Doctor of Juridical Sciences, Professor in the Department of Civil Law, Vice Dean for Scientific Affairs of the Law Faculty, Perm State University, Perm;

Aristov Evgeny Vyacheslavovich – Doctor of Juridical Sciences, Professor, of the Department of Business Law, Civil and Arbitration Process, Perm State University, Perm

Bezrukov Sergey Sergeevich – Doctor of Juridical Sciences, Head of Division Research Center for the Study of Investigation of Crimes Issues Federal Public Establishment, National Research Institute of the Ministry of Interior of the Russian Federation, Moscow.

Valeev Damir Khamitovich – Doctor of Juridical Sciences, Professor in the Department of Business Law, Civil and Arbitration Procedure, Perm State University, Perm; Vice Dean of the Law Faculty, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan;

Vasileva Yuliya Valerevna – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Labor and International Law, Perm State University, Perm.

Kaplunov Andrei Ivanovich – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Scientific School «Administrative and Administrative-Procedural Activity of the Ministry of Internal Affairs of Russia», Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, St. Petersburg;

Komissarova Elena Genrikhovna – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor in the Department of Civil Law, Perm State University, Perm;

Lipinsky Dmitriy Anatolyevich – Doctor of Juridical Sciences, Professor in the Department of Constitutional and Administrative Law, Togliatti State University, Togliatti;

Lopashenko Natalya Aleksandrovna – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor of the Department of Criminal and Criminal Executive law, Saratov State Law Academy, Saratov;

Matveev Anton Gennadiyevich – Doctor of Juridical Sciences, Professor in the Department of Civil Law, Perm State University, Perm;

Neznamova Zinaida Aleksandrovna – Doctor of Juridical Sciences, Professor of the Department of Criminal Law, Ural State Law University, Chelyabinsk;

Pastukhov Pavel Sysoevich – Doctor of Juridical Sciences, Professor in the Department of Criminal Procedure and Criminology, Perm State University, Perm;

Polyakov Sergei Borisovich – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Perm State University, Perm;

Romanovskiy Georgiy Borisovich – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Criminal Law, Penza State University, Penza;

Stahov Aleksandr Ivanovich – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Administrative Law and Procedure, Russian State University of Justice, Moscow;

Fedorova Marina Yurevna – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Adviser of the Constitutional Court of the Russian Federation, Saint-Petersburg

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

<i>Добротворский П. П.</i> ПРЕЛОМЛЕНИЕ ДОКТРИНЫ «ПРАВО И РАЗВИТИЕ» В РОССИИ: ПЕРСПЕКТИВЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА	7
<i>Шкаревский Д. Н.</i> ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ДЕФОРМАЦИЯ И КОНФЛИКТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ В ОРГАНАХ ТРАНСПОРТНОЙ ЮСТИЦИИ (1941–1957 гг.)	23

КОНСТИТУЦИОННОЕ И АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

<i>Аристов Е. В., Ларионова М. А.</i> К ВОПРОСУ О КОНЦЕПЦИЯХ ГРАЖДАНСТВА	37
--	----

ГРАЖДАНСКОЕ, СЕМЕЙНОЕ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО

<i>Акинфиева В. В.</i> ЦИФРОВЫЕ ФИНАНСОВЫЕ АКТИВЫ КАК НОВЫЙ ВИД ЦИФРОВЫХ ПРАВ	46
<i>Бондаренко Н. Л., Конаневич Ю. Г.</i> ПРАВОВАЯ И ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ПРИРОДА ПРОЦЕССОВ ЦИФРОВИЗАЦИИ И РЕГУЛЯТОРНОЙ ФУНКЦИИ ГОСУДАРСТВА В ДАННОЙ СФЕРЕ	56
<i>Васёв А. А.</i> ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ ДОГОВОРА ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ПРИСОЕДИНЕНИЯ К ЭЛЕКТРИЧЕСКИМ СЕТЯМ В РОССИЙСКОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ	68
<i>Губарева А. В., Щекочихина Е. П.</i> ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ФИНАНСОВОЙ ПОДДЕРЖКИ УЧАСТНИКОВ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	79
<i>Демиева А. Г.</i> ЗНАЧЕНИЕ ДЕТЕРМИНАЦИИ В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ НА ПРИМЕРЕ АКТИВНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	88
<i>Захаркина А. В., Кузнецова О. А.</i> АНАЛИЗ ПЕРМСКОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ НОРМАТИВНОЙ ПЛАТФОРМЫ ИНСТРУМЕНТОВ ПОДДЕРЖКИ СУБЪЕКТОВ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ НОВОЙ КОРОНАВИРУСНОЙ ИНФЕКЦИИ (COVID-19)	100
<i>Мартьянова Е. Ю.</i> СУДЕБНЫЙ ПОРЯДОК РАЗРЕШЕНИЯ СПОРОВ О ЗАЩИТЕ ПРАВ СООБЛАДАТЕЛЕЙ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОГО АВТОРСКОГО ПРАВА	114
<i>Строгонова Т. П.</i> ПРАВО ПРОЖИВАНИЯ В РИМСКОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ И РЕФОРМИРОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ВЕЩНЫХ ПРАВАХ	131
<i>Федосеев А. А.</i> ЮРИДИЧЕСКИ ЗНАЧИМОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В КАТЕГОРИАЛЬНОМ АППАРАТЕ РОССИЙСКОГО ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА	139
<i>Халецкая Т. М.</i> О СЕМЬЕ В ЮРИДИЧЕСКОМ СМЫСЛЕ	152

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

<i>Малыгин К. В.</i> СПОСОБЫ ПОДДЕЛКИ СРЕДСТВ ПЛАТЕЖЕЙ	171
<i>Моисеев А. М., Панько Н. А.</i> НЕГАТИВНЫЕ ФАКТОРЫ ПРОИЗВОДСТВА СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ	181

ПРАВИЛА НАПРАВЛЕНИЯ И ОПУБЛИКОВАНИЯ

НАУЧНЫХ СТАТЕЙ В «EX JURE»	194
----------------------------------	-----

CONTENTS

CONSTITUTIONAL, ADMINISTRATIVE AND FINANCIAL LAW

<i>Dobrotvorsky P. P.</i> LAW AND DEVELOPMENT REFLECTION IN RUSSIA: PERSPECTIVES OF THE THEORY AND FIELD POLICY	7
<i>Shkarevsky D. N.</i> THE PROFESSIONAL DEFORMITY AND CONFLICT POTENTIAL IN TRANSPORT JUSTICE (1941–1957)	23

CONSTITUTIONAL, ADMINISTRATIVE AND FINANCIAL LAW

<i>Aristov E. V., Larionova M. A.</i> TO THE QUESTION ABOUT THE CONCEPTS OF CITIZENSHIP	37
---	----

CIVIL, FAMILY AND BUSINESS LAW

<i>Akinfieva V. V.</i> DIGITAL FINANCIAL ASSETS AS A NEW TYPE OF DIGITAL RIGHTS	46
<i>Bondarenko N. L., Konanevich Yu. G.</i> LEGAL AND ORGANIZATIONAL NATURE OF DIGITALIZATION PROCESSES AND REGULATORY FUNCTIONS OF THE STATE IN THIS SPHERE	56
<i>Vasev A. A.</i> DEFINITION OF THE TECHNOLOGICAL CONNECTION CONTRACT IN RUSSIAN CIVIL LAW	68
<i>Gubareva A. V., Schekhochikhina H. P.</i> LEGAL BASIS OF STATE FINANCIAL SUPPORT TO PARTICIPANTS IN FOREIGN ECONOMIC ACTIVITY	79
<i>Demieva A. G.</i> THE VALUE OF DETERMINATION IN CIVIL LAW RESEARCH ON THE EXAMPLE OF ACTIVE ECONOMIC ACTIVITY	88
<i>Zakharkina A. V., Kuznetsova O. A.</i> ANALYSIS OF THE PERM REGIONAL REGULATORY PLATFORM FOR SUPPORTING SMALL AND MEDIUM-SIZED BUSINESSES IN THE CONTEXT OF THE NEW CORONAVIRUS PANDEMIC (COVID-19)	100
<i>Martyanova E. Yu.</i> JUDICIAL PROCEDURE FOR RESOLVING DISPUTES ON THE PROTECTION OF THE RIGHTS OF CO-OWNERS OF EXCLUSIVE COPYRIGHT	114
<i>Strogonova T. P.</i> THE RIGHT OF RESIDENCE IN ROMAN PRIVATE LAW AND REFORMATION OF PROPERTY RIGHTS LEGISLATION	131
<i>Fedoseev A. A.</i> THE LEGALLY SIGNIFICANT COOPERATION IN THE CATEGORICAL SYSTEM OF RUSSIAN CIVIL LAW	139
<i>Khaletskaya T. M.</i> FAMILY IN THE LEGAL SENSE	152

CRIMINAL LAW AND PROCEDURE

<i>Malygin K. V.</i> METHODS FOR FORGERY OF PAYMENTS	171
<i>Moiseev A. M., Panko N. A.</i> NEGATIVE FACTORS OF PRODUCTION OF FORENSIC EXAMINATIONS	181

RULES OF SUBMISSION AND PUBLICATION SCIENTIFIC ARTICLES IN “EX JURE”

195

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

УДК 34-043.86(470)

DOI: 10.17072/2619-0648-2021-1-7-22

ПРЕЛОМЛЕНИЕ ДОКТРИНЫ «ПРАВО И РАЗВИТИЕ» В РОССИИ: ПЕРСПЕКТИВЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

П. П. Добротворский

Аспирант кафедры теории права и сравнительного правоведения

Московский государственный институт международных отношений
(университет) МИД Российской Федерации

119454, Россия, г. Москва, пр. Вернадского, 76

E-mail: pavel.dobrotvorskiy@gmail.com

Аннотация: в работе представлено отражение некоторых граней доктрины «права и развития» (Law and Development) в России. Систематическое изучение взаимодействия права и социально-экономического прогресса началось в западной (главным образом в американской) юридической науке во второй половине XX века. Появлению данной области знаний способствовали различные факторы, такие как деколонизация, противостояние периода холодной войны и научно-техническая революция. В результате процесса деколонизации появилось множество независимых государств, которые были включены в группу развивающихся стран. Тогда для достижения целей экономического роста в слаборазвитых государствах западные страны предложили внедрение механизмов оказания иностранной помощи, используя различные механизмы (вложение капитала, передачу технологий, ценностей, юридических практик и др.). В Советском Союзе, вместо термина «международная помощь», использовалась концепция экономического сотрудничества. После распада СССР Россия на полтора десятилетия становится реципиентом международной помощи. В исследовании представле-

© Добротворский П. П., 2021

на работа различных международных институтов, агентств развития и групп отраслевых экспертов в России. Во второй половине 2000-х годов Россия вновь вернулась в круг стран-доноров международной помощи. В целях содействия международному развитию были приняты соответствующие нормативно-правовые акты, сформирована национальная концепция оказания помощи развитию и созданы механизмы ее реализации.

Ключевые слова: «право и развитие»; содействие международному развитию; международная помощь; экономическое сотрудничество; устойчивое развитие

LAW AND DEVELOPMENT REFLECTION IN RUSSIA: PERSPECTIVES OF THE THEORY AND FIELD POLICY

P. P. Dobrotvorsky

Moscow State Institute of International Relations (University)
Ministry of foreign Affairs of the Russian Federation

76, prospekt Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454

E-mail: pavel.dobrotvorskiy@gmail.com

Abstract: *the article presents some aspects of the Law and Development doctrine in Russia. Systematic study of the interaction of law and socio-economic development began in western (mainly American) legal science in the second half of the XX century. Various factors, such as decolonization, the beginning of the cold war, and the scientific and technological revolution, contributed to the emergence of this field of knowledge. As a result of the decolonization process, many independent states emerged and were included in the group of developing countries. Then to achieve the goals of economic growth in underdeveloped countries, western countries have introduced mechanisms for the provision of foreign aid using a variety of mechanisms (investment, transfer of technologies, values, practices, etc.). In the Soviet Union instead of the term "international assistance", the concept of economic cooperation was used. After the collapse of the USSR, Russia became a recipient of international aid for a decade and a half. The study presents the work of various international institutions, development agencies, and groups of industry experts in Russia. In the second half of the 2000s, Russia returned to the circle of international aid donors. In order to promote international development, relevant legal acts have been adopted, the national concept of development assistance has been formed, and mechanisms for its implementation have been established.*

Keywords: *law and development; international development assistance; international aid; economic cooperation; sustainable development*

В статье рассматривается эволюция доктрины «права и развития» (Law and Development) в России и мире. Проанализированы предпосылки зарождения учения во второй половине XX века в качестве систематического знания, сформулированы основные этапы эволюции теории развития, сделана попытка дать определение понятия через описание основных современных подходов к этому направлению. Вторая часть исследования представляет различные грани доктрины «права и развития» в новейшей истории России. Проанализирована практическая деятельность экспертных групп, проекты институтов и агентств развития, которые были реализованы в нашей стране.

Отдельный раздел посвящен оценке глобальной повестки развития и участию России в данных процессах. К 2000 году в институтах ООН была разработана глобальная повестка развития, в программы которой сегодня вовлечено большинство стран мира. Сегодня многие государства, в т. ч. и Россия, придают значение достижению целей социально-экономического прогресса и устойчивого развития.

Вопросы развития сегодня играют важную роль во многих сферах человеческой деятельности, в том числе в правовой. В настоящее время становятся актуальными юридические механизмы развития высоких технологий, разработки и совершенствования систем искусственного интеллекта, робототехники и др., которые в скором будущем могут коренным образом изменить общественные отношения. Эти процессы потребуют значительной корректировки существующего правового регулирования, принятия нового законодательства и адаптации правовых норм к новым реалиям.

В современной науке не существует единого определения и представления о содержании учения «право и развитие». Среди основных подходов к доктрине можно выделить следующие: 1) как инструмент государственной политики в достижении целей развития, 2) как набор проектов в области развития, 3) как свобода, 4) как область академических исследований.

Право может рассматриваться в качестве инструмента достижения определенных целей развития. В таком случае целью правовых реформ может быть ускорение темпов экономического роста, которые выражаются в положительных изменениях показателей ВВП. Сегодня в научной среде не сложилось также и единого подхода к вопросу о методах достижения целей развития. Существуют различные точки зрения о роли государства в экономике. Как отмечает М. Прадо, одни ученые считают, что для достижения целей развития необходимо существенное участие государства, другие доказывают, что излишнее государственное регулирование препятствует экономическому росту¹.

С другой стороны, деятельность в области права и развития может рассматриваться в качестве определенной совокупности проектов в этой облас-

¹ Prado M. What is Law & Development? 11, Revista Argentina de Teoria Juridica, (2010). Pp. 3–4.

ти, которые поддерживаются участниками с определенной мотивацией и зачастую имеют внешнее финансирование. Таким образом, неудачи проектов в области «права и развития» происходят не только по внутренним причинам стран-получателей помощи, но и в равной степени из-за действий внешних игроков, осуществляющих проекты развития².

В конце XX века появилась концепция восприятия категории развития через свободу. В данном подходе развитие обладает самостоятельной ценностью само по себе. По мнению лауреата Нобелевской премии по экономике А. Сена, для развития необходимо устранение главных источников несвободы: бедности, тирании, слабых экономических возможностей, социального бесправия, перегибов репрессивного аппарата государств и др. При этом также необходимо соблюдение политических свобод, создание условий для транспарентности, наличие экономических возможностей, механизмов социального обеспечения, защиты и безопасности³.

Современные исследования в области «права и развития» можно разделить на три группы: 1) критические, 2) оптимистические и 3) скептические. Критики доктрины считают, что право имеет значение в вопросах развития, но внешние факторы проводят определенную политику, в первую очередь, в своих собственных интересах, а не интересах развивающихся стран. Оптимисты уверены, что правовые реформы могут быть проведены таким образом, что принесут пользу всем развивающимся обществам. А скептики сомневаются, что право имеет значение в вопросах развития, либо считают, что внешние игроки неспособны понять истинные потребности развивающихся государств⁴.

Доктрина «право и развитие» является междисциплинарной областью знаний, состоящей из правовых теорий, экономических моделей и международной практики⁵. Хотя исследования в области «права и развития» проводятся уже несколько десятилетий, для многих ученых-правоведов, политиков и юристов данная область остается относительно малознакомой и неизученной⁶. Таким образом, данная доктрина содержит существенный потенциал для привлечения большего внимания со стороны научных кругов, государственных и международных институтов.

Идея о том, что право играет важную роль в процессах развития экономики и общества не нова. В результате промышленной революции, великих

² Brian Z. Tamanaha, *The Primacy of Society and the Failures of Law and Development*, N. 10-03-02 (2009). Cornell International Law Journal. Pp. 17, 60.

³ Sen A. *Development as Freedom*, Oxford University Press, 1999. Pp. 3–4, 38.

⁴ Davis K., Trebilcock M. *The Relationship between Law and Development: Optimists versus Sceptics*, AM. J. COMP. L. 2008. P. 56.

⁵ Trubek D., Santos A. *The New Law and Economic Development: a Critical Appraisal*. Cambridge University Press. 2006. P. 4.

⁶ Lee Y. *General Theory of Law and Development*. 50 Cornell Int'l L.J., 415–471 (2017). Pp. 415–417.

географических открытий зародилась современная наука, достижения которой позволили западному обществу первому встать на рельсы индустриального развития и сформировать доминирующие правовые модели, которые впоследствии распространились на большинство стран мира. Превосходство западных стран было использовано для колонизации заморских территорий. В настоящий момент доктрину «право и развитие» все чаще ассоциируют с концепциями верховенства права и правового государства.

Сегодня верховенство права является одним из важнейших принципов современных правовых системы и выступает в качестве идеальной модели и цели, к которой нации движутся в своем развитии. Верховенство права предполагает подчинение одним и тем же законам всех членов общества независимо от их статуса и должностного положения. При этом законы должны быть известны, стабильны, предсказуемы и справедливы. Предполагается соблюдение принципа разделения властей, при котором судебная система обладает независимостью от законодательной и исполнительной ветвей власти⁷. Принципы верховенства права широко используется в различных правовых система и являются базовыми концепциями доктрины «право и развитие», которая возникла в западной юридической науке во второй половине XX века.

Во второй половине XX века на Западе оформляется область знаний «развитие» (девелопменталистика), которая направлена на изучение развивающихся стран. Девелопменталистов интересует, почему одни страны более развиты, чем другие, и каковы причины отсталости. В 1940–60-х годах развитие воспринималось в качестве инструмента экономического роста. К 1970-м годам приоритетом в вопросах развития становится борьба с бедностью. Постепенно происходит расширение понимания предмета развития, которое начинает включать в себя другие неэкономические элементы (развитие человека, его образование, здоровье, вопросы экологии и др.). Также, во второй половине XX века, оформляется область знаний о влиянии и роли права в социально-экономических процессах в качестве систематического учения. Становлению данного направления исследований способствовало учреждение международных институтов ООН, научно-техническая революция, зарождение элементов постиндустриального общества, завершение процесса деколонизации, соперничество сверхдержав периода холодной войны и другие факторы.

Создание ООН в 1945 году позволило настроить механизмы выработки коллективных действий, в результате которых, уже в 1949 году, была создана первая программа в области технического сотрудничества. Разработка новых технологий в т. ч. в информационно-телекоммуникационной сфере повлекло за собой увеличение инновационного сектора в структуре экономики запад-

⁷ Stein R. Rule of Law: What Does It Mean?, 18 MINN. J. INT'L L. 293 (2009). Available at: https://scholarship.law.umn.edu/faculty_articles/424. Pp. 302–303.

ных стран, зарождению элементов постиндустриального общества. Этот процесс еще сильнее отдалил друг от друга развитые и развивающиеся страны. В результате деколонизации появилось более 130 новых стран⁸, которые были причислены к группе развивающихся государств.

В основание доктрины «право и развитие» была положена идея о необходимости оказания помощи развивающимся странам. Организация такой деятельности была мотивирована как морально-нравственными предпосылками о необходимости помогать нуждающимся обществам, так и политико-экономическими соображениями, которые приобрели актуальность с момента начала холодной войны. В инаугурационной речи 1949 года Президент США Г. Трумэн инициировал программу («четвертый пункт»), основанную на концепции продвижения демократии и оказания помощи развивающимся странам, которая впоследствии стала форпостом американской внешней политики⁹. В этой речи Г. Трумэн озвучил идею о необходимости использования научных достижений для улучшения жизни в слаборазвитых странах путем передачи им технологий, ценностей и идеалов американского общества. В СССР американская политика в сфере оказания помощи развивающимся странам получила название неоколониализма, как новая формы отношений между капиталистическими стран и развивающимися общества после завершения деколонизации¹⁰. В Советском Союзе взаимодействие с развивающимися регионами называлось «экономическим сотрудничеством», в рамках которого предоставлялась техническая, финансовая и иная поддержка идеологически близким развивающимся странам.

В основании доктрины «право и развитие» находились не только политико-правовые теории и интересы, но и различные экономические модели, такие как теория линейной модернизации, теория структурных изменений, теория внешней зависимости и некоторые другие¹¹.

В данной части изучаются процессы реформирования российского законодательства в 1990-е – первой половине 2000-х годов. В этот период Россия выбыла из клуба стран-доноров международной помощи развитию и стала реципиентом различных программ. В процессах разработки новой нормативно-правовой базы в России участвовали внешние эксперты, международные агентства и институты развития, программы и проекты которых будут рассмотрены ниже.

⁸ Хабриева Т. Я. Конституционная реформа в современном мире: монография. М.: Наука РАН, 2016. С. 8.

⁹ Ashcroft B. Postcolonial Studies: the Key Concepts. Routledge Key Guides 3ed ed. (2013). Pp. 78–80.

¹⁰ Контева М. М., Очкова М. С. «Техническая «помощь» в стратегии империализма». М.: Мысль, 1977.

¹¹ См.: Todaro M., Smith S. Economic Development. Pearson, 12th ed. (2014).

Возобновление интереса к «праву и развитию», после угасания первой волны 1960–1970-х годов, произошло в результате глобальных общественных трансформаций, начавшихся в 80-е годы XX века. Во время второй волны «права и развития» (1980–1990-е гг.) происходит утверждение неолиберальной модели, которая находят свое выражение в Вашингтонском консенсусе. Экономист Дж. Уильямсон сформулировал 10 рекомендаций, предполагавших поддержание фискальной дисциплины, снижение налоговых ставок, либерализацию финансовых рынков и внешней торговли, снижение ограничений для прямых иностранных инвестиций, приватизацию, дерегулирование экономики, а также защиту прав собственности¹².

Одновременное размывание роли государства и укрепление рыночных механизмов протекает в период упразднения Организации Варшавского договора и прекращения деятельности СССР. Распространением проектов в области «права и развития» занимаются международные организации (структуры ООН, группы Всемирного банка, Международный валютный фонд, Международный банк реконструкции и развития и др.) и агентства развития (USAID, Фонд Форда, Фулбрайт и т. д.). В этот период действия проектов в области «права и развития» охватывают бывшие страны социалистического лагеря, в том числе и Россию.

Перестройка второй половины 1980-х годов в Советском Союзе завершилась в 1991 году образованием 15 новых независимых стран. Переход от социалистического распределительного типа хозяйствования к рыночной экономике с демократической формой правления сопровождался реформами всех сфер и отраслей экономики. В проведении реформ в России международные организации, агентства развития и заграничные эксперты принимали активное участие.

Образцом для построения новой рыночной системы в России стала наиболее развитая в экономическом отношении страна мира – США¹³. В целях проведения необходимых законодательных изменений привлекались различные зарубежные специалисты. Например, в разработке нового Гражданского кодекса РФ участвовали эксперты из Нидерландов. Первая встреча представителей рабочей группы по разработке ГК РФ с сотрудниками Института восточноевропейского права и российских исследований при факультете права Лейденского университета состоялась в Москве в 1993 году. Во время переговоров, проходивших на основе свободного и всеобъемлющего обсуждения проблем, российская сторона сформулировала большое количество насущных вопросов применения конкретных норм права в голландской практике. В дальнейшем многочисленные консультации проходили как на территории Нидерландов, так и в России. Для обсуждения частных вопросов при-

¹² См. *Williamson J.* What Washington Means by Policy Reform, in *Latin American Readjustment: How Much Has Happened* John Williamson ed., (1989). Pp. 5, 7–20.

¹³ *Алексеев С. С.* Право собственности. Проблемы теории: 3 изд. М.: Норма, 2012. С. 157.

влекались специалисты практики, судьи, ученые и работники Министерства юстиций Нидерландов, а финансирование проекта происходило со стороны правительства Нидерландов¹⁴.

Международные финансовые организации, в частности группа Всемирного банка и его структуры, такие как Международный банк реконструкции и развития оказывали активную поддержку в проведении рыночных реформ в России. За последние 30 лет Всемирный банк осуществил около 130 проектов в России в различных секторах хозяйственной деятельности, в т. ч. в сфере законодательства и правосудия.

В частности, 17 проектов были посвящены вопросам государственного регулирования, 14 проектов – формированию правовых институтов для рыночной экономики, 12 проектов – проведению административной реформы и реформы государственной службы, 12 проектов – фискальной политике и налоговому управлению, 9 проектов – структурной перестройке и приватизации государственных предприятий, 8 проектов – правовым реформам, а также другие проекты функционирования системы государственного управления, доступа к правосудию и юридическим услугам, а также в сфере верховенства права.

Например, в 1992 году был утвержден проект Privatization Implementation Assistance Project с объемом финансирования 90 млн долл., в 1994 году запущен Financial Institution Project (200 млн долл.), в 1996 году Capital Market Development Project (89 млн долл.) и Legal Reform Project (58 млн долл.), в 2007 году Judicial Reform Support Project (50 млн долл.)¹⁵.

В 1992 году в США был принят закон, согласно которому получили поддержку проекты по развитию демократии, прав человека, модернизации экономик на рыночных началах, соблюдению норм международного права и обязательств по контролю над вооружениями в России, странах СНГ и Прибалтики¹⁶. Активную работу в правовой сфере на территории России проводила американская организация USAID, которая с 1992 года осуществила множество проектов. В основном проекты USAID были сосредоточены на развитии судебной системы, законодательных реформах, юридическом образовании и институтах гражданского общества. Проекты в сфере правоохранительной и правоприменительной практики и реформа уголовного законодательства поддерживалась напрямую со стороны Государственного департамента США, Министерства юстиций и Федерального казначейства¹⁷.

¹⁴ Otto J. M., Rooij van B. Lawmaking for Development: Exploration into the Theory and Practice of International Legislative Projects. Leiden University Press (2008) Pp. 237–238.

¹⁵ Всемирный банк. Проекты в Российской Федерации. URL: https://projects.vsemirnyjbank.org/ru/projects-operations/projects-list?lang=ru&searchTerm=&countrycode_exact=RU.

¹⁶ Freedom for Russia and Emerging Eurasian Democracies and Open Markets Support Act, FSA, HR 282. URL: <https://www.congress.gov/bill/102nd-congress/house-bill/4547>.

¹⁷ US Rule of Law Assistance has had Limited Impact and Sustainability. URL: <https://www.gao.gov/new.items/d01740t.pdf> (Pp. 5–6).

Организация USAID оказывала помощь в подготовке Конституции России, первой части ГК РФ, Налогового и Земельного Кодексов РФ, способствовала становлению института мировых судей и суда присяжных, организовывала российско-американские программы обмена для судей, в которых приняло участие около 5000 госслужащих. Правительство США выделило 329 млн долл. на развитие свободной рыночной экономики в России через основанный в 1995 году Российской-Американский инвестиционный фонд, который привлек около 1,2 млрд долл. иностранных инвестиций. Кроме того, программы группы Всемирного банка по реформированию российского законодательства были построены на моделях и практиках проводимых USAID в России с 1992 года¹⁸. В 2012 году, после двух десятилетий реализации проектов развития, USAID закрыла свои программы в России¹⁹.

Первая критика проектов развития, реализуемых в России, появилась уже через несколько лет после запуска этих программ. В работе 1996 году К. Хендлей выделила два фактора, которые делают проекты в области «права и развития» в России неэффективными. Во-первых, программы оказания юридической поддержки в России были разработаны для получения быстрых результатов. Во-вторых, разработчики проектов зачастую не представляли культурно-исторических особенностей России²⁰.

С 1992 по 2000 годы правительство США выделило 216 млн долл. на поддержку программ верховенства права в странах СНГ. В 2001 году правительством США был опубликован доклад об ограниченном воздействии помощи, которую США оказывали государствам – бывшим странам СССР. В отчете отмечалось, что в результате выполнения данных программ верховенство права на территории государств бывшего Советского Союза не получило широкого распространения. Согласно данному документу, главными факторами, ограничивающими развитие верховенства права в СНГ, стали отсутствие политического консенсуса относительно проведения реформ, недостаток финансовых ресурсов, необходимых для внедрения инноваций, ошибки в разработке и имплементации проектов со стороны агентств по развитию. В частности, проекты, реализуемые в России, зачастую просто не содержали специальных стратегий достижения долгосрочных целей через реформирование правоприменительной практики²¹.

¹⁸ USAID in Russia. URL: <https://www.usaid.gov/news-information/fact-sheets/usaaid-russia>.

¹⁹ URL: https://www.usaid.gov/sites/default/files/documents/1863/EE_20_Year_Review.pdf.

²⁰ Law and Development in Russia: A Misguided Enterprise? *Hendley K.* Proceedings of the Annual Meeting (American Society of International Law) Vol. 90, Are International Institutions Doing Their Job? (March 27–30, 1996). Pp. 237–240.

²¹ US Government Accountability Office, US Rule of Law Assistance has had Limited Impact and Sustainability. URL: <https://www.gao.gov/new.items/d01740t.pdf>. P. 3.

К концу первого десятилетия появилось понимание, что «международная техническая помощь» в сфере государственного управления потеряла какой-либо смысл, т.к. «во многих случаях экспертами работали специалисты, которые не всегда хотели осваивать российскую практику и учитывать менталитет, реальную загрузку российских чиновников, их приоритеты. Зачастую предлагалось разрабатывать тематику либо далекую от практических потребностей, либо для которой в России еще не созданы необходимые условия»²².

Критике также подвергся постулат о необходимости наличия институтов верховенства права для привлечения в страну иностранных инвестиций. Предполагается, что государство должно укреплять институты верховенства права и правового государства для привлечения инвестиций, без которых невозможно развитие экономики. По мнению Т. Каротера, вопрос, действительно ли иностранные инвестиции всегда являются необходимым условием развития, остается неясным. Он утверждает, что не существует неопровержимых доказательств того, что для привлечения инвестиций страна должна иметь устоявшееся, хорошо функционирующее правовое государство²³.

Изучение процессов реформирования отечественного законодательства в новейшей истории России показывает, что задача по переходу от административно-командной системы к свободным рыночным отношениям оказалась тяжело выполнимой за краткосрочный период времени. Только для принятия всех частей нового Гражданского кодекса РФ потребовалось более 10 лет. В процессах разработки нового законодательства принимали участие внешние эксперты и институциональные игроки, деятельность которых оценивается неоднозначно. В период с 1992 по 2004 г. Россия в среднем ежегодно получала около 1,5 млрд долл. США иностранной помощи²⁴. В 2010-х годах большинство проектов в области «права и развития» в России были закрыты, а работа по совместной разработке актуальных вопросов трансформировалась в межведомственное и экспертное сотрудничество.

Во второй половине XX века, в рамках ООН, было создано глобальное партнерство по содействию международному развитию в многостороннем формате. На рубеже 1980–1990 годов была оформлена концепция устойчивого развития, которая включила в понятие развития не только показатели экономического роста, но также вопросы развития человеческого потенциала и

²² Административная реформа и реформа государственной службы в России – вопросы реализации и координации: препринт WP8/2010/01. М.: Издательский дом Государственного университета – Высшей школы экономики, 2010. С. 35.

²³ Carothers T. (2003) Promoting The Rule Of Law Abroad. Carnegie Endowment for Int'l Peace, Washington D. C. URL: <https://carnegieendowment.org/files/wp34.pdf>. P. 6.

²⁴ Бартенев В. И., Глазунова Е. Н. Содействие международному развитию. Курс лекций. М.: Всемирный банк, 2012. С. 202.

обеспечение защиты окружающей среды в интересах не только нынешнего, но и будущих поколений.

Во время холодной войны США и Советский Союз рассматривали содействие международному развитию и оказание соответствующей помощи в качестве дипломатического инструмента, который использовался для укрепления политических альянсов и получения иных стратегических преимуществ. Соответственно, ни одна из сторон не была заинтересована в укреплении многостороннего сотрудничества, а развивала двусторонние отношения в этой сфере. В данной ситуации заявленные цели гуманитарной миссии могли существенно отличаться от истинных и содержать не только морально-нравственные мотивы оказания помощи наименее развитым странам, а иметь иные материальные интересы в политической и экономической сфере.

С начала 1990-х годов, на полтора десятилетия, Россия переходит из категории стран-доноров в реципиента международной помощи развитию. Правовой базой получения Россией международного содействия развитию становится принятый в 1999 году Федеральный закон «О безвозмездной помощи»²⁵. На протяжении 20 лет (с 1998 по 2018 гг.) представительство Программы развития ООН (ПРООН) в России помогало в достижении целей развития. Со стороны ПРООН были поддержаны различные инициативы, реализованные как на федеральном, так и на региональном и местных уровнях. Поддержка проектов со стороны ПРООН осуществлялась путем предоставления консультаций, технического содействия и организационного содействия органам государственной власти и партнерам в сфере гражданского общества. В последние годы деятельность ПРООН в России была сконцентрирована на проблеме глобальных вызовах в сфере окружающей среды, таких как сохранение биоразнообразия, смягчение последствий изменения климата и рациональное управление международными водами.

С 2006 году Россия впервые в новейшей истории заявила о себе как о стране-доноре в глобальном контексте²⁶. В 2007 году была принята Концепция участия Российской Федерации в содействии международному развитию²⁷. В Концепции указано, что если в «последние годы участие России в

²⁵ О безвозмездной помощи (содействии) Российской Федерации и внесении изменений и дополнений в отдельные законодательные акты Российской Федерации о налогах и об установлении льгот по платежам в государственные внебюджетные фонды в связи с осуществлением безвозмездной помощи (содействия) Российской Федерации: Федер. закон от 04 мая 1999 г. № 95-ФЗ (ред. от 24.11.2008). [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

²⁶ Косачев К. И. Россия и содействие международному развитию // Международная жизнь. 2014. № 6. С. 12–20.

²⁷ Концепция участия Российской Федерации в содействии международному развитию: утв. Президентом РФ 14 июня 2007 г.

содействии международному развитию (СМР) осуществлялось, главным образом, в форме списания задолженности по ранее предоставленным бывшим СССР кредитам, например, в рамках Инициативы по облегчению долгового бремени беднейшим стран, то в настоящее время на первое место выходят механизмы оказания помощи в форме грантов в международные фонды и программы СМР»²⁸.

В 2014 году Указом Президента России была утверждена новая Концепция государственной политики Российской Федерации в сфере содействия международному развитию²⁹, в которой был сделан акцент на значимость двусторонних программ и адресной помощи, а новым приоритетом в этой области для России стали соседние страны, в частности, государства СНГ. В Концепции 2014 года, в качестве приоритетных направлений российского содействия международному развитию, названы повышение качества работы систем государственного управления, улучшение условий для осуществления торгово-инвестиционной деятельности, способствование региональной интеграции. В пункте 4 доктринально закреплено, что «Россия поддерживает стремление международного сообщества к устойчивому социально-экономическому развитию всех государств, являющемуся фундаментом современной системы международной стабильности и коллективной безопасности, и ставит содействие такому развитию целью государственной политики Российской Федерации в этой сфере»³⁰. Согласно отчету Министерства финансов России за период 2010–2014 гг. Россия выделила 3 млрд. долл. США на двусторонней и многосторонней основе в целях содействия международному развитию³¹.

Начиная с 2015 года, партнерство России и ПРООН в рамках подписанного рамочного соглашения приобрело долгосрочный стратегический характер. В рамках этого соглашения Россия сконцентрировалось на предоставлении помощи другим странам для достижения целей устойчивого развития во всем мире. Созданный в рамках партнерства Россия–ПРООН Фонд развития начал поддержку различных проектов в области устойчивого управления водными ресурсами, уменьшения опасности от стихийных бедствий, изменения климата и устойчивого развития энергетики во всем мире и осо-

²⁸ Там же. С. 4–5.

²⁹ Об утверждении Концепции государственной политики Российской Федерации в сфере содействия международному развитию: указ Президента РФ от 20 апр. 2014 г. № 259 (ред. от 24.05.2016). [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³⁰ Там же.

³¹ Российский вклад в содействие международному развитию в 2014 году. Министерство финансов Российской Федерации. URL: https://www.minfin.ru/ru/document/?id_4=69536-rossiiskii_vklad_v_sodeistvie mezhdunarodnomu_razvitiyu_v_2014_godu.

бенно в странах Восточной Европы и Центральной Азии. В 2018 году ПРООН завершил свои операции в России и закрыл Центр поддержке проектов³².

Таким образом, в период холодной войны Советский Союз использовал механизмы оказания международной помощи в т. ч. для реализации определенных политических интересов. На протяжении 15 лет, с начала 1990-х годов, Россия превратилась из страны-донора в страну-реципиента международной помощи, а во второй половине 2000-х годов вернулась в ряд государств, оказывающих содействие международному развитию. Современная стратегия России в этой сфере направлена на создание благоприятных условий для решения глобальных и региональных политико-гуманитарных задач, созданы правовые механизмы ее реализации, выделяется финансирование, позволяющее реализовывать проекты в области развития.

В настоящее время существуют различные подходы к доктрине «право и развитие» и невозможно выделить единую точку зрения на взаимодействие права и социально-экономического прогресса. В качестве систематического учения доктрина «право и развитие» появляется во второй половине XX века. В конце XX – начале XXI века доктрину все больше ученых начинают ассоциировать с концепциями верховенства права и правового государства.

Социальные трансформации второй половины XX века происходили на фоне научно-технического прогресса и зарождения элементов постиндустриального общества. Завершение колониальной эпохи привело к образованию более 130 новых независимых государств. Развитие новых технологий позволило увеличить связи между государствами и негосударственными образованиями, появились глобальные международные институты, укрепились транснациональные корпорации. Политические факторы оказали существенное воздействие на формирование повестки развития. Противостояние между капиталистическим и социалистическим миром периода холодной войны оказало воздействие на появление проектов в области «права и развития».

Теоретической основой первого движения «право и развитие» стал комплекс экономических моделей, разработанных для применения в развивающихся странах. Теория модернизации была основана на идее, что все государства, находящиеся на пути развития от традиционных обществ к современным, проходят одинаковые стадии и этапы. В практическом плане предполагалось достижение целей догоняющего развития путем внедрения западных институтов, капитала и ценностей в развивающихся странах. Эта модель модернизации не дала серьезных положительных результатов, на смену ей пришли критические теории, и в 1970-е годы снизился интерес к проектам «права и развития».

³² United Nations Development Programme Russian Federation // URL: <http://www.undp.ru/>.

Возрождение доктрины «права и развития» происходит с утверждением неолиберальной теории и сменой парадигмы развития в соответствии с новыми воззрениями. Если до прихода неолиберальной волны ставки делались на определяющую роль государственного участия в развитии общества, то со сменой концепции произошел существенный сдвиг в сторону рыночных механизмов.

Становление неолиберальной волны совпало с началом перестройки в СССР, упразднением Организации Варшавского договора и образованием новых постсоциалистических государств. В это время происходит возобновление интереса к проектам «права и развития», получившим в научной литературе название «второго движения».

Новые постсоциалистические страны, включая Россию, были активно включены в проекты в области «права и развития». Реализация на практике неолиберальных принципов в развивающихся странах в большинстве случаев не привела к положительным результатам, а в некоторых странах это стало причиной экономических кризисов 1990-х годов.

В реализации проектов «права и развития» в России принимали участие как группы экспертов из различных стран, так и институциональные игроки (международные финансовые организации, такие как Международный банк реконструкции и развития, входящий в группу Всемирного банка, и международные агентства развития). Эта деятельность, как правило, имела внешнее по отношению к России финансирование и проходила как на федеральном, так и на региональном уровнях государственного управления, а также в муниципальных образованиях. В рамках реализуемых проектов оказывались консультационные услуги в области разработки нового законодательства, были поддержаны проекты по формированию правовых институтов для рыночной экономики, реформы административного законодательства и налогового регулирования и другие правовые реформы. К концу 2010-х годов активная деятельность различных международных агентств и институтов в России была заменена точечными проектами. Например, деятельность в рамках партнерства России и Программы развития ООН в 2015 году была нацелена на оказание помощи странам в рамках решения глобальных проблем человечества.

Во второй половине XX века большое количество проблем приобрело глобальный характер. К таким проблемам относятся вопросы разрешения международных конфликтов, решение вопросов бедности, нищеты, неравномерного развития, доступа к энергетическим и сырьевым ресурсам, состояния экологической сферы планеты и становления глобального правового пространства.

Формирование комплекса мероприятий по решению глобальных проблем человечества началось в рамках деятельности институтов ООН. К 2000 году была разработана и принята всеобъемлющая 15-летняя программа

по достижению целей в области развития, нацеленная на оказание помощи развивающимся странам. В 2015 году программа целей развития была продолжена на период до 2030 года и расширена как в количественном, так и в качественном выражении. Сегодня в процессе имплементации целей в области устойчивого развития участвуют не только развивающиеся, но и развитые страны. В правовой сфере реализуются задачи по обеспечению доступа к правосудию, созданию эффективных, подотчетных и основанных на широком участии институтов и реализации принципа верховенства права.

Эффективность проектов в области «права и развития» в России за период с 1990 по 2020 годы оценивается, по меньшей мере, неоднозначно. Практический опыт по реформированию российской экономики показывает, что за короткий срок невозможно изменить основы правовой культуры. Для реформирования оснований правовой культуры может потребоваться приложение гораздо больших усилий.

Правовые реформы должны проводиться с учетом культурных особенностей и других факторов, которые будут иметь влияние на развитие общественных отношений в будущем. К таким факторам сегодня относятся новейшие информационные технологии, разработки в области искусственного интеллекта, робототехники, систем биоинженерии, открывающие путь к созданию информационно-телекоммуникационной среды. В настоящее время создание новых правовых рамок в целях устойчивого развития является актуальной задачей для современной науки и практической политики.

Библиографический список

Алексеев С. С. Право собственности. Проблемы теории: 3 изд. М.: Норма, 2012.

Барабашев А. Г., Клименко А. В. Административная реформа и реформа государственной службы в России – вопросы реализации и координации: М.: Издательский дом ГУ – ВШЭ, 2010.

Бартенев В. И., Глазунова Е. Н. Содействие международному развитию. Курс лекций. М.: Всемирный банк, 2012.

Косачев К. И. Россия и содействие международному развитию // Международная жизнь. 2014. № 6.

Коптева М. М., Очкова М. С. «Техническая «помощь» в стратегии империализма». М.: Мысль, 1977.

Хабриева Т. Я. Конституционная реформа в современном мире: монография / Москва: Наука РАН, 2016.

Sen A. Development as Freedom. Oxford University Press, 1999.

Ashcroft B. Postcolonial Studies: the Key Concepts. Routledge Key Guides 3ed ed. 2013.

Tamanaha B. The Primacy of Society and the Failures of Law and Development, N. 10-03-02, Cornell International Law Journal, 2009.

Carothers Th. Promoting the Rule of Law Abroad. Carnegie Endowment for Int'l Peace, Washington D.C. 2003.

Trubek D., Galanter M. M. Scholars in self estrangement: reflections on the crisis in law and development studies in the US. Wisconsin Law Review. 1974 (4).

Trubek D., Santos A. The New Law and Economic Development: a Critical Appraisal. Cambridge University Press, 2006.

Trubek D., Law and Development 50 Years on University of Wisconsin Legal Studies Research Paper No. 1212, 2012.

Chenery H. Structural Change and Development Policy. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1979.

Otto J. M., Rooij B. van. Lawmaking for Development: Exploration into the theory and practice of international legislative projects, Leiden University Press, 2008.

Stein R. Rule of Law: What Does It Mean? 18 MINN. J. INT'L L. (2009).

Williamson J. What Washington Means by Policy Reform, in Latin American Readjustment: How Much Has Happened, John Williamson ed., 1989.

Hendley K. Law and Development in Russia: A Misguided Enterprise? Proceedings of the Annual Meeting (American Society of International Law). Vol. 90. Are International Institutions Doing Their Job? (March 27–30, 1996).

Davis K., Trebilcock M. The Relationship between Law and Development: Optimists versus Sceptics, 56 AM. J. COMP. L. 895, 2008.

Prado M. What is Law & Development? 11, Revista Argentina de Teoria Juridica, 2010.

Todaro M., Smith S. Economic development. Pearson, 12th ed. 2014.

Lee Y. S. General Theory of Law and Development. 50 Cornell Int'l L. J., 2017.

Информация для цитирования

Ex jure

Добротворский П. П. Преломление доктрины «право и развитие» в России: перспективы теории и практическая политика // Ex jure. 2021. № 1. С. 7–22. DOI: 10.17072/2619-0648-2021-1-7-22.

Dobrotvorsky P. P. Law and Development Reflection in Russia: Perspectives of the Theory and Field Policy. *Ex jure*. 2021. № 1. Pp. 7–22. (In Russ.). DOI: 10.17072/2619-0648-2021-1-7-22.

УДК 159.9:316.48]:342.56(091)1941/1957

DOI: 10.17072/2619-0648-2021-1-23-36

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ДЕФОРМАЦИЯ И КОНФЛИКТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ В ОРГАНАХ ТРАНСПОРТНОЙ ЮСТИЦИИ (1941–1957 гг.)

Д. Н. Шкаревский

Кандидат исторических наук, доцент
доцент кафедры теории и истории государства и права

Сургутский государственный университет
628400, Россия, г. Сургут, пр. Ленина, 1

E-mail: shkarden@mail.ru

***Аннотация:** в течение 1940–1950-х гг. встречается большое количество примеров, свидетельствующих о профессиональной деформации сотрудников системы органов транспортной юстиции. Среди них возможно выделять несколько групп: бытовое разложение сотрудников, коррупция и превышение должностных полномочий, конфликты внутри органов транспортной юстиции и с другими органами власти, сопровождающиеся привлечением компрометирующих материалов. В период Великой Отечественной войны конфликтный потенциал в органах транспортной юстиции находился на низком уровне. После войны в органах юстиции разгорелись крупные конфликты, обусловленные рядом объективных и субъективных факторов. В них руководство органов юстиции потерпело поражение, и было заменено. В первой половине 1950-х гг. конфликтный потенциал в этих органах снизился. В 1955–1957 гг. конфликты в самих органах юстиции практически отсутствовали, т.к. активно обсуждался вопрос об их ликвидации. Выявленные тенденции отмечаются на фоне улучшения основных кадровых показателей. Можно предположить, что после завершения Великой Отечественной войны в органы транспортной юстиции пришло новое поколение со-*

© Шкаревский Д. Н., 2021

трудников. Оно вступило в конкурентную борьбу со старшим поколением, используя сбор компрометирующих материалов.

Ключевые слова: советская юстиция; советский суд; специальная юстиция; транспортная юстиция; транспортные суды

THE PROFESSIONAL DEFORMITY AND CONFLICT POTENTIAL IN TRANSPORT JUSTICE (1941–1957)

D. N. Shkarevsky

Surgut State University

1, prospekt Lenina, Surgut, Russia, 628400

E-mail: shkarden@mail.ru

Abstract: *during the 1940s–1950s, there were a large number of examples of professional deformation of employees of the transport justice system. The author identified several groups: domestic corruption of employees, corruption and abuse of power, conflicts within the transport justice system and with other authorities, accompanied by the involvement of compromising materials. During the great Patriotic war, the conflict potential in the transport justice system was at a low level. After the war, major conflicts broke out here. They were caused by a number of objective and subjective factors. In them, the leadership of the justice authorities was defeated. It was replaced. In the first half of the 1950s, the conflict potential decreased. In 1955–1957, there were practically no conflicts in the justice system. The issue of their elimination was actively discussed. The identified trends are noted against the background of improvement in the main personnel indicators. It can be assumed that after the end of the great Patriotic war, a new generation of employees entered the transport justice system. It entered into a competition with the older generation. They used to collect incriminating materials.*

Keyword: *soviet justice; soviet court; special justice; transport justice; transport courts*

Органы транспортной юстиции в СССР действовали с 1930 по 1957 гг. и относились к категории специальных. В период Великой Отечественной войны они были переименованы в военные трибуналы. Их кадровый потенциал и деятельность в отечественной литературе описаны достаточно подробно¹. Зарубежная историография изучению этих органов практи-

¹ Козинцев А. Я. Транспортная юстиция СССР в годы ВОВ // Транспортное право. 2008. № 2. С. 42–45; Козинцев А. Я. Транспортная юстиция СССР в первые послевоенные годы // Транспортное право. 2008. № 3. С. 46–47; Козинцев А. Я. Транспортная юстиция СССР в 1948–1957 гг. // Транспортное право. 2008. № 4. С. 41–44; Печерский В. А. Линейные суды и военные трибуналы водных бассейнов Восточной Сибири в годы ВОВ // Вестник Томского

чески не уделяет внимания². До сих пор существует ряд не изученных аспектов в рамках данной темы. Такое явление как профессиональная деформация сотрудников органов общей юстиции изучалось достаточно подробно. Подобное обобщение в отношении судей специальных судов не проводилось.

Основная задача работы состоит в выявлении и классификации фактов профессиональной деформации, определении конфликтного потенциала этих органов.

Исходя из тех материалов, которые отложились в делопроизводственных документах, находящихся в открытом доступе, можно сделать вывод, о том, что примеры профессиональной деформации среди сотрудников изучаемых органов в течение 1940-х гг. встречались достаточно часто.

К примеру, уже в октябре 1943 г. приказом начальника ГУВТТ № 002 «О состоянии воинской дисциплины и порядка в военных трибуналах железнодорожного и водного транспорта» отмечался низкий уровень дисциплины: «личный состав трибуналов зачастую пренебрегает элементарными правилами внешней опрятности и поведения. Многие военнослужащие являются на работу небритыми, в мятой одежде, плохо подтянутыми, в не чищенных сапогах, носят одежду неустановленной формы и всем своим видом, подчас, дискредитируют звание советского офицера. Это положение усугубляется еще и тем, что в военных трибуналах железнодорожного и водного транспорта сплошь и рядом нарушаются правила поведения военнослужащих, установленные уставами и приказами. Члены трибунала и другие военнослужащие входят к председателю без разрешения, выслушивают его приказы сидя, вступают в пререкания при получении приказа председателя трибунала и нечетко исполняют приказания»³. Поэтому зам. наркома юстиции Г. Пуговкин приказал при производстве ревизий трибуналов проверять поведение военнослужащих и порядок, установленный в трибунале.

На наш взгляд, условно проявления профессиональной деформации сотрудников транспортной юстиции можно разделить на несколько групп.

Во-первых, *аморальное поведение* или бытовое разложение. Эти явления дискредитировали органы транспортной юстиции. Отмечу, что нередко нарушение моральных норм сопровождалось нарушением правовых норм.

государственного университета. История. 2014. № 5 (31). С. 57–65; Шкаревский Д. Н. Органы транспортной юстиции СССР в 1941–1957 гг. // Вопросы истории. 2020. № 7. С. 235–247; Шкаревский Д. Н. Кадровый состав военных трибуналов транспорта в период ВОВ // История государства и права. 2015. № 24. С. 42–45.

² Соломон П. Советская юстиция при Сталине. М.: РОССПЭН, 2008. 463 с.; Gorlizky Y. Delegalization in Russia: soviet comrades courts in retrospect // The American journal of comparative law. 1998. № 3. Vol. 46. Pp. 403–425; Conquest G. Justice and the legal system in the USSR. New York; Washington: A.F. Praeger, 1968. 152 p.

³ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 4. Д. 35. Л. 38, 39.

В военный период факты подобного поведения огласке старались не предавать. Известны следующие случаи аморального поведения. Так, председатель военного трибунала первой гвардейской железнодорожной бригады гвардии майор юстиции А. открыл «бесцельную стрельбу из пистолета на улице г. Батайска». За это ему был объявлен выговор⁴.

Председатель ВТ Омской ж.д. майор юстиции Г. «вечером 6.09.1944 г. в нетрезвом состоянии явился в канцелярию военного трибунала, нанес оскорбления секретарю трибунала Платоновой, произвел выстрел вверх из револьвера “Наган”, а затем начал рвать копии приговоров». Также вскрылось, что он «в течение полугода не сдал в госбанк 3 565 руб. 26 коп., конфискованных по приговору военного трибунала еще в декабре 1943 г.»⁵.

В период 1945–1947 гг. количество фактов, свидетельствующих об аморальном поведении ряда работников органов транспортной юстиции, увеличилось. Так, сообщалось о злоупотреблениях работников трибунала Ташкентской ж.д. Б., П., которые во время выездов на линию занимались «пьянками». «Они же поддерживали связь с работниками ОРСов Ташкентской ж.д., которые их незаконно снабжали фондированными товарами и продуктами». В результате большинство работников ОРСов позволяли себе злоупотребления и махинации: «Нам не страшно. Дело попадет в военный трибунал и нас оправдают». Сообщалось, что «действительно дела работников ОРСов затягиваются, не обоснованно возвращаются на доследование»⁶. Подобные сообщения о незаконном снабжении сотрудников транспортной юстиции встречаются нередко⁷.

Немало аморальных ситуаций возникало в связи с интересом членов трибуналов к противоположному полу. Многие сотрудники были не избирательны в личной жизни. Так, председатель трибунала Приморской ж.д. Б. вступил в связь с женой своего подчиненного, что привело к длительному разбирательству этого дела⁸. Известны и другие факты подобного рода.

Таким образом, нарушение моральных норм работниками трибуналов транспорта сводилось к злоупотреблению алкоголем и не избирательным связям с женщинами. Выявление подобных фактов объясняется стремлением коллег избавиться от такого рода сотрудников.

Во-вторых, *превышение должностных полномочий и проявление коррупции* в органах транспортной юстиции. Достаточно часто превышение полномочий, особенно в военный период и первые послевоенные годы, сводилось к таким проступкам как использование средств инфраструктуры в лич-

⁴ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 4. Д. 34. Л. 55.

⁵ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 4. Д. 68. Л. 166.

⁶ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 4. Д. 141. Л. 201.

⁷ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 4. Д. 80. Л. 27.

⁸ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 4. Д. 14. Л. 2.

ных целях. К примеру, в сентябре 1942 г. выяснилось, что «бывший председатель военного трибунала Черноморского флота В. неоднократно направлял секретарей под видом служебных командировок для сопровождения своей семьи, а также семей других работников. Судебные секретари С. и Б. пробыли в такой «командировке» около 2 месяцев за счет государства, с выдачей воинских проездных документов»⁹.

Кроме этого, в сентябре 1943 г. в приказе по ГУВТТ № 0948 Г. Пуговкин отмечал, что председатели военных трибуналов железных дорог, используют прикрепленные к трибуналам служебные вагоны Наркомата путей сообщения (далее – НКПС) для всякого рода поездок по линии, не связанных с работой трибуналов¹⁰.

Также в 1944 году были отмечены случаи, когда офицеры органов транспортной юстиции, используя служебное положение, отправляли под видом секретной корреспонденции личные посылки (например, 2 л. водки, папиросы, вазелин, крем и зубную пасту)¹¹ и использовали междугороднюю телефонную связь в личных целях¹².

В период войны имели место факты нарушения финансовой дисциплины, незаконного получения денег. За это правонарушение бывшему председателю военного трибунала Николаевского-на-Амуре пароходства М. был объявлен выговор, а бухгалтерии НКЮ СССР было приказано незаконно полученные суммы удержать из его зарплаты¹³.

Во время войны было распространено присвоение имущества осужденных и вещественных доказательств¹⁴. Так, бывший член военного трибунала Томской ж.д. ст. лейтенант юстиции П. 14 августа 1943 г. совместно с комендантом Томской ж.д. ст. лейтенантом Б. присвоил по 2 уголовным делам, рассмотренным им же, ценности осужденных. За это 25 сентября 1943 г. военный трибунал Сиб.ВО осудил его к 5 г. ИТЛ с направлением на фронт¹⁵.

Также в период войны обострилась проблема коррупции. Подобных фактов среди работников органов транспортной юстиции известно гораздо больше, чем в 1930-е гг.

В октябре 1943 г. в приказе № 0972 отмечались следующие факты. Бывший член военного трибунала Томской ж.д. П. по сговору с комендантом Б. из вещественных доказательств присвоил пару карманных часов и 1 800 руб. Судебный секретарь военного трибунала Закавказской ж.д. Д.

⁹ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 1а. Д. 176. Л. 208.

¹⁰ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 4. Д. 35. Л. 29.

¹¹ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 4. Д. 50. Л. 224.

¹² ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 25. Д. 458. Л. 193.

¹³ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 4. Д. 34. Л. 36.

¹⁴ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 13. Д. 323. Л. 1.

¹⁵ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 13. Д. 395. Л. 135.

за взятку вернул осужденному В. военный билет и освободил последнего от направления в штрафную роту. Имели место и другие подобные факты.

В связи с этим заместитель наркома юстиции Г. Пуговкин в приказе предлагал председателям трибуналов провести аттестацию кадров¹⁶. Однако это проблемы не решило.

Коррупция в органах транспортной юстиции обострилась на завершающем этапе войны и в первые послевоенные годы. Так в 1945 г. были выявлены следующие факты коррупции. Член трибунала Южно-Уральской ж.д. ст. лейтенант Ф. получал подарки (взятки) за смягчение приговора через посредника. Посредник взял себе деньги, ткань, а Федулову передал банку с маслом и хромовые тапочки. Член военного трибунала (далее – ВТ) Ашхабадской ж.д. К. получает взятки (пьянствовал 2 дня с братом подсудимого) и выносит неправосудные приговоры. Он же оправдал взяткополучателя. Нарушения и неправосудные приговоры К. подтвердились, за это было решено его «отчислить по непригодности»¹⁷. Член ВТ Казанской ж. д. С. получила от гражданки Х. Ш. 20 тыс. руб. за содействие в освобождении из-под стражи ее дочери Г. Ш., которая была арестована по Закону 7.08.1932 г. Однако суд осудил Г. Ш. на 10 лет, лишения свободы. С. не участвовала в заседании суда. Поэтому Х. Ш. потребовала возврата 20 тыс. руб. С. вернула 4 тыс. руб. и 3 метра материала (оценила в 2 300 руб.). После этого С. стала угрожать Х. Ш., поэтому последняя обратилась в НКГБ¹⁸. Подобные примеры достаточно многочисленны¹⁹.

Таким образом, несмотря на более высокое денежное содержание сотрудников органов транспортной юстиции среди них были распространены преступления имущественного характера. Имели место, как факты превышения должностных полномочий, так и факты коррупции.

В-третьих, *конкуренция*, как между органами транспортной юстиции, так и с другими органами власти. Это явление часто сопровождалось сбором и обнародованием компрометирующих материалов. Первоначально (в первый период войны) такие споры разрешались руководством²⁰.

На нижестоящих уровнях подобные конфликты превращались в случаи «несрабатанности», а разбирательства сопровождалось сбором и обнародованием компрометирующих материалов. Так, прокурор Ленского бассейна подполковник юстиции А. «не сработался» с председателем ВТ Ленского бассейна капитаном юстиции К. Собрав компрометирующие материалы на последнего (изнасиловал гражданку А., пьянствует, злоупотребляет властью), он обратился в Главную военную прокуратуру морского и речного флота

¹⁶ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 4. Д. 35. Л. 33об.

¹⁷ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 4. Д. 143. Л. 130, 187.

¹⁸ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 4. Д. 141. Л. 15.

¹⁹ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 4. Д. 80. Л. 51, 55, ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 4. Д. 2. Л. 92.

²⁰ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 1а. Д. 175. Л. 77.

(А. Щитович), и в Наркомат юстиции (Г. Пуговкин). В результате К. был освобожден от должности и назначен членом ВТ Ангарского и Байкало-Селенгинского бассейна²¹.

Достаточно остро складывались взаимоотношения между НКГБ и органами транспортной юстиции. Так, сотрудники НКГБ жаловались в Наркомат юстиции (далее – НКЮ) на военный трибунал Томской ж.д., обвиняя заместителя председателя К. и члена трибунала Б. в том, что они оправдывают обвиняемых по преступлениям за антисоветскую агитацию, а свидетелей – привлекают за клевету к уголовной ответственности²².

В 1945 г. начальник водного отдела НКГБ Нижне-Дунайского бассейна С. подал жалобу начальнику 3 управления НКГБ СССР генерал-лейтенанту М. «О злоупотреблении служебным положением и нарушении революционной законности работниками военной прокуратуры и Военного трибунала Дунайского бассейна». В жалобе он указал следующие факты: «Прокурор К., читая доклад на собрании рабочих порта о революционной законности, допустил неправильное толкование в вопросе о времени рабочего дня... Заместитель прокурора О. несколько раз выезжал в Румынию. ... Прокурор К. взял из бухгалтерии порта 1 тыс. рублей, а вернул только 500 рублей. ... К. получил дом, но ему понравился другой, его отремонтировали, и он в новый дом перевез всю обстановку, оставив прежнее жилье в состоянии, требующем ремонта. ... Работники трибунала во главе с председателем М. в помещении трибунала неоднократно устраивали пьянки с приглашением женщин. Кутежи иногда кончались драками. ... Для избежания налога на бездетность руководство трибунала составило фиктивный документ о наличии детей у работников трибунала. ... Председатель военного трибунала М. и работник трибунала Ш. неоднократно выезжали в Румынию в личных целях без пропусков». Также возникали трения между органами транспортной юстиции и милицией²³.

Не всегда равными были взаимоотношения между транспортными судебными и прокурорскими органами. К примеру, в 1945 г. ВТ транспорта стали жаловаться на «пачкообразное» (в массовом порядке) истребование судебных дел органами транспортной прокуратуры. По их мнению, это противоречило совместному приказу НКЮ СССР и Прокуратуры СССР № 49/83 от 27 мая 1941 г. Трибуналы рассматривали это как «форму ревизии». В результате Главный военный прокурор ж.д. транспорта Хохлов дал указание органам прокуратуры не истребовать дела в массовом порядке²⁴.

После завершения войны имели место конфликты трибуналов и адвокатов. Так и. о. председателя ВТ Аму-Дарьинского и Аральского бассейна Т. обвинял заместителя председателя оргбюро Чарджоуской коллегии адвокатов

²¹ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 4. Д. 142. Л. 5.

²² ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 4. Д. 359. Л. 4.

²³ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 4. Д. 141. Л. 77, 141.

²⁴ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 4. Д. 143. Л. 70, 114.

Б. в недобросовестном отношении к работе, проявлении интереса только к платным делам, в не ознакомлении с делами. Также отмечалось, что коллегия выделяет «неквалифицированных адвокатов, которые часто себя компрометируют во время выступлений, допуская политические и юридические ошибки». Приводился пример с адвокатом П., которая узнав, что заседание ВТ продлится примерно до 20.00 ч., заявила, что болеет и ежедневно к 17.00 ч. у нее поднимается температура до 40 градусов и она теряет сознание²⁵.

Конкуренция между органами суда и прокуратуры на транспорте оставалась и после завершения войны. В 1951 г. Главный прокурор морского и речного флота А. Ренев даже призвал прокуроров не допускать в протестах «непозволительные выпады в отношении суда», перестать «неосновательно обвинять суды в необъективности, незнании материалов дела, поверхностном рассмотрении дела и даже тенденциозности»²⁶.

Существовали конфликты и внутри органов транспортной юстиции по линии «руководитель – подчиненный». В период войны подобных конфликтов было большое количество. 9 декабря 1943 г. начальник Главного управления военных трибуналов транспорта (далее – ГУВТТ) даже издал приказ № 169 «О неправильной дисциплинарной практике отдельных председателей военных трибуналов железнодорожного и водного транспорта». В нем отмечалось, что «практика наложения дисциплинарных взысканий в отдельных трибуналах свидетельствует о том, что председатели трибуналов не всегда следуют ... указаниям дисциплинарного устава и нередко применением дисциплинарных взысканий подменяют воспитание военнослужащих». Приводился в пример бывший председатель ВТ Калининской дороги т. Безусяк, который «в течение непродолжительного времени наложил дисциплинарные взыскания на всех военнослужащих военного трибунала»²⁷. Приказ рекомендовал отойти от подобной практики.

После завершения войны подобные конфликты не исчезли. Так, прокурор Латвийской ж.д. Киселев сообщал Главному прокурору ж.д. транспорта Терехову о некомплекте кадров, о том, что некоторые работники не соответствуют должности по деловым качествам. В ходе проверки было установлено, что Киселев, «недавно назначенный на эту должность, не имеет достаточного опыта руководящей работы, не сумел установить правильные деловые отношения с некоторыми из своих подчиненных и поставил вопрос об их откомандировании без всяких основ»²⁸.

Важным был конфликт конца 1940-х – начала 1950-х гг. между органами юстиции на транспорте, с одной стороны, и партийными и хозяйственными органами, с другой. Так, в декабре 1948 г. секретарь Ивановского обкома

²⁵ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 4. Д. 357. Л. 50.

²⁶ ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 28. Д. 837. Л. 1.

²⁷ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 4. Д. 34. Л. 194-193.

²⁸ РГАСПИ Ф. 17. Оп. 136. Д. 34. Л. 33.

ВКП (б) В. Лукьянов сообщал секретарю ЦК ВКП (б) П. Пономаренко о том, что «Прокуратура ж.д. транспорта допускает случаи отдачи под суд с привлечением к уголовной ответственности директоров и зам.директоров промышленных предприятий номенклатуры обкома ВКП (б) и даже ЦК ВКП (б). Линейные прокуратуры не согласуют свои действия с обкомом ВКП (б)»²⁹.

Были случаи, когда местные партийные органы пытались оказать психологическое давление на представителей органов транспортной юстиции. Так, прокурор Белгородского участка Южной ж.д. Курской обл. Г. подал заявление Г. Маленкову с просьбой оградить себя от нападков со стороны секретарей Белгородского горкома партии Ч. и О. и «призвать к порядку клеветников, распускавших слухи о якобы получаемых взятках». Подобные примеры в архивных документах встречаются достаточно часто³⁰.

После войны разгорелся конфликт между руководителями органов юстиции и заведующим отделом кадров ЦК ВКП (б) А. Бакакиным. В итоге, в 1948 г. потерпели поражение в этих конфликтах И. Голяков (председатель Верховного суда СССР) и Н. Рычков (Министр юстиции СССР), В. Ульрих (председатель Военной коллегии Верховного суда).

В этом конфликте на стороне А. Бакакина принимал участие и С. Дукельский (зам. наркома юстиции РСФСР), который в письме И. Сталину описывал: «элементы загнивания, засоренности и семейственности в руководящей верхушке системы юстиции. ... по существу руководства системой юстиции нет, если не считать систематического дергания судей ... антиконституционными приказными методами, разлагающими работников системы юстиции, разваливающими судебные органы и прокурорский надзор»³¹. Также С. Дукельский активно критиковал деятельность Н. Рычкова по составлению «Справочника народного судьи» за публикацию секретных документов, противоречащих Конституции СССР³².

И. Голякова обвинили в идеологических ошибках. Было проанализировано и раскритиковано несколько его научных работ. К примеру, статья «Суд и законность в художественной литературе», опубликованная в журнале «Социалистическая законность» № 3, 1949 г. критиковалась за «туманный» заголовок, большое количество «выписок из произведений других писателей», за призыв «к человечности и гуманности советских судей». Исследование под редакцией И. Голякова «Защита по уголовным делам» также критиковалась. Было устроено обсуждение этой книги, в котором приняли участие 6 000 адвокатов. Они дали отрицательный отзыв, опубликовав в журнале «Социалистическая законность» № 2, 1949 г. статью «Против буржуазных

²⁹ РГАСПИ Ф. 17. Оп. 136. Д. 73. Л. 1.

³⁰ РГАСПИ Ф. 17. Оп. 136. Д. 315. Л. 7, 44-46, 57, 70-71.

³¹ РГАСПИ Ф. 82. Оп. 2. Д. 892. Л. 98.

³² ГАРФ. Ф. 9474. Оп. 16. Д. 311. Л. 24-29.

влияний в Советском уголовном процессе». Управление по делам адвокатуры не рекомендовало пользоваться книгой И. Голякова как учебным пособием³³.

Также поступили анонимные сообщения о том, что И. Голяков и его заместитель А. Солодилов в 1946–1947 гг. «сумели выстроить по прекрасной даче» «с паркетными полами и всеми удобствами». При этом они якобы двоих рабочих ввели в штат грузчиков гаража, которые работали сторожами на этих дачах³⁴.

Бюро Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП (б) вынесло И. Голякову строгий выговор «за неправильное поведение в быту» и «небрежность при редактировании «Справочника народного судьи». Этот справочник «искажал законодательство» т.к. содержал «приказы и инструкции МЮ СССР и РСФСР, которые нельзя было помещать в справочник», а также «отмененные или утратившие силу» материалы³⁵.

Кроме того, в Верховном суде СССР разразился коррупционный скандал³⁶. Появилось Постановление ЦК ВКП (б) «О положении дел в Верховном суде СССР»³⁷. Деятельность И. Голякова была раскритикована за извращение законов, необоснованные снижения мер наказания, вредную практику рассмотрения судебных дел, «продвигаемых ловкими адвокатами», не обобщение судебной практики, позорные факты злоупотреблений служебным положением. На место председателя Верховного суда СССР был назначен А. Волин.

Компромат на В. Ульриха был собран заранее. Еще в 1945 г. Г. Маленков отправил В. Молотову письмо «О ненормальной обстановке, сложившейся в Военной коллегии Верховного суда СССР», в котором описывал бытовое разложение В. Ульриха (частые выпивки, сожительство с двумя женами, грубые публичные оскорбления подчиненных и т.п.). Отмечалось отсутствие «дружного сплоченного коллектива» в Военной коллегии, наличие «враждебных отношений» между т.т. Суслиным и Орловым, Суслиным и Климиным, Суслиным и Дмитриевым, Дмитриевым и Детистовым. При этом указывалось, что «т. Голякову и т. Рычкову известно все, но нет мер для оздоровления обстановки. Голяков самоустранился от руководства Военной коллегией Верховного суда СССР»³⁸. В. Ульрих был уволен с поста и назначен руководителем Высших военно-юридических курсов при Военно-юридической академии.

В Постановлении ЦК ВКП (б) «О положении дел в Верховном суде СССР» отдельно было указано: «заместитель председателя Верховного суда СССР т. Ульрих утратил партийную ответственность за порученное дело, до-

³³ РГАСПИ Ф. 17. Оп. 136. Д. 67. Л. 1, 7, 37.

³⁴ РГАСПИ Ф. 17. Оп. 136. Д. 22. Л. 5.

³⁵ РГАСПИ Ф. 82. Оп. 2. Д. 892. Л. 71, 74, 91.

³⁶ Шкаревский Д.Н. К вопросу о коррупции в Верховном суде СССР в конце 1940-х – начале 1950-х годов // История государства и права. 2016. № 22. С. 58–60.

³⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 136. Д. 22. Л. 45–47.

³⁸ РГАСПИ Ф. 82. Оп. 2. Д. 896. Л. 126.

пустил серьезные политические ошибки в работе Военной коллегии и совершил проступки, порочащие его как коммуниста и председателя Военной коллегии»³⁹. Его место занял А. Чепцов.

На Н. Рычкова также были собраны компрометирующие материалы. Так, в середине 1947 г. стало известно о том, что «Рычков, используя служебное положение, выстроил себе дачу, к которой во время войны была сделана пристройка, оборудовано паровое отопление и произведены другие работы. ... Проживая в доме правительства, держит для себя вторую квартиру в 7 комнат, оборудованную на средства Министерства юстиции. Закрепил за собой 6 машин из гаража министерства. Приобрел себе в собственность автомобиль, несколько радиоприемников, пианино и роялей. ... Уделяя много времени устройству своего личного благополучия, т. Рычков служебными делами занимается мало, плохо работает». В ходе проведенной проверки указанные факты подтвердились.

Однако Н. Рычков сопротивлялся увольнению, некоторое время находился на больничном, поэтому на него дополнительно были собраны компрометирующие материалы, согласно которым «Рычков ... не болен, поскольку появляется периодически неожиданно в министерстве»⁴⁰. В результате он был уволен, а его место занял К. Горшенин.

В ходе этих интриг была проведена проверка деятельности Железнодорожной (далее – ЖДК) и Воднотранспортной (далее – ВТК) коллегий Верховсуда. Проверка выявила следующие недостатки, изложенные в стиле 1930-х гг. Работа ЖДК «проходила беспланово, самотеком и на низком уровне. Оперативные совещания членов коллегии по обсуждению качества определений и очередных задач коллегии не проводились. На протяжении 1947 г. и истекшего периода 1948 г. коллегия не анализировала и не обобщала кассационно-надзорную практику, рассматривала дела без учета состояния преступности на железнодорожном транспорте, ограничившись составлением голых статистических сведений. За это время коллегия не поставила перед директивными органами, Министерством путей сообщения, Министерством юстиции ни одного принципиального вопроса. Отсутствие анализа и обобщения судебной практики приводило к серьезным ошибкам при рассмотрении судебных дел. ЖДК в ряде случаев, несмотря на распространенность взяточничества на транспорте, необоснованно снижала меры наказания взяточникам... ЖДК в 1947 г. продолжала порочную практику безосновательной переквалификации преступлений с Закона 7.08.1932 г. на статьи УК, предусматривающие более мягкое наказание... Качество выносимых определений Коллегией по многим делам низкое»⁴¹.

³⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 136. Д. 22. Л. 45-47.

⁴⁰ РГАСПИ Ф. 82. Оп. 2. Д. 892. Л. 69, 97.

⁴¹ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 2. Д. 51. Л. 186-192, РГАСПИ. Ф. 17. Д. 136. Оп. 22. Л. 128-134.

Состояние работы Воднотранспортной коллегии было оценено примерно на том же уровне. «Работа ВТК проводилась на низком уровне. Кассационно-надзорная практика не обобщалась и не изучалась. Рассмотрение дел проходило без учета состояния преступности на водном транспорте. Никаких вопросов, вытекающих из судебной практики и работы линейных судов, перед директивными органами и соответствующими министерствами Коллегия не ставила. В кассационно-надзорной практике Коллегии допускались серьезные ошибки. ... Рассмотренные дела направляются для исполнения на места с значительным опозданием»⁴².

Примечательно, что описанные выше конфликты протекали параллельно с конфликтами внутри судебной системы (по линии «нижестоящий – вышестоящий суд»). Председатель ВТ Одесской ж. д. Баша и Председатель ВТ СК ж. д. Сариев⁴³ в 1946 г. подали жалобы на то, что «кассационная практика ВЖДК характеризуется систематическим снижением мер наказания и заменой лишения свободы условной мерой наказания или исправительно-трудовыми работами». На основании этой жалобы Г. Пуговкин собрал факты недовольства военных трибуналов транспорта коллегиями Верховсуда и организовал проверку последних. Впрочем, она ни к чему не привела.

С конца 1940-х гг. нижестоящие транспортные суды вновь активизировались. Они стали активнее защищать свою позицию в вопросе вынесенных приговоров перед соответствующими коллегиями Верховного суда. Так, председатель линсуда Южной ж. д. Филиппов подал жалобу И. Голякову, В. Ширвинскому, А. Бакакину на определения ЖДК об отмене ряда приговоров, вынесенных судом Южной ж.д. Филиппов обвинил ЖДК в одностороннем подходе в рассмотрении дел в кассационном порядке, который «выражается в доверчивом предубедительно-положительном отношении к жалобам осужденных». Также он указал на игнорирование материалов предварительного следствия со стороны ЖДК. В результате пересмотра ряда дел, исправленных ЖДК, приговоры суда Южной ж. д. были оставлены в силе. Председатель ЖДК И. Никитченко признал недостатки в работе коллегии и обещал принять меры к предотвращению возможных ошибок при рассмотрении судебных дел⁴⁴.

После завершения описанной выше борьбы между руководством органов транспортной юстиции и партийными деятелями, а также внутри органов транспортной юстиции, среди центрального руководства органов юстиции конфликты имели место, но уже не достигали прежнего масштаба.

Так, в 1950 г. было предложено провести чистку Верховного суда, в ходе которой освободить от должностей всех, кто имел связи с иностранцами

⁴² ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 2. Д. 51. Л. 186-192, РГАСПИ. Ф. 17. Д. 136. Оп. 22. Л. 128-134.

⁴³ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 4. Д. 275. Л. 151, 169.

⁴⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 136. Д. 22. Л. 20-30, 34.

(в т. ч. секретарей)⁴⁵. На партийных собраниях предпринимались попытки обсудить поведение отдельных руководителей (например, А. Чепцова). Отмечался «зажим критики», предпринимались попытки поиска «фактов грубо-сти» т. Волина и т.п.⁴⁶ Также в 1951 г. предлагалось (Главный прокурор ж. д. транспорта Д. Салин) развернуть критику и самокритику руководства, организовать борьбу «с фактами необоснованного предания суду граждан» и «с фактами либерализма, с необоснованным оправданием преступников»⁴⁷.

Таким образом, атмосфера интриг, борьбы буквально принижала органы транспортной юстиции сверху донизу. Конечно же, основным являлся конфликт органов транспортной юстиции с партийными и хозяйственными органами, который они проиграли. Партийным и хозяйственным органам явно удалось убедить руководство страны изменить методы управления на транспорте. В свою очередь, это привело к сокращению компетенции органов транспортной юстиции и их последующей ликвидации.

В целом, ситуация в органах юстиции начала 1950-х гг. напоминает ситуацию второй половины 1930-х гг. Таким образом, вполне вероятно, что И. Сталин, сменив руководство органов юстиции просто готовил новую «чистку» этих учреждений.

Итак, безусловно, в органах транспортной юстиции работало большое количество честных, ответственных, добросовестных сотрудников. Однако в течение 1940-х–1950-х гг. было выявлено большое количество фактов, свидетельствующих о профессиональной деформации сотрудников этой системы. Возможно, что в течение данного периода отмечается увеличение подобных фактов по сравнению с 1930-ми гг. Вполне вероятно, что это, во многом, связано с ростом количества органов транспортной юстиции, а также с использованием этих фактов в аппаратной борьбе.

Представляется возможным выделять несколько групп фактов профессиональной деформации: бытовое разложение сотрудников, коррупция и превышение должностных полномочий, конфликты внутри органов транспортной юстиции и с другими органами власти, зачастую с привлечением компрометирующих материалов в аппаратной борьбе.

В период Великой Отечественной войны конфликтный потенциал в органах транспортной юстиции находился на достаточно низком уровне. После войны в органах юстиции разгорелись крупные конфликты, обусловленные рядом объективных и субъективных факторов. В них руководство органов юстиции потерпело поражение, и было заменено. В первой половине 1950-х гг. конфликтный потенциал в этих органах снизился. В 1955–1957 гг. кон-

⁴⁵ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 1а. Д. 610. Л. 20.

⁴⁶ РГАСПИ Ф. 17. Оп. 136. Д. 171. Л. 4.

⁴⁷ РГАСПИ Ф. 17. Оп. 136. Д. 315. Л. 140.

фликтов в самих органах юстиции практически не было, так как активно обсуждался вопрос об их ликвидации.

Примечательно, что выявленные тенденции отмечаются на фоне улучшения основных кадровых показателей. Таким образом, можно предположить, что после завершения Великой Отечественной войны в органы транспортной юстиции пришло новое поколение сотрудников, которое вступило в конкурентную борьбу со старшим поколением, используя в этой борьбе сбор компрометирующих материалов.

Библиографический список

Кодинцев А. Я. Транспортная юстиция СССР в 1948–1957 гг. // Транспортное право. 2008. № 4.

Кодинцев А. Я. Транспортная юстиция СССР в годы ВОВ // Транспортное право. 2008. № 2.

Кодинцев А. Я. Транспортная юстиция СССР в первые послевоенные годы // Транспортное право. 2008. № 3.

Печерский В. А. Линейные суды и военные трибуналы водных бассейнов Восточной Сибири в годы ВОВ // Вестник Томского государственного университета. История. 2014. № 5 (31).

Соломон П. Советская юстиция при Сталине. М.: РОССПЭН, 2008.

Шкаревский Д. Н. К вопросу о коррупции в Верховном суде СССР в конце 1940-х – начале 1950-х годов // История государства и права. 2016. № 22.

Шкаревский Д. Н. Кадровый состав военных трибуналов транспорта в период ВОВ // История государства и права. 2015. № 24.

Шкаревский Д. Н. Органы транспортной юстиции СССР в 1941–1957 гг. // Вопросы истории. 2020. № 7.

Conquest G. Justice and the legal system in the USSR. New York; Washington: A.F. Praeger, 1968.

Gorlizky Y. Delegalization in Russia: soviet comrades courts in retrospect // The American journal of comparative law. 1998. № 3. Vol. 46.

Информация для цитирования

Шкаревский Д. Н. Профессиональная деформация и конфликтный потенциал в органах транспортной юстиции (1941–1957 гг.) // Ex jure. 2021. № 1. С. 23–36. DOI: 10.17072/2619-0648-2021-1-23-36.

Shkarevsky D. N. The Professional Deformity and Conflict Potential in Transport Justice (1941–1957). *Ex jure*. 2021. № 1. Pp. 23–36. (In Russ.). DOI: 10.17072/2619-0648-2021-1-23-36.

КОНСТИТУЦИОННОЕ И АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

УДК 342.7

DOI: 10.17072/2619-0648-2021-1-37-45

К ВОПРОСУ О КОНЦЕПЦИЯХ ГРАЖДАНСТВА

Е. В. Аристов

Доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры предпринимательского права,
гражданского и арбитражного процесса

Пермский государственный
национальный исследовательский университет
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

E-mail: welfarestate1@gmail.com

М. А. Ларионова

Кандидат юридических наук,
доцент кафедры правовых дисциплин
и методики преподавания права

Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет
614990, Россия, г. Пермь, ул. Сибирская, д. 24

E-mail: mariyaL1885@gmail.com

Аннотация: современное определение гражданства претерпевает серьезные изменения, сопровождаемые кризисными явлениями самоидентификации индивида, поэтому правовое регулирование должно осуществляться путем перехода с национального на надгосударственный уровень. Появление нового понятия: «инвестиционное» гражданство, создающие условия формирования нового вида гражда-

© Аристов Е. В., Ларионова М. А., 2021

нина, ответственного перед государством не силу исключительно политической связи, а экономической. Все эти вопросы обращают на себя внимание как на новые концепции гражданства, с точки зрения этатизма, наднационального гражданства и коммодификации гражданства. Авторами сделаны некоторые выводы, которые свидетельствуют о тенденции направленной на формирование «глобального» гражданства. Однако, на данный момент времени, в России сохраняется исключительность гражданства как государственного явления.

Ключевые слова: *гражданство; наднациональное образование; инвестиционное гражданство; международное право; межгосударственные соглашения*

TO THE QUESTION ABOUT THE CONCEPTS OF CITIZENSHIP

E. V. Aristov

Perm State University
15, Bukireva st., Perm, Russia, 614990

E-mail: welfarestate1@gmail.com

M. A. Larionova

Perm State Humanitarian Pedagogical University
24, Sibirskaja st., Perm, Russia, 614990

E-mail: mariyaL1885@gmail.com

Abstract: *the modern concept of citizenship is undergoing serious changes, accompanied by the crisis phenomena of the individual's self-identification, the exit of legal regulation exclusively from the national to the supranational level. The emergence of a new concept as "investment" citizenship, creating conditions for the formation of a new type of citizen, responsible to the state not only by virtue of political ties, but economic ones. All these issues aroused the interest of the authors, to turn their attention to new concepts of citizenship, in terms of statism, supranational citizenship and commodification of citizenship. The authors have made some conclusions that indicate a trend towards the formation of "global" citizenship. However, at this point in time, the exclusivity of citizenship as a state phenomenon remains in Russia.*

Keywords: *citizenship; supranational education; investment citizenship; international law; interstate agreements*

Государства как акторы политической сферы на протяжении всей истории стремились определить и установить статус личности. Основой концептуального деления членов общества была способность иметь свободы и права и нести соответствующие обязанности, а также принадлежность к определенной территории или общественно(общинно)-политическому образованию. Диалектическое развитие установления политико-правовых связей государства и индивида детерминировало появление такого института, как гражданство.

В данной статье авторы предлагают рассмотреть гражданство с точек зрения таких концепций, как этатизма, надгосударственного регулирования и коммодификации гражданства.

Изначально понятие гражданства формировалось, исходя исключительно из этатистского подхода. В античную эпоху понятие гражданин определялось как житель города (от греч. *polites*), т. е. лицо, имевшее связь с городом (*politos*) и обладавшее определенным кругом прав публичного и частного характера. В Древнем Риме использовалось понятие *Civis Romanus* – это житель города-государства, лицо, обладающее правами римского гражданина¹.

Зарубежные ученые-юристы рассматривают гражданство как принадлежность к городу, а так же, как право на участие в политической жизни, с возможностью претендовать на определенный круг льгот. Таким образом, гражданство может представлять собой особый круг политических прав на участие в управлении делами государства и пользование результатами политического курса, выбранного органами власти².

Отечественные теоретики права придерживаются идеи объективной природы гражданства³, не зависящей от волеизъявления самого индивида или его законного представителя, например, в силу рождения⁴. Характеризуя гражданство как государственный институт, поскольку именно за государством сохраняется вопрос об окончательном решении предоставления гражданства, демонстрируя тем самым этатистскую природу гражданства. Нормы международного права закрепляют такие элементы субъективности гражданства, как: право претендовать на гражданство, защита от произвольного изменения гражданства⁵, возможность сохранения своего гражданства, вне за-

¹ Фан И. Б. Античные модели гражданства // Антиномии. 2002. № 3. С. 92–107.

² Котта М. Сложная многосоставная модель гражданства? Европейское гражданство в глазах национальных элит // Сравнительная политика. 2010. № 1. С. 209–224.

³ Полянский В. В. Советское гражданство (политико-правовые проблемы): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 1979. С. 9.

⁴ Эбзеев Б. С. Конституционные основы свободы личности в СССР. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1982. С. 58.

⁵ Всеобщая декларация прав человека (принята Ген. Ассамблеей ООН 10.12.1948 г.).

висимости от семейного положения⁶, возможность стать гражданином *ipso facto* (в силу факта) рождения⁷

В современном международном праве гражданство определяется как политико-правовая связь индивида с государством (понятие «подданный» в настоящее время синонимично понятию «гражданство», хотя и определяется как связь человека с монархом). Соответственно, в основе гражданства лежит индивидуальная взаимокорреспондирующая формальная связь индивида с общественно-политическим образованием (государство), внеличностного контекста⁸.

В нынешнюю эпоху быть гражданином – означает иметь определенный круг прав, возможность участия, в первую очередь, в политической и иных сферах жизни (реализация концепции политического гражданства). Однако приверженность к определенным политическим силам, фактически осуществимо в пределах действия государственного влияния, хотя, как пойдет в дальнейшем в статье, с определенными оговорками. Идентифицируя индивида через такие аспекты, как: место жительства, узы семьи, участие в общественной жизни, этническая принадлежность, гражданство, по своему содержанию, которое вкладывает в это понятие Международный Суд ООН, принято относить исключительно к внутригосударственному регулированию. Национальный акт о приеме в гражданство может иметь международный эффект, в том случае, если имеется признание такого гражданства другими государствами⁹.

Гражданство для государства – это еще один из способов сохранения государственного суверенитета, преодоление внутритерриториальных конфликтов между различными культурными и общественными объединениями, в основе которых может лежать не только политический, но и социальный аспект, поскольку сокращение социальных программ фактически может спровоцировать кризис гражданства, как способа самоидентификации. Ярким примером может служить Канада, где произошел кризис самоидентификации канадцев, в силу смещения реализации социальной политики с государственного уровня на уровень провинций. В связи с чем налогоплательщик утрачивал право платить налоги в качестве канадца, а клиент терял право на услуги в качестве канадца. Преодолению соответствующих кризисов может способствовать именно государственное регулирование этого вопроса. Так, в 1982 г.

⁶ Конвенция о гражданстве замужней женщины (заключена в Нью-Йорке 29.01.1957 г.).

⁷ Международный пакт о гражданских и политических правах (принят 16.12.1966 г. Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН).

⁸ Европейская конвенция о гражданстве (ETS № 166) [рус., англ.] (заключена в г. Страсбурге 06.11.1997 г.). Россия подписала данный документ (распоряжение Президента РФ от 06.11.1997 г. № 456-рп). Документ вступил в силу 1 марта 2000 г. (Данное определение было воспринято и отечественным законодательством).

⁹ *Nottebohm (Liechtenstein v. Guatemala)*, 1955 I.C.J. 4, 23 (April 6). URL: <https://www.icj-cij.org/files/case-related/18/018-19550406-JUD-01-00-EN.pdf>.

в Канаде режим гражданства получил юридическое воплощение в канадской Хартии прав и свобод, которая обеспечивала равенство всех граждан и давала гарантии защиты от дискриминации¹⁰.

Развитие наднациональных образований повлекло за собой и влияние на правовое регулирование гражданства, способствующего формированию своеобразной правовой дихотомии, а именно созданию нового вида «вторичного» гражданства. Впервые понятие «европейское» гражданство, было введено в 1957 г., Договором о функционировании Европейского Союза¹¹, статья «о гражданстве» создала формальную основу для дальнейшего развития наднационального гражданства. Формализация гражданства в соответствии со статьей 20 внесла явные изменения в национальное гражданство, поскольку в наднациональных вопросах национальные правительства больше не являлись единственными опекунами собственных граждан или их прав¹².

В дальнейшем положения Договора о функционировании Европейского Союза получили свое развитие в Маастрихтском договоре. Согласно статье 9 (бывшая ст. 8) (Договор о Европейском Союзе (подписан в г. Маастрихте 07.02.1992 г.) (с изм. и доп. от 13.12.2007 г.)¹³, гражданин Союза – это каждое лицо, являющееся гражданином государства-члена Союза. При этом гражданство Союза не подменяет собой национальное гражданство, а только дополняет его. Аналогичные положения содержатся и в Договоре¹⁴ о создании Союзного государства России и Республики Беларусь (ст. 14).

При детальном рассмотрении вопроса обнаруживается дуальная природа наднационального гражданства в форме «непрямого производного гражданства» и в аспекте «прямого гражданства». В свою очередь, европейское гражданство производно от национального гражданства, поскольку нельзя получить европейское гражданство без «первичного» гражданства, и, в то же время, быть гражданином Франции или Италии, значит быть гражданином Европы. Параллельно с этим существуют элементы «прямого» европейского гражданства, в силу существования единого Европейского Парламента, в формировании которого участвуют граждане непосредственно. Кроме этого, Европейский Союз предоставляет дополнительные права и гарантии (в области права на свободу передвижения, права на семейную и

¹⁰ Ажаева В.С. Канадское гражданство, Квебекское гражданство // Канада: тенденции социально-политического развития. 2001. № 1. С. 51–58.

¹¹ Consolidated Version of the Treaty on the Functioning of the European Union // Official EN Journal of the European Union. 2012. С. 326/47.

¹² Иксанов И.С. Судебная защита гражданства Европейского союза // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 12. С. 68–75.

¹³ Treaty on European Union // Official Journal of the European Communities. № С 191.

¹⁴ О создании Союзного государства: договор между РФ и Республикой Беларусь от 8 дек. 1999 г. // Бюллетень международных договоров. 2000. № 3.

частную жизнь и др.), тем самым демонстрируя особый статус гражданства наднационального образования. Интересной особенностью является и тот факт, что наднациональное образование само по себе не может наделять физических лиц гражданством напрямую, оно предоставляет «коллективное гражданство» странам-участницам, которые опосредованно предоставляя свое национальное гражданство, наделяют физических лиц статусом европейского гражданина¹⁵. Для Союзного государства также применимы указанные особенности.

При этом согласно британскому Закону о гражданстве 1981 г. (*British Nationality Act*)¹⁶ устанавливается несколько видов гражданства (британские граждане, граждане британской заморских территорий, британские заморские граждане, британские граждане (*Overseas*), британские подданные и британские защищаемые лица), в связи с чем Британия применяет оговорку к определению понятия гражданства в отношении международных договоров, в том числе и по отношению к гражданству Европейского Союза своих граждан. Британией была принята декларация от 31 декабря 1982 года¹⁷, согласно которой только отдельные категории граждан в значении Закона 1981 г. должны считаться «гражданами» в целях применения норм права Европейских сообществ и Союза. Речь идет о следующих категориях лиц: полноправные обладатели британского гражданства (*British Citizenship*); британские подданные согласно части четвертой Закона 1981 г., которые имеют право проживать в Соединенном Королевстве и не подлежат по этой причине иммиграционному контролю; обладатели гражданства британских зависимых территорий (*British Dependent Territories Citizenship*), но лишь те, которые приобрели его вследствие проживания в Гибралтаре.

Мультикультуризм и процесс глобализации обусловили процесс коммодификации гражданства или, иными словами, «гражданство за инвестиции»¹⁸, сформировав тем самым тенденцию перехода от публично-властного характера предоставления гражданства к частноправовому характеру, не посягающему на идентичность личности.

¹⁵ *Komma M.* Указ. соч.

¹⁶ *British Nationality Act*, 1981. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1981/61>.

¹⁷ См. № 63 декларации Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии об определении термина «граждане». Применительно к Договорам об учреждении Европейского сообщества по атомной энергии и любому акту, вытекающему из этих договоров или остающемуся в силе на основании последних, Соединенное Королевство повторяет Декларацию об определении термина «граждане», с которой оно выступило 31 декабря 1982 г.; в то же время выражение «граждане британских зависимых территорий» должно пониматься в значении «граждане британских заморских территорий». [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁸ Винчковский Е. В. Десакрализация гражданства // *Философская мысль*. 2019. № 11. С. 44–51.

В связи с выходом Великобритании из Европейского Союза возник вопрос о сохранении в дальнейшем европейского гражданства жителями Британии, обусловивший усиление потока британских граждан на получение «инвестиционного» гражданства в иных европейских государствах для сохранения статуса гражданина Европы¹⁹. Таким образом, можно заключить, что союзное гражданство для европейца можно рассматривать и как определенный уровень привилегии.

Новое поколение «золотых паспортов» порождает весьма интересный новый вид граждан, которые не связаны ни этнически, ни политически, ни культурно, что также может спровоцировать кризисные явления самоидентификации. С другой стороны, гражданство за инвестиции является достаточно прозрачной процедурой, имеет сжатые сроки приобретения и более высокую мотивацию для гражданина в области соблюдения законодательства соответствующей страны. Во-первых, это связано с тем объемом денежных средств, вложенных в экономику соответствующего государства (от \$ 30 000²⁰ до £ 2 000 000²¹ и выше), и, разумеется, терять такие средства любому инвестору не разумно. Так, например, Кипрская программа Citizenship by Investment (CBI) предлагает получить гражданство за 6 месяцев при условии покупки жилой или коммерческой недвижимости либо осуществления вложений в инвестиционные фонды или компании на Кипре на сумму не менее 2 млн евро. Возможна и покупка государственных облигаций. Причем, согласно требованиям программы, жилье стоимостью 500 тыс. евро должно сохраняться за гражданином до тех пор, пока у него есть такой статус. На Мальте другой подход. Согласно правилам Individual Investor Programme (IIP) для получения гражданства требуется внести безвозвратный взнос в размере 650 тыс. евро, а также оплатить различного рода сборы (все вместе более 1 млн евро). Срок получения паспорта по программе – 13 месяцев. При этом государство установило квоту в 1 800 паспортов по программе²².

Во-вторых, приобретение гражданства за инвестиции с нарушением законодательства влечет его лишение²³. Таким образом, мы можем предполо-

¹⁹ Британцы торопятся стать гражданами стран ЕС URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4066892>.

²⁰ Вечный Октоберфест: как получить гражданство Германии за инвестиции. URL: <https://www.forbes.ru/finansy-i-investicii/359843-vechnyy-oktoberfest-kak-poluchitgrazhdanstvo-germanii-za-investicii>.

²¹ Вид на жительство Великобритании. URL: <https://immigrantinvest.com/residence-and-citizenship-great-britain/>.

²² Кучин А. С. Инвестиционное гражданство // Правовые проблемы укрепления Российской государственности: сб. ст.: посвящается 140-летию Томского государственного университета и 120-летию юридического образования в Сибири. 2018. С. 134–135.

²³ СМИ сообщили о лишении кипрского гражданства Олега Дерипаски. URL: <https://www.rbc.ru/politics/27/11/2019/5dde1f339a79471a99e0dd1a>.

жить, что, с одной стороны, приобретение гражданства за инвестиции может сформировать новый вид более законопослушных граждан, которые, не имея исторической связи с соответствующей местностью, заинтересованы в сохранении своего имущества, будут стремиться к формированию устойчивого развития соответствующего государства. С другой стороны, гражданство фактически становится объектом государственной сделки с индивидом, превращая гражданство в объект купли-продажи, в значении вещного права. Каковы могут быть последствия от этого? Будет ли предоставлено такое право гражданам, как самостоятельная продажа своего «золотого» паспорта? Какие еще могут быть установлены дополнительные основания для лишения гражданства за инвестиции? Что будет, если бизнес или корпорация, в которую были вложены средства, обанкротятся, будет ли это основанием для лишения гражданства? Если гражданин не сможет справиться с налоговой нагрузкой? На эти и другие вопросы можно будет ответить, спустя определенное количество времени, однако уже сейчас мы можем констатировать тот факт, что гражданство за инвестиции является современным трендом развитых государств и престижным элементом статуса личности.

Обращаясь к вопросу о возможности внедрения «инвестиционного» гражданства в России, мы можем констатировать, что на современном этапе этот вопрос не рассматривается как актуальный. В частности, упрощенного предоставления гражданства Российской Федерации исключительно по «экономическим» критериям (квалификация, инвестиции и т. п.) не предполагается. Такие лица получают возможность длительного нахождения в Российской Федерации в рамках миграционного статуса «долгосрочное пребывание» или «постоянное проживание». Особо ценные для Российской Федерации иностранные граждане могут быть приняты в российское гражданство в особом порядке²⁴.

Можно констатировать, что на протяжении длительного времени гражданство считалось привилегией государства; современные тенденции демонстрируют процесс «разгосударствления» института гражданства, переводя формальное регулирование на надгосударственный уровень. При этом мы можем засвидетельствовать зарождение важной концепции государственной безопасности за счет более действенного механизма регулирования поведения граждан через инвестиции и начало формирования так называемого «глобального гражданства», которое может прийти на смену национального гражданства.

²⁴ Перечень поручений по вопросам реализации Концепции государственной миграционной политики на 2019–2025 годы: утв. Президентом Рос. Федерации от 6 марта 2020 г. № Пр-469. URL: <http://www.kremlin.ru>.

Библиографический список

- Ажаева В. С.* Канадское гражданство, Квебекское гражданство // Канада: тенденции социально-политического развития. 2001. № 1.
- Винчковский Е. В.* Десакрализация гражданства // Философская мысль. 2019. № 11.
- О создании Союзного государства: договор между РФ и Республикой Беларусь от 8 дек. 1999 г. // Бюллетень международных договоров. 2000. № 3.
- Иксанов И. С.* Судебная защита гражданства Европейского союза // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 12.
- Котта М.* Сложная многосоставная модель гражданства? Европейское гражданство в глазах национальных элит // Сравнительная политика. 2010. № 1.
- Кучин А. С.* Инвестиционное гражданство // Правовые проблемы укрепления Российской государственности. Сборник статей. Посвящается 140-летию Томского государственного университета и 120-летию юридического образования в Сибири. 2018.
- Полянский В. В.* Советское гражданство (политико-правовые проблемы): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 1979.
- Фан И. Б.* Античные модели гражданства // Антиномии. 2002. № 3.
- Эбзеев Б. С.* Конституционные основы свободы личности в СССР. М.: Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1982.
- Treaty on European Union // Official Journal of the European Communities. № C 191.

Информация для цитирования

- Аристов Е. В., Ларионова М. А.* К вопросу о концепциях гражданства // Ex jure. 2021. № 1. С. 37–45. DOI: 10.17072/2619-0648-2021-1-37-45.
- Aristov E. V., Larionova M. A.* To the Question About the Concepts of Citizenship. *Ex jure*. 2021. № 1. Pp. 37–45. (In Russ.). DOI: 10.17072/2619-0648-2021-1-37-45.
-

ГРАЖДАНСКОЕ, СЕМЕЙНОЕ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО

УДК 347.1

DOI: 10.17072/2619-0648-2021-1-46-55

ЦИФРОВЫЕ ФИНАНСОВЫЕ АКТИВЫ КАК НОВЫЙ ВИД ЦИФРОВЫХ ПРАВ

В. В. Акинфиева

Кандидат юридических наук,
доцент кафедры предпринимательского права,
гражданского и арбитражного процесса

Пермский государственный
национальный исследовательский университет
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

E-mail: vakinfieva@yandex.ru

Аннотация: статья посвящена новому виду цифровых прав – цифровым финансовым активам, недавно получившим позитивацию в нормах российского частного права в результате принятия Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». В статье приводится эволюция законодательных подходов и научных взглядов относительно термина «цифровые финансовые активы». При этом за точку отсчета взята известная дата – 20 марта 2018 г. – дата внесения Проекта Федерального закона № 419059-7 «О цифровых финансовых активах» в Государственную Думу ФС РФ. Анализируется действующая с 1 января 2021 г. легальная дефиниция термина «цифровые финансовые активы» через призму родовидовых признаков. Сформулированы основные результаты проведенного исследования в виде конкретных выводов, отражающих авторский взгляд на новый институт гражданского права.

© Акинфиева В. В., 2021

Ключевые слова: цифровые финансовые активы; цифровые права; объекты гражданских прав; цифровая валюта; цифровая экономика; гражданское право.

DIGITAL FINANCIAL ASSETS AS A NEW TYPE OF DIGITAL RIGHTS

V. V. Akinfieva

Perm State University
15, Bukireva st., Perm, Russia, 614990

E-mail: vakinfieva@yandex.ru

Abstract: *the article is devoted to a new type of digital rights – digital financial assets that have recently received a positive interpretation in the norms of Russian private law as a result of the adoption of Federal law No. 259-FZ of July 31, 2020 “On digital financial assets, digital currency and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation”. The article describes the evolution of legislative approaches and scientific views on the term “digital financial assets”. The “reference point” is taken as a known date-March 20, 2018. – date of submission of the Draft Federal law No. 419059-7 “On digital financial assets” to the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation. The legal definition of the term “digital financial assets” effective from January 1, 2021 is analyzed through the prism of generic characteristics. In conclusion, the main results of the study are formulated in the form of specific conclusions that reflect the author's view of the new institution of civil law.*

Keywords: *digital financial assets; digital rights; objects of civil rights; digital currency; digital economy; civil law*

О позитивации института цифровых финансовых активов. Новые условия цифровой экономики, а также пандемия коронавируса (COVID-19) трансформировали все сферы общественной жизни в онлайн: электронный бизнес, онлайн-продажи, электронное правосудие, онлайн-голосование, дистанционное образование и т. д. В этих условиях становится неизбежным процесс цифровизации и действующего законодательства.

Цифровизация гражданского законодательства – это объективный и закономерный процесс, наблюдаемый в течение пяти последних лет. В Российской Федерации действует соответствующий программный документ – национальный проект «Национальная программа “Цифровая экономика Российской Федерации”»¹. Этот проект включает в себя шесть федеральных проектов,

¹ Паспорт национального проекта «Национальная программа “Цифровая экономика Российской Федерации”»: утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 04.06.2019 г. № 7 // Документ опубликован не был. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

один из которых – нормативное регулирование цифровой среды. В свою очередь федеральный проект «Нормативное регулирование цифровой среды»² предполагает решение ряда конкретных задач. В качестве первой задачи обозначено создание «системы правового регулирования цифровой экономики, основанного на гибком подходе в каждой сфере, а также внедрение гражданского оборота на базе цифровых технологий». Одной из микро-задач, решение которых позволит достигнуть заявленной цели, является «определение правового статуса и порядка оборота цифровых финансовых активов». Очевидно, что для достижения этого результата и принят новый Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее по тексту – Закон о ЦФА)³. Этот закон, как известно, вступил в силу с 1 января 2021 г. Именно в нем содержится правовое регулирование нового института гражданского права – цифрового финансового актива (далее по тексту – ЦФА).

Об истории принятия Закона о ЦФА. 20 марта 2018 г. депутатами Государственной Думы ФС РФ А. Г. Аксаковым, И. Б. Дивинским, О. А. Николаевым, а также членом Совета Федерации ФС РФ Н. А. Журавлевым был внесен Проект Федерального закона № 419059-7 (далее по тексту – Проект)⁴. В этом Проекте содержались легальные дефиниции значимых для цифровой экономики понятий: ЦФА, цифровая транзакция, цифровая запись, реестр цифровых транзакций, распределенный реестр цифровых транзакций, участники реестра цифровых транзакций, валидатор, валидация цифровой записи, майнинг, криптовалюта, токен, смарт-контракт, цифровой кошелек.

Интересно, что под ЦФА этот Проект предлагал понимать «имущество в электронной форме, созданное с использованием криптографических средств». Очевидно, что этот первоначальный текст законопроекта был подготовлен в духе западноевропейской доктрины цифрового права. Представители российской юридической науки дали этой легальной дефиниции обоснованную критику. Так, В.П. Павлов отмечает, что дефиниция ЦФА содержит явное противоречие: родовым признаком ЦФА предложено считать «имущество», однако при этом его видовым признаком обозначено его создание с помощью шифровальных (криптографических) средств: эти средства

² Паспорт федерального проекта «Нормативное регулирование цифровой среды»: утв. президиумом Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности, протокол от 28 мая 2019 г. № 9 // Документ опубликован не был. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федер. закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации: <http://www.pravo.gov.ru>.

⁴ О цифровых финансовых активах: Проект Федерального закона № 419059-7 (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 20 марта 2018 г.) // Текст документа приведен в соответствии с публикацией на сайте <http://sozd.parlament.gov.ru/>.

«не могут создавать имущество, а лишь способны придавать цифровую форму сведениям об уже имеющемся имуществе»⁵.

В Пояснительной записке к этому Проекту⁶ указана цель Проекта, которая заключается в «закреплении в российском правовом поле определений ЦФА». Безусловно, такое целеполагание вызывает обоснованную критику, поскольку целью подобного акта должно быть нормативно-правовое регулирование ЦФА в целом, а не только закрепление новых легальных дефиниций.

Ценно, что в Заключении Комитета по экономической политике, промышленности, инновационному развитию и предпринимательству от 03 апреля 2018 г. № 3.8/522 (далее по тексту – Заключение)⁷ указаны недостатки первоначальной версии Проекта. В частности отмечается, что Проект страдает низким качеством легальных дефиниций, которые в свою очередь отличаются «неясным и имеющим признаки юридико-лингвистической неопределенности содержанием». Кроме того, в Заключении также акцентировано внимание на необходимости дополнительного обсуждения технологической терминологии, которая в условиях динамично развивающихся цифровых технологий имеет склонность к быстрому устареванию.

В Экспертном заключении по проекту федерального закона № 419059-7 (далее по тексту – Экспертное заключение)⁸ также содержится обоснованная критика тех положений, которые содержит Проект. К примеру, в Экспертном заключении показаны недостатки термина «ЦФА»: «оно определяется как “имущество в электронной форме”. Однако у понятия “электронная форма” есть самостоятельное правовое содержание». Стремление разработчиков Проекта показать сферу объективного существования ЦФА, в качестве которой выступает цифровое пространство, объясняет излишнее указание на электронную форму ЦФА. В действительности локализация объектов гражданских прав (в цифровом поле либо за его пределами – в материальном мире) не влияет на правовую сущность соответствующих явлений. Стало быть, «существование в цифровом пространстве» нельзя признать достаточным критерием для выделения нового правового понятия и его легального дефинирования. Таким образом, общий недостаток определений, содержащихся в Проекте, заключается в излишней акцентуации внимания на форме вопреки содержанию соответствующих явлений.

⁵ Павлов В. П. Цифровая форма финансовых обязательств: проблемы правового регулирования // Банковское право. 2018. № 3. С. 38.

⁶ Пояснительная записка «К проекту Федерального закона “О цифровых финансовых активах”» // Текст документа приведен в соответствии с публикацией на сайте <http://sozd.parlament.gov.ru/> (по состоянию на: 20.03.2018 г.).

⁷ По проекту федерального закона № 419059-7 «О цифровых финансовых активах»: заключение Комитета по экономической политике, промышленности, инновационному развитию и предпринимательству от 03 апр. 2018 г. № 3.8/522. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁸ О цифровых финансовых активах: экспертное заключение по проекту Федерального закона № 419059-7: принято на заседании Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 23 апр. 2018 г. № 175-5/2018. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

На исследуемый Проект было дано Заключение и Комитета по финансовому рынку от 16 мая 2018 г. № 81/5 (далее по тексту – Заключение от 16 мая 2018 г.)⁹. Согласно Заключению от 26 мая 2018 г., легальная дефиниция термина «ЦФА» не соотнесена с проектируемыми нормами о цифровых правах. Анализ гражданского законодательства демонстрирует отсутствие среди объектов гражданских прав «ЦФА» или «имущества в электронной форме». Следовательно, законодательная регламентация ЦФА должна быть имманентно связана с объектами гражданских прав. Мы считаем, что это справедливо и, как показывает анализ действующего российского гражданского законодательства, именно по такому пути и пошел отечественный законодатель.

Вторая версия Проекта Федерального закона № 419059-7 (далее по тексту – вторая версия Проекта)¹⁰ также начиналась с перечисления легальных дефиниций цифровых понятий. Характерно, что под термином «ЦФА» в ней по-прежнему предлагалось понимать «имущество в электронной форме, созданное с использованием криптографических средств». В юридической литературе этот и иные термины второй версии Проекта также подверглись критике. В. Ф. Попондопуло, Д. А. Петров и Е. В. Силина пишут, что вторая версия Проекта отличается некорректностью термина «ЦФА», в определении которого фигурируют два аспекта – цифровой актив и финансовый актив. В итоге, пишут авторы, «в таком контексте цифровой актив может быть представлен как в виде цифровых прав (самостоятельного объекта гражданских прав), так и в виде технологии, с помощью которой осуществляется гражданский оборот традиционных объектов гражданских прав. В последнем случае появление самостоятельного объекта не происходит, но эффект от использования цифровых технологий оказывает непосредственное влияние на состояние товарного рынка традиционных объектов гражданских прав и правовой режим их оборота»¹¹.

При этом В. Ф. Попондопуло справедливо сравнивает российский и японский опыт правового регулирования рынка криптовалюты как наиболее распространенного в зарубежных правовых порядках цифрового финансового актива. В Японии, отмечает автор, криптовалюта является не только имуществом в электронной форме, но и средством платежа, что позволяет в этой стране создавать привлекательный инвестиционный климат. В то же время отечественный законодатель, напротив, устанавливает императивный запрет на признание криптовалюты законным средством платежа на территории РФ¹².

⁹ На проект Федерального закона № 419059-7 «О цифровых финансовых активах»: заключение Комитета по финансовому рынку от 16 мая 2018 г. № 81/5. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁰ О цифровых финансовых активах: проект Федерального закона № 419059-7 (ред., принятая ГД ФС РФ в 1 чтении 22.05.2018). [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹¹ Попондопуло В. Ф., Петров Д. А., Силина Е. В. Проблемы правовой защиты экономической конкуренции в условиях цифровизации экономики // Конкурентное право. 2019. № 3. С. 10.

¹² Попондопуло В. Ф. Правовые формы цифровых отношений // Юрист. 2019. № 6. С. 33.

Предлагаем также обратиться к анализу Заключения Комитета по информационной политике, информационным технологиям и связи «На проект федерального закона № 419059-7» (далее по тексту – Заключение на Проект)¹³. В нем отмечается, что использование термина «имущество» как родового признака ЦФА не совсем корректно и обременительно. Это обусловлено тем, что признание ЦФА имуществом неизбежно влечет за собой необходимость распространения на него всех норм, рассчитанных на имущество как объект гражданских прав, а именно отношения, связанные с владением, пользованием и распоряжением имуществом, переходом права на имущество (управление, дарение, наследование, аренда и т. д.). В то же время следует отметить, что ст. 128 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее по тексту – ГК РФ)¹⁴ не включает в число объектов гражданских прав «имущество в электронной форме».

Аналогичная критика высказана в Заключении Правового Управления Аппарата ГД ФС РФ «По проекту федерального закона № 419059-7»¹⁵. В этом заключении говорится о необходимости соотнесения термина ЦФА и тех объектов гражданских прав, которые поименованы в ГК РФ. Это аргументируется тем, что нормы ГК РФ имеют приоритет перед нормами гражданского законодательства, содержащихся в других федеральных законах. Такое обоснование видится весьма логичным. Очевидно, что цифровизация российской экономики – это непрерывный процесс, который вряд ли можно повернуть вспять. Цифровые финансовые активы – это та реальность, в которой мы будем жить в ближайшее время. Неудивительно, что цифровизация нормативной платформы ожидаемо приведет к цифровизации самих общественных правоотношений. Поэтому такие важные правовые явления, как ЦФА, однозначно должны быть урегулированы на уровне кодифицированного нормативно-правового акта. При этом мы не претендуем на полноценное правовое регулирование, которое на сегодняшний день органично размещено в нормах Закона о ЦФА. Речь идет лишь о родовой сущности ЦФА, она непременно должна быть определена в ГК РФ через нормы об объектах гражданских прав. Именно так и сделано в нормах действующего гражданского законодательства: ЦФА определены через цифровые права, которые в свою очередь поименованы в статье 128 ГК РФ в качестве новых объектов гражданских прав.

Подчеркнем, что за основу правового регулирования цифровых прав и ЦФА в отдельности законодателем был взят правовой режим бездокументарных ценных бумаг. Прямое подтверждение подобному выводу можно обна-

¹³ На проект Федерального закона № 419059-7 «О цифровых финансовых активах»: заключение Комитета по информационной политике, информационным технологиям и связи. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.- правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁴ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федер. закон от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации: <http://www.pravo.gov.ru> (дата опубликования: 31.07.2020).

¹⁵ По проекту федерального закона № 419059-7 «О цифровых финансовых активах» (первое чтение): заключение ПУ Аппарата ГД ФС РФ. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.- правовой системы «КонсультантПлюс».

ружить в Экспертном заключении по проекту федерального закона № 419059-7¹⁶. Заметим, что в указанном заключении также критикуется и новый подход к характеристике цифровых прав, которые получили статус самостоятельного объекта гражданских прав. Подчеркивается, что утверждение о том, что цифровые права – это совершенно новый, ранее не встречавшийся вид прав, качественно отличный от имеющихся видов прав (например, от корпоративных или от обязательственных), не совсем верно. Термин «цифровые права» условен, поскольку в действительности «обнимает» собой не новые права, а новую форму фиксации «старых» прав. Как условен термин «бездokuментарные ценные бумаги», поскольку они «бумагами» не являются, так и условен термин «цифровые права», поскольку новыми правами они не являются, а удостоверяют уже известные виды гражданских прав.

Легальная дефиниция ЦФА. В пункте 2 статьи 1 Закона о ЦФА содержится легальная дефиниция исследуемой нами правовой конструкции. Так, родовым признаком, положенным в основу этой дефиниции, стали «цифровые права». Интересно, что как термин «цифровые права», так и термин «цифровые финансовые активы» используются отечественным законодателем во множественном числе. К видовым признакам ЦФА отечественный законодатель отнес следующие:

(1) эти цифровые права должны быть объективированы в решении о выпуске ЦФА в том порядке, который регламентирован Законом о ЦФА;

(2) выпуск, учет и обращение этих цифровых прав осуществляется только в рамках определенной информационной системы, которая в свою очередь основана на технологии распределенного реестра или другой информационной системой.

Заметим, что под технологией распределенного реестра чаще всего понимают технологию blockchain. Как подчеркивают зарубежные исследователи: «эта технология была создана как ответ на кризис доверия, охвативший мир после финансового кризиса 2008 года ... современная технология блокчейн опирается на криптографические правила, математику и теоретико-игровые стимулы для повышения доверия к операциям вычислительной системы. Тем не менее, такое повышение доверия в конечном счете зависит от надлежащего функционирования и управления базовой сетью на основе блокчейна, что требует доверия к различным субъектам»¹⁷.

¹⁶ О цифровых финансовых активах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: экспертное заключение по проекту федерального закона № 419059-7: принято на заседании Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 29 нояб. 2018 г. № 182-3/2018. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁷ De Filippi, Primavera; Mannan, Morshed; Reijers, Wessel. Blockchain as a Confidence Machine: The problem of Trust & Challenges of Governance // Technology in Society. 2020. Vol. 62. Number of Article: 101284.

Кроме родовидовых признаков, пункт 2 статьи 1 Закона о ЦФА содержит перечисление конкретного содержания цифровых прав, являющихся ЦФА, – это:

- денежные требования;
- возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам;
- права участия в капитале непубличного акционерного общества;
- право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг.

В Заключении Комитета СФ ФС РФ по бюджету и финансовым рынкам от 23 июля 2020 г. № 3.5-03/1230 специально подчеркивается, что ЦФА, будучи видом цифровых прав, являются объектами гражданских прав и в этой связи могут выступать законными объектами гражданско-правовых сделок¹⁸.

Однако следует подчеркнуть, что определение ЦФА, содержащееся в Законе о ЦФА, неоспоримо. Прежде всего смущает приведенное выше перечисление ЦФА. Из этого перечня следует вывод о вариативности видов ЦФА. Обозначенная нами вариативность заключается в том, что ЦФА – это и **требование** денежного характера; и **возможность осуществления прав** по эмиссионным ценным бумагам; и право участия; и **право требовать** передачи ценных бумаг. На наш взгляд, такая «сборная солянка» цифровых прав обусловлена тем объективным обстоятельством, что в действительности цифровые права не являются в чистом виде новыми гражданскими правами, а представляют новую форму выражения этих прав. В уже приведенном выше Экспертном заключении Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 29 ноября 2018 г. отмечается следующее: «непонятно, почему в одном случае они “удостоверяют требования” (т. е. права) или “права участия”, в других – лишь “возможность осуществления прав”, а в-третьих – “право требовать передачи прав”?».

Кроме термина ЦФА, Закон о ЦФА содержит легальные дефиниции и других важных для цифровой экономики понятий, например: «цифровая валюта», «распределенный реестр», «узлы информационной системы». Такое внушительное количество дефиниций, содержащихся в Законе о ЦФА, позволило Т. Кочановой оценить этот закон как «гlossарий понятий, связанных с блокчейном и криптовалютами», на основе которого будут писать другие связанные законопроекты¹⁹.

Стоит подчеркнуть, что исследователей частного права гораздо больше интересуют вопросы правового статуса криптовалюты, чем ЦФА, о чем свидетельствует значительное количество научных публикаций на эту тему²⁰.

¹⁸ По Федеральному закону «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (проект № 419059-7): заключение Комитета СФ ФС РФ по бюджету и финансовым рынкам от 23 июля 2020 г. № 3.5-03/1230. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁹ Кочанова Т. Закон об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций. Чего ожидать простым гражданам? // Жилищное право. 2020. № 7. С. 61.

²⁰ См., напр.: Фролов И.В. Криптовалюта как цифровой финансовый актив в российской юрисдикции: к вопросу о вещной или обязательственной природе // Право и экономика. 2019.

Вместе с тем, отечественный законодатель при позитивации соответствующего корпуса норм пошел по следующему пути: ЦФА получили более «высокий» статус, чем цифровая валюта по следующей причине. Главное отличие между ЦФА и цифровой валютой – в обязанном лице: по ЦФА всегда есть конкретное лицо, которое обязано по ЦФА. Таким лицом является лицо, осуществляющее выпуск ЦФА. Что касается цифровой валюты, то по ней такого лица нет. Таким образом, при вступлении в правоотношение, опосредованное ЦФА, возникает гражданско-правовое обязательство в цифровой форме. Такое обязательство, как и любое иное гражданско-правовое обязательство, характеризуется относительностью. В нем выделяются два субъекта, наделенные взаимно корреспондирующими правами и обязанностями, а именно – лицо, осуществляющее выпуск ЦФА, и обладатель ЦФА. Кроме того, в отличие от цифровой валюты, ЦФА – это цифровое право, которое в свою очередь является новым объектом гражданских прав, что само по себе свидетельствует об оборотоспособности ЦФА. ЦФА может быть предметом сделки по купле-продаже, мене, дарению, залогу и т. д.

Выводы по результатам исследования. Целью настоящего исследования являлся анализ и оценка легальной дефиниции нового института гражданского законодательства – цифровых финансовых активов. В процессе исследования автором были получены следующие конкретные выводы:

(1) эволюция законодательной разработки легальной дефиниции термина «ЦФА» официально берет свое начало с 20 марта 2018 г. и оканчивается 31 июля 2020 г., датой принятия Закона о ЦФА;

(2) за основу правового регулирования ЦФА взят правовой режим бездокументарных ценных бумаг;

(3) родовой признак ЦФА определен через новый вид объектов гражданских прав – цифровые права;

(4) в качестве видовых признаков ЦФА можно выделить, главным образом, два: объективация решением о выпуске ЦФА в порядке, который регламентирован Законом о ЦФА; выпуск, учет и обращение этих цифровых прав только в рамках определенной информационной системы, которая в свою очередь основана на технологии распределенного реестра или другой информационной системой;

(5) неупорядоченность содержания ЦФА предопределена тем объективным обстоятельством, что в действительности ЦФА – это не новый вид гражданских прав, а новая форма их объективации;

(6) у ЦФА более «высокий» правовой статус, чем у цифровой валюты: по ЦФА всегда есть обязанное лицо – лицо, осуществляющее выпуск ЦФА, а по цифровой валюте – нет;

(7) обладание ЦФА порождает гражданско-правовое обязательство, существующее в цифровой форме в рамках определенной информационной системы;

(8) выделение цифровых прав как нового вида объектов гражданских прав обусловлено значимостью новых технологических ресурсов, становящихся частью гражданского оборота и частью экономики страны;

(9) под воздействием научно-технического прогресса представление о ЦФА должно претерпевать существенные изменения, корректировки и дополнения, чтобы соответствовать реально складывающимся общественным отношениям, отягощенным «цифровым элементом».

Библиографический список

Кочанова Т. Закон об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций. Чего ожидать простым гражданам? // *Жилищное право*. 2020. № 7.

Павлов В. П. Цифровая форма финансовых обязательств: проблемы правового регулирования // *Банковское право*. 2018. № 3.

Перов В. А. Криптовалюта как объект гражданского права // *Гражданское право*. 2017. № 5.

Попондопуло В. Ф. Правовые формы цифровых отношений // *Юрист*. 2019. № 6.

Попондопуло В. Ф., Петров Д. А., Силина Е. В. Проблемы правовой защиты экономической конкуренции в условиях цифровизации экономики // *Конкурентное право*. 2019. № 3.

Фролов И. В. Криптовалюта как цифровой финансовый актив в российской юрисдикции: к вопросу о вещной или обязательственной природе // *Право и экономика*. 2019. № 6.

Хидзев А. Т. Криптовалюта: правовые подходы к формированию понятия // *Право и современные государства*. 2014. № 4.

De Filippi, Primavera; Mannan, Morshed; Reijers, Wessel. Blockchain as a Confidence Machine: The Problem of Trust & Challenges of Governance // *Technology in Society*. 2020. Vol. 62. Number of Article: 101284.

Информация для цитирования

Ex
jure

Акинфиева В. В. Цифровые финансовые активы как новый вид цифровых прав // *Ex jure*. 2021. № 1. С. 46–55. DOI: 10.17072/2619-0648-2021-1-46-55.

Akinfieva V. V. Digital Financial Assets as a New Type of Digital Rights. *Ex jure*. 2021. № 1. Pp. 46–55. (In Russ.). DOI: 10.17072/2619-0648-2021-1-46-55.

УДК 342.2:004.9

DOI: 10.17072/2619-0648-2021-1-56-67

ПРАВОВАЯ И ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ПРИРОДА ПРОЦЕССОВ ЦИФРОВИЗАЦИИ И РЕГУЛЯТОРНОЙ ФУНКЦИИ ГОСУДАРСТВА В ДАННОЙ СФЕРЕ

Н. А. Бондаренко

Доктор юридических наук, профессор,
зав. кафедрой правового обеспечения
экономической деятельности

Академия управления при Президенте Республики Беларусь
220007, Республика Беларусь, г. Минск, ул. Московская, 17

E-mail: 2iu@tut.by

Ю. Г. Конаневич

Научный сотрудник лаборатории исследований
государственной кадровой политики
НИИ теории и практики государственного управления

Академия управления при Президенте Республики Беларусь
220007, Республика Беларусь, г. Минск, ул. Московская, 17

E-mail: konanewitsch@yahoo.com

***Аннотация:** процессы цифровизации общественных отношений не являются самостоятельными, происходящими в отрыве от иных социальных, экономических и политических процессов. Цифровизация – один из элементов технологического развития общества и цивилизации в целом, она не обладает институциональными признаками, являясь не частью экономики, а одним из направлений внутренней и внешней политики государства, предполагающим построение высокотехнологичной экономики. В статье обосновывается, что функциониру-*

© Бондаренко Н. А., Конаневич Ю. Г., 2021

вание общества и национальной экономики в условиях цифровизации является объектом государственно-правового воздействия, а процессы цифровизации общественной жизни подлежат комплексному государственному регулированию. Вместо «государственного регулирования цифровой экономики» и «государственного регулирования цифрового общества» авторы предлагают термин «государственное регулирование вопросов создания и использования высоких технологий». Избранный в настоящее время в Республике Беларусь вариант государственного регулирования деятельности в сфере высоких технологий признается авторами оптимальным.

Ключевые слова: *цифровизация, цифровое общество, экономика, цифровая экономика, цифровые технологии, государственное регулирование*

LEGAL AND ORGANIZATIONAL NATURE OF DIGITALIZATION PROCESSES AND REGULATORY FUNCTIONS OF THE STATE IN THIS SPHERE

N. L. Bondarenko

Academy of Public Administration under the President of the Republic of Belarus

17, Moskovskaya st., Minsk, the Republic of Belarus, 220007

E-mail: 2iu@tut.by

Yu. G. Konanevich

Academy of Public Administration under the President of the Republic of Belarus

17, Moskovskaya st., Minsk, the Republic of Belarus, 220007

E-mail: konanewitsch@yahoo.com

Abstract: *in the article the authors argue that the processes of digitalization of public relations are not independent, it occurs in isolation from other social, economic, and political processes. Digitalization is one of the elements of the technological development of society and civilization as a whole, it does not have signs of an institutional phenomenon, being not a part of the economy, but one of the directions of the state's domestic and foreign policy, which involves the construction of a high-tech economy. The article grounds that the functioning of society and the national economy in the context of digitalization is an object of state and legal influence and the processes of digitalization of public life are subject to comprehensive state regulation. Instead of "state regulation of the digital economy" and "state regulation of digital society" the authors propose*

the terminology "state regulation of the creation and use of high technologies." the authors recognize the option of state regulation of activities in the field of high technologies, currently selected in the Republic of Belarus as the optimal one.

Keywords: digitalization, digital society, economy, digital economy, digital technologies, government regulation

Введение

Человеческое общество сегодня оказалось в том же состоянии, что и на рубеже XIX–XX столетий: с одной стороны, интенсивное повышение технологичности жизнедеятельности, а с другой стороны – наличие все тех же социальных, экономических и политических проблем, которые необходимо решать. Попытка совместить эти тренды нашла воплощение в идее «цифровизации», которая в перспективе должна привести к «цифровому обществу» и обслуживающей его «цифровой экономике».

Отличительной чертой современного общества стало возведение идеи цифровизации системы общественных отношений в некий своего рода абсолют и попытки сделать «цифровым» даже то, что таковым быть не может и не должно, например, «цифровизация права», а также создание мифа о «цифровой экономике», которая не может и не сможет никогда быть таковой, а лишь способна широко использовать цифровые технологии для производства материальных и нематериальных благ и трансформировать среду обитания человека в более комфортную за счет умных технологий. При этом даже возникла идея введения в практику некоего самостоятельного регулирования «цифровой экономики» и «цифрового общества», а также создания самостоятельного мегарегулятора в данной области.

В рамках статьи авторы попытаются высказать собственную позицию относительно явлений цифровизации, а на основе анализа норм законодательства и положений правовой доктрины проанализировать предложенное законодателем понятие «цифровая экономика» и дать ему оценку.

Основная часть

Что же такое экономика и способна ли она быть цифровой? Слово «*oikonomia*», берущее свое начало в латинском, в русском языке означает «хозяйство». Как следствие, экономика представляет собою не что иное, как систему хозяйствования или иными словами – совокупность хозяйственных отношений в сочетании со средствами производства, необходимыми для возникновения, изменения и прекращения таких отношений, и необходимыми для этого ресурсами. Юристы, следуя за экономистами, систему экономических отношений делят на два основных уровня: макроэкономику – национальную экономику (хозяйство) государства в целом и микроэкономику –

экономику (хозяйство) отдельного субъекта общественных отношений. Национальная экономика – это хозяйство страны, его состав, структура, взаимосвязи отдельных элементов; это комплекс, составляющие которого представляют собой специфические общности¹, а микроэкономика, это хозяйство отдельных экономических единиц, под которыми подразумеваются «потребители, рабочие, инвесторы, землевладельцы, деловые фирмы – фактически любой отдельный человек, организация или предприятие, которое играет определенную роль в функционировании нашей экономики»². Юридически структура национальной экономики и системные связи внутри нее имеют универсальный характер в любой стране мира и закреплены в нормах международного права и в национальном законодательстве о статистике и техническом нормировании и стандартизации.

Экономика (хозяйство) выполняет три важнейшие функции³:

- производственную, выражающуюся в производстве материальных и нематериальных благ;

- транзакционную (функцию обмена), выражающуюся в обмене произведенными материальными и нематериальными благами между субъектами общественных отношений;

- перераспределительную, выражающуюся в выполнении государством функции перераспределения произведенного обществом блага посредством фискального, финансового и хозяйственного механизмов между различными социальными группами в целях достижения социального и экономического равновесия. При этом, как констатируют экономисты, основой жизнедеятельности общества является производство – процесс создания материальных и нематериальных благ, состоящий из двух взаимосвязанных элементов: производственных сил и экономических отношений⁴. Состояние экономических отношений обусловлено состоянием самого общества и его способностью в силу имеющихся у него ресурсов и средств производства обеспечивать собственные потребности. Американские экономисты Кэмбэл Р. Макконнелл и Стэнли Л. Брю констатируют, что функционирование экономики на любом этапе развития государства и общества обусловлено двумя проблемами:

- материальными потребностями общества составляющих его индивидов и институтов, которые являются буквально безграничными и неутолимыми;

- экономическими ресурсами – т. е. наличием средств производства товаров и услуг, которые являются ограниченными или редкими⁵.

¹ Макроэкономика: учебник / под общ. ред. Л. П. Куракова. М.: Изд-во ИАЭП, 2017. С. 5.

² Пиндайк Р., Рабинфельд Д. Микроэкономика / пер. с англ. СПб.: Питер, 2002. С. 20.

³ Экономическая теория: учеб. пособие / под ред. И. В. Новиковой. Минск: Тетралит, 2014. С. 6.

⁴ Ачаповская М. З. Экономическая теория в схемах, таблицах, графиках: учеб. пособие. Минск: Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2014. С. 6.

⁵ Макконнелл К. Р. Экономикс: принципы, проблемы и политика: пер. с англ. М.: ИНФРА-М, 1999. С.24.

В контексте макроэкономики данные проблемы находят свое выражение в двух экономических категориях:

– совокупное предложение – т. е. совокупность произведенных в рамках экономической системы материальных и нематериальных благ;

– совокупный спрос – т. е. стоимостная оценка суммарного объема покупок в рамках национальной экономики, запланированная покупателями⁶.

Таким образом, можно констатировать, что экономика – это хозяйство, принадлежащее обществу, используемое для удовлетворения его потребностей в различных благах посредством совершения действий и операций, позволяющих такие блага создать. Если использовать философские категории, характеризующие сущность бытия, экономику можно охарактеризовать как совокупность объектов материального мира, приведенную в систему в соответствии с миропониманием, формирующимся у человека и общества в мире идеальном, порожденном сознанием. При этом невозможно отрицать тот факт, что порождаемые человеческим сознанием потребности преимущественно имеют характер материальных, которые возможно удовлетворить лишь с использованием комплекса различных технологий, а не только цифровых, и которые (потребности) просто невозможно оцифровать или «цифровизировать».

На официальном портале «Техническое нормирование и стандартизация в Республике Беларусь» размещен проект Государственного стандарта Республики Беларусь «Цифровая трансформация. Термины и определения», в пункте 3.33 которого содержится термин «цифровизация», под которым предлагается понимать *«новый этап автоматизации и информатизации экономической деятельности и государственного управления; процесс перехода на цифровые технологии, в основе которого лежит не только использование для решения задач производства или управления информационно-коммуникационных технологий, но также накопление и анализ с их помощью больших данных в целях прогнозирования ситуации, оптимизации процессов и затрат, привлечения новых контрагентов и т. д.»*.

В статье 1 Закона Республики Беларусь от 11 мая 2016 г. № 363-З «Об экспортном контроле» содержится дефиниция категории «технология», под которой понимается *научно-техническая информация, в том числе секреты производства (ноу-хау) и другие результаты интеллектуальной деятельности (права на них), которая выражена в форме моделей, прототипов, чертежей, диаграмм, проектов, инструкций, программных продуктов либо в неосязаемой форме – обучение, техническое обеспечение (обслуживание) и которая требуется для разработки, производства или использования товара*. При этом, в силу статьи 1 Закона Республики Беларусь от 12 декабря

⁶ Макроэкономика: учеб. пособие / под ред. И. В. Новиковой. Минск: Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2006. С. 24.

2013 г. № 94-З «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции», товаром признаются *все виды объектов гражданских прав, в том числе работы, услуги, включая финансовые услуги, предназначенные для продажи, обмена или иного введения в гражданский оборот.*

Иными словами, технологии, как научно-техническая информация, предназначены для совершения юридических значимых действий в отношении абсолютного большинства объектов гражданских прав.

В пункте. 3.27 проекта Государственного стандарта Республики Беларусь «Цифровая трансформация. Термины и определения» также содержится дефиниция цифровой технологии, под которой законодатель предлагает понимать *технологию, в отличие от аналоговой, работающая с дискретными, а не с непрерывными сигналами.*

Иными словами, цифровая технология – это не что иное, как научно-техническая информация, выраженная в формах, установленных статьей 1 Закона Республики Беларусь «Об экспортном контроле», и требуемая для разработки, производства или использования товара. Цифровая технология не содержит в себе признаков некоего иного института или явления, по своей правовой и экономической природе и конструкции не является институтом, отличающимся, к примеру, от технологии выращивания картофеля. Разница состоит лишь в содержании цифровой и нецифровой технологии.

Соответственно, если цифровизация представляет собой лишь *«этап автоматизации и информатизации экономической деятельности и государственного управления»*, а соответственно, представляет собою процесс внедрения в экономическое и социальное бытие цифровых технологий, возникает комплекс обоснованных сомнений относительно того, возможно и допустимо ли рассматривать цифровизацию как некое институциональное явление. Логика таких сомнений состоит в следующем:

– возникновение и внедрение цифровой технологии не оказывает воздействия на сущностные характеристики общественных отношений: производство материальных или нематериальных благ все также предполагает совершение комплекса хозяйственных операций, воплощаемых в совокупность хозяйственных процессов; осуществление государственного управления по-прежнему предполагает целенаправленное воздействие на поведение субъектов общественных отношений и происходящие в обществе процессы разной направленности;

– внедрение цифровых технологий не оказывает существенного воздействия на характер материальных и нематериальных потребностей индивида, оно лишь изменяет способы, подходы и средства к их удовлетворению, а соответственно, цифровая технология – это не цель жизнедеятельности индивида, социальных, политических или экономических институтов, а средство

получения и достижения необходимого материального или нематериального блага;

– внедрение цифровой технологии не отражается на правосубъектности участников общественных отношений. Она (цифровая технология) – лишь способ и средство осуществления юридически и экономически значимых действий и получения юридически значимого результата и (или) экономического или социально-экономического эффекта от деятельности индивида или иной институциональной единицы.

В этой связи весьма дискуссионной представляется попытка белорусского законодателя включить в проект Государственного стандарта Республики Беларусь «Цифровая трансформация. Термины и определения» (пункт 3.30) дефиницию категории «цифровая экономика», под которой предлагается понимать *«часть экономики, в которой процессы производства, распределения, обмена и потребления прошли цифровые преобразования с использованием информационно-коммуникационных технологий»*. Часть целого должна обладать характеристиками целого. Следовательно, если цифровая экономика – это «часть экономики», то она должна обладать всеми характеристиками, свойственными экономике (экономической системе)⁷, в частности:

– выполняла бы производственную, транзакционную и перераспределительную функции, но она их не выполняет, а лишь является элементом этих функций;

– определяла бы характер материальных потребностей и экономических ресурсов, однако цифровизация всего лишь определяет технологические характеристики экономических ресурсов;

– порождала бы совокупный спрос и совокупное предложение, но цифровизация общественных отношений только влияет на характер спроса и предложения в силу изменения природы производимых товаров.

Можно сделать вывод, что цифровая экономика – это не институциональное явление и не часть национальной экономики. Цифровую экономику нельзя рассматривать как методологию функционирования системы хозяйствования и обеспечения материальных и нематериальных потребностей общества. Цифровизация – всего лишь средство (инструмент) совершенствования механизма хозяйственных (экономических) отношений и одновременно новый способ возможных злоупотреблений в экономической сфере, поскольку, как отмечают специалисты, «стремительная технологическая трансформация и цифровизация экономических отношений приводят к структурным изменениям на рынке, которые непосредственно связаны с появлением новых форм

⁷ Конаневич Ю. Г. Юридические лица: монография. Минск: Ковчег, 2018. С. 15.

антиконкурентной практики, основанной на широком использовании различных цифровых инструментов»⁸.

Таким образом, *цифровая экономика – это качественная характеристика национальной экономики, выражающаяся в ее способности к использованию высоких технологий (прежде всего, в форме цифровых технологий), уровне использования цифровых технологий, а также в способности национальной экономики производить цифровые технологии для собственного (внутригосударственного) потребления или для продажи их нерезидентам в рамках внешнеэкономической деятельности.*

Полагаем, что формирование ареола некой исключительности, элитарности цифровых технологий, наносит вред общественному сознанию и интересам общества, отодвигая на второй план технологии, на основе которых реально функционирует общество. Обществу активно внушается мысль, что «цифровая экономика» должна существовать как бы обособленно от остальной экономики и в неких особых преференциальных условиях осуществления «цифровизационных отношений», а декрет Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики» (далее – Декрет № 8) создал некую уникальную, ранее неизвестную сферу и систему общественных отношений. Данный законодательный акт действительно уникален, но уникальность его состоит в другом – он закрепляет эффективный подход к стимулированию предпринимательской активности и формированию комплексного преференциального режима осуществления предпринимательской и непредпринимательской хозяйственной деятельности, основанного на сочетании методологии фискального стимулирования (установление преференциального режима налогообложения, преференциального режима в области государственного социального страхования), специфической методологии ценообразования и валютного регулирования, а также механизма организационно-технической поддержки субъектов хозяйственной деятельности, осуществляющих деятельность в сфере высоких технологий. Следует акцентировать внимание также на том, что Декрет № 8 призван регулировать не только и даже не столько сферу ИТ, сколько производственный комплекс для информационных технологий и область осуществления процессов цифровизации, он направлен на развитие широкого комплекса высоких технологий (с которыми информационные (в том числе, цифровые) технологии соотносятся как частное (ИТ) с общим), относящиеся к V и VI технологическому укладу (п. 11 Перечня используемых терминов и их определений, являющегося Приложе-

⁸ Антимонопольное регулирование в цифровую эпоху: как защищать конкуренцию в условиях глобализации и четвертой промышленной революции: монография / под ред. А. Ю. Цариковского, А. Ю. Иванова, Е. А. Войниканис. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. С. 9.

нием 1 к Декрету). Полагаем, что своим содержанием Декрет № 8 однозначно подтверждает факт несуществования «цифровой экономики».

Отдельными субъектами сферы IT-производства (в большей степени заинтересованными в широкой монополизации рынка информационных технологий, нежели в его надлежащем государственном регулировании) без какого-либо научного обоснования и анализа практической пользы продвигается идея специального регулирования так называемой «цифровой экономики» и создания своего рода мегарегулятора в данной области. Полагаем, что подобный подход может создавать угрозу национальной экономике, создавая предпосылки для существования IT-сферы за счет других налогоплательщиков, не обладающих никакими преференциями, однако обеспечивающими жизнедеятельность страны. Он также потенциально опасен с точки зрения антимонопольного, антикоррупционного, фискального, валютного регулирования и применения мер по противодействию легализации доходов, добытых неправомерным путем.

По нашему мнению, в настоящее время в Республике Беларусь избран оптимальный вариант государственного регулирования деятельности в сфере высоких технологий, основанный на сочетании двух методологий:

1) методологии создания специализированных организаций, одновременно наделенных функциями осуществления публичной хозяйственной деятельности от имени государства, в том числе в режиме государственного предпринимательства (фискальной хозяйственной деятельности) и усеченной в сравнении с органами государственного управления регуляторной функцией. К числу таких организаций относится Государственное учреждение «Администрация Парка высоких технологий», Государственное учреждение «Администрация Китайско-Белорусского индустриального парка «Индустриальный парк «Великий камень», администрации свободных экономических зон и др. Указанные организации фактически функционируют в режиме государственной корпорации – некоммерческой организации, задачей которой является осуществление публичной хозяйственной деятельности в определенной сфере, создание условий для привлечения резидентов и текущее регулирование их деятельности. При этом национальное законодательство Республики Беларусь по состоянию на первую половину 2020 г. не содержит такой организационно-правовой формы юридических лиц, как «государственная корпорация». Полагаем, что именно механизм специализированных государственных корпораций является оптимальным для регулирования высокотехнологичного сектора национальной экономики. Придание статуса государственной корпорации организациям, осуществляющим управление названными территориальными единицами, позволит унифицировать правовое регулирование и порядок осуществления регуляторной функции.

2) Методологии делегирования таким специализированным организациям функции управления от имени Республики Беларусь территориальными единицами – территориями специального режима использования (ст. 1 Закона Республики Беларусь от 05.05.1998 г. № 154-З «Об административно-территориальном устройстве Республики Беларусь»), которыми и являются свободные экономические зоны, Парк высоких технологий, Белорусский индустриальный парк «Индустриальный парк «Великий камень» и др.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

1. Идея цифровой экономики, на наш взгляд, – это фикция, цифровой экономики быть не может, поскольку фактически в ней отсутствуют объект, субъекты и содержание. Категорию «цифровая экономика» следует рассматривать не как институциональное явление, а как индикатора состояния национальной экономики. Процессы цифровизации общественных отношений не являются самостоятельными, происходящими в отрыве от иных социальных, экономических и политических процессов. Цифровизация есть один из элементов технологического развития белорусского общества и цивилизации в целом, она также не обладает признаками институционального явления, хотя несомненно является одним из направлений внутренней и внешней политики государства, предполагающим построение высокотехнологичной экономики;

2. Функционирование общества и национальной экономики в условиях цифровизации является объектом государственно-правового воздействия. Сами процессы цифровизации общественной жизни также не могут выпадать из поля зрения государства и подлежат комплексному государственному регулированию. Однако не может существовать «государственного регулирования цифровой экономики» и «государственного регулирования цифрового общества». Регулирование данных явлений и процессов следует осуществлять в комплексе и неразрывно с иными направлениями реализации внутренней и внешней политики, ибо, к примеру, так называемая цифровая среда, выражающаяся в категориях «умный дом», «умный город», «умное производство», является неотъемлемым элементом коммунального и жилищно-коммунального хозяйства, которое функционирует и будет функционировать не только и не столько на основе цифровых технологий (а соответственно, регуляторная функция в данной области не может осуществляться каким-то специализированным органом государственного управления отдельно от Министерства жилищно-коммунального хозяйства или Министерства антимонопольного регулирования и торговли и др.); совершенствование технологий искусственного интеллекта и возникновение категории «правосубъектность искусственных образований» (речь идет о робототехнике) может регулиро-

ваться государством в целом и не сможет обойтись без Министерства юстиции Республики Беларусь и др.

3. В рамках обсуждения вопроса о регуляторной функции в сфере высоких технологий и процессов цифровизации в частности, следует вести речь не о «государственном регулировании цифровой экономики», а о «государственном регулировании вопросов создания и использования высоких технологий». И здесь приемлемой является исключительно методология создания специализированных государственных корпораций, наделенных усеченной регуляторной функцией в области производства таких технологий и их внедрения в гражданский оборот. Создание специального органа государственного управления с функциями мегарегулятора цифровой экономики является не просто излишним, но и разрушительным для системы государственного управления и национальной экономики, поскольку автоматически породит конфликт интересов и комплекс дискриминационных условий для осуществления хозяйственной деятельности. Более того, в Республике Беларусь в настоящее время в системе государственного управления присутствует регулятор отношений в сфере информатизации – Министерство связи и информатизации Республики Беларусь.

Полагаем, что основной причиной наличия такого числа противоречий в области понимания правовой и организационной природы процессов развития национальной экономики в целом и высокотехнологического сектора – в частности, является глубокий консерватизм белорусской правовой и экономической науки, догматы которых в значительной степени не соответствуют нынешним реалиям и обусловлены отсутствием динамики развития научной мысли, синхронизированной с развитием системы общественных отношений. По нашему мнению, решением данной проблемы может стать:

1) отказ от градации проблем и вопросов на «экономические» и «юридические» при формировании доктрины осуществления хозяйственной (экономической) деятельности и функционирования различных институтов, составляющих национальную экономику, внедрение принципа экономического анализа права и юридической экспертизы разработок в экономической сфере при проведении исследований в области экономики;

2) трансформация правовой доктрины и уход от советских догматов при построении современной системы права, в том числе обособление хозяйственного права в самостоятельную отрасль права, призванную комплексно регулировать вопросы осуществления публичной и частной хозяйственной деятельности как в режиме предпринимательской, так и в режиме непредпринимательской хозяйственной деятельности. При этом регулирование вопросов использования цифровых технологий и информационных технологий в целом следует разделить на два массива правовых норм, сконцентрирован-

ных в информационном праве (определение правовой природы и правового режима информации, информационно-коммуникационных и информационно-коммуникативных технологий) и в IT-праве (правовой режим и порядок осуществления хозяйственной деятельности в сфере производства и использования информационных технологий).

3) унификация подходов к внедрению в национальную правовую систему преференциальных режимов осуществления хозяйственной деятельности и установление минимальных стандартов в данной области. Оптимальным вариантом решения данной проблемы, с нашей точки зрения, является разработка и принятие Хозяйственного кодекса Республики Беларусь, призванного в том числе определить характер, содержание и пределы осуществления регуляторной функции в сфере высоких технологий.

Библиографический список

Антимонопольное регулирование в цифровую эпоху: как защищать конкуренцию в условиях глобализации и четвертой промышленной революции: монография / под ред. А. Ю. Цариковского, А. Ю. Иванова, Е. А. Войниканис. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018.

Ачаповская М. З. Экономическая теория в схемах, таблицах, графиках: учеб. пособие. Минск: Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2014.

Конаневич Ю. Г. Юридические лица. Минск: Ковчег, 2018.

Макконнелл К. Р. Экономикс: принципы, проблемы и политика: пер. с англ. М.: ИНФРА-М, 1999.

Макроэкономика: учеб. пособие / под ред. И. В. Новиковой. Минск: Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2006.

Макроэкономика: учебник / под общ. ред. Л. П. Куракова. М.: Изд-во ИАЭП, 2017.

Пиндайк Р., Рабинфельд Д. Микроэкономика / пер. с англ. СПб.: Питер, 2002.

Экономическая теория: учеб. пособие / под ред. И. В. Новиковой. Минск: Тетралит, 2014.

Информация для цитирования

Бондаренко Н. Л., Конаневич Ю. Г. Правовая и организационная природа процессов цифровизации и регуляторной функции государства в данной сфере // *Ex jure*. 2021. № 1. С. 56–67. DOI: 10.17072/2619-0648-2021-1-56-67.

Bondarenko N. L., Konanevich Yu. G. Legal and Organizational Nature of Digitalization Processes and Regulatory Functions of the State in this Sphere. *Ex jure*. 2021. № 1. Pp. 56–67. (In Russ.). DOI: 10.17072/2619-0648-2021-1-56-67.

УДК 347.44(470):621.31

DOI: 10.17072/2619-0648-2021-1-68-78

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ ДОГОВОРА ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ПРИСОЕДИНЕНИЯ К ЭЛЕКТРИЧЕСКИМ СЕТЯМ В РОССИЙСКОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

А. А. Васёв

Аспирант кафедры предпринимательского права,
гражданского и арбитражного процесса

Пермский государственный
национальный исследовательский университет
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15
E-mail: vasev.aa@mail.ru

Аннотация: в настоящей статье рассматривается вопрос о проблемах определения понятия договора техприсоединения к электросетям. Доказано, что в нормативно-правовых актах, регулирующих исследуемый договор, отсутствует легально закрепленное определение. Кроме этого, определения понятия договора технологического присоединения, которые сформулированы в научных исследованиях, содержат логические противоречия и не раскрывают сущность исследуемого договора и его ключевые признаки. Сделан вывод о том, что определение необходимо сформулировать как родовидовое через род и видовое отличие. По результатам исследования сформулирован авторский вариант возможного определения понятия договора техприсоединения к электросетям. Предложенный вариант определения позволит конкретизировать правовую природу договора технологического присоединения, определить, что услуги по технологическому присоединению являются субинститутом возмездного оказания услуг, а также верно определить предмет договора.

Ключевые слова: договор технологического присоединения; определение понятия договора; договоры в электроэнергетике; технологическое присоединение; понятие технологического присоединения

© Васёв А. А., 2021

DEFINITION OF THE TECHNOLOGICAL CONNECTION CONTRACT
IN RUSSIAN CIVIL LAW

A. A. Vasev

Perm State University
15, Bukireva st., Perm, Russia, 614990

E-mail: vasev.aa@mail.ru

Abstract: *this article deals with the problems of defining technological connection contract. It is proved that there is no legally fixed definition in law. In addition, the definitions of the technological connection contract that are formulated in scientific research contain logical contradictions and don't reveal the essence of the technological connection contract its key features. It is concluded that the definition should be formulated through the genus and species difference. Based on the results of the research, the author's version of the possible definition of the technological connection contract is formulated. The proposed definition can clarify the legal nature of the technological connection contract as a type of service contract, as well as determine the subject of the technological connection contract.*

Keywords: *technological connection contract; definition of a contract; contracts in the electric power industry; technological connection; definition of the technological connection*

Технологическое присоединение к объектам электросетевого хозяйства осуществляется на основании договора об осуществлении технологического присоединения (далее также – договор техприсоединения), заключаемого между сетевой организацией и обратившимся к ней лицом. Правовое регулирование отношений, возникающих из рассматриваемого договора, осуществляется Гражданским кодексом Российской Федерации (далее – ГК РФ), Федеральным законом «Об электроэнергетике» от 26 марта 2003 г. № 35-ФЗ (далее – Закон об электроэнергетике), а также принятым в соответствии с ним Постановлением Правительства РФ от 27 декабря 2004 г. № 861 (далее – Постановление № 861), которым утверждены правила технологического присоединения к электрическим сетям (далее – Правила технологического присоединения).

В пункте 1 статьи 26 Закона об электроэнергетике законодателем дана краткая характеристика договора технологического присоединения. Вместе с тем, понятие договора данный пункт не содержит и раскрывает только обязанности сетевой организации по подготовке технических условий, проектированию, строительству, реконструкции объектов электросетевого хозяйства, урегулированию отношений с третьими лицами¹.

¹ Об электроэнергетике: Федер. закон от 26 марта 2003 г. № 35-ФЗ. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.- правовой системы «КонсультантПлюс».

Правила технологического присоединения также не раскрывают понятия данного договора в том виде, который характерен для определения понятий отдельных договоров в ГК РФ. Однако Постановление № 861 подробно определяет большинство аспектов договорных правоотношений по технологическому присоединению. Правилами технологического присоединения определен его порядок, процедура заключения и исполнения договора, закреплены существенные условия договора, установлены требования к выдаче технических условий, порядку проведения проверки выполнения заявителем и сетевой организацией технических условий.

Из-за отсутствия легально закрепленного понятия договора технологического присоединения на практике возникла проблема определения его правовой природы, от разрешения которой зависит применение или не применение тех или иных норм права, регулирующих сходные с технологическим присоединением правоотношения. Правовая природа позволяет через юридические характеристики того или иного явления увидеть структуру, место и роль среди других правовых явлений².

Существует объективная необходимость правильного определения понятия рассматриваемого договора и отнесения его к виду договора возмездного оказания услуг. Отношения по технологическому присоединению к объектам электросетевого хозяйства специфичны, однако предмет, а именно — действия исполнителя, которым является сетевая организация, соответствует признакам договора возмездного оказания услуг.

С точки зрения логики, определение того или иного понятия является логической операцией, которая раскрывает сущность определяемого явления. Согласно позиции В. А. Бочарова и В. И. Маркина под определением понимается «логическая процедура, которая состоит в придании строго фиксированного смысла языковым выражениям (терминам языка)»³.

При формировании и разработке любой научной теории важным аспектом является процедура определения ключевых понятий в ней. Как справедливо указывает В. В. Оглезнев наиболее распространенным и практически применимым в теории гражданского права видом определения является применение родовидовых определений. Такой способ раскрытия сущности того или иного понятия предполагает определение через ближайший род, к которому относится определяемое понятие, и видовое отличие, которое характеризует ключевое сущностное отличие⁴.

Вместе с тем, указанный вид определения понятий является ограниченным сферой применимости. При определении, например, абстрактных тер-

² Комиссарова Е. Г. Формально логические аспекты понятия «правовая природа» // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2012. Выпуск 2(16).

³ Бочаров В. А., Маркин В. И. Введение в логику. М.: ИД «Форум», 2008. С. 423.

⁴ Оглезнев В. В. Границы применимости родовидовых определений в юридическом языке // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 437. С. 78.

минов возможно прийти к ситуации, когда у понятия не будет высшего рода. В. В. Оглезнев справедливо указывает на то, что «техника определения через род и видовое отличие может использоваться для прояснения правовых понятий только в ограниченной области»⁵.

Справедливо применять родовидовые определения возможно в ситуациях, когда исследователь не имеет дела с предельно общими терминами. Для определения понятия и раскрытия сущности определенного вида гражданско-правового договора возможно применение родовидовых определений.

Необходимо определить, какие признаки гражданско-правового договора являются сущностными, а также то, каким образом формулируется в науке понятие гражданско-правового договора, поскольку для каждого вида договора родовым понятием является понятие гражданско-правового договора.

Е. А. Суханов при проведении анализа действующих общих положений о договоре указывает на следующие его основные черты. У любого договора должна присутствовать согласованность действий сторон договора, которые выражают их взаимное волеизъявление. Кроме этого, такие действия должны быть направлены на установление взаимных гражданских прав и обязанностей. Автор делает заключение, что основным юридическим эффектом договора является формирование связанности его контрагентов соответствующим обязательственным правоотношением⁶.

На согласованность воли сторон и направленность на правовое регулирование отношений между сторонами также указывает М. Ф. Казанцев⁷. А. Т. Богатырева указывает на следующие признаки гражданско-правового договора: согласованное волеизъявление, наличие круга субъектов, которые выразили такое волеизъявление, а также направленность общего волеизъявления на урегулирование интересующих стороны отношений⁸.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что при формулировании понятия договора недопустимо ограничивать его перечислением обязанностей только одной из сторон, поскольку такой подход будет нарушать понимание договора как взаимной двусторонней сделки, которая направлена на урегулирование правоотношений между её сторонами. Следовательно, положение пункту 1 статьи 26 Закона об электроэнергетике нельзя признать определением договора технологического присоединения к электрическим сетям, поскольку в нем отсутствует какое-либо упоминание об обязанностях заказчика (заявителя). Кроме этого, данный пункт не позволяет сделать однознач-

⁵ Оглезнев В. В. Указ. соч. С. 79

⁶ Российское гражданское право: учебник: в 2-х т. Т. 2. Обязательственное право / отв. ред. Е.А. Суханов. М.: Статут, 2011. С. 136.

⁷ Казанцев М. Ф. Концепция гражданско-правового договорного регулирования: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2008. С. 56.

⁸ Богатырева А. Т. Проблемы дефиниции гражданско-правового договора // Общество: политика, экономика, право. 2016. № 4.

ный и непротиворечивый вывод о правовой природе рассматриваемого договора.

Классифицируя договоры в отдельных отраслях энергетики, О. А. Городов относит договор технологического присоединения к сделкам, которые заключаются в процессе осуществления доступа к электрическим сетям и услугам по передаче электроэнергии, а также автор отмечает, что в последнее время намечается тенденция к структурированию договорных отношений между участниками рынков электрической энергии⁹.

С точки зрения классификации имущественных и организационных договоров договор технологического присоединения относится к организационным сделкам, что поддерживается большинством авторов. Согласно указанной классификации имущественным является договор, на основе которого возникает имущественно-правовая связь (имущественное отношение); он обеспечивает перемещение материальных благ (товарообмен), а организационный договор, в свою очередь, направлен на обеспечение возникновения в будущем имущественных отношений¹⁰.

Предметом договора являются действия исполнителя (сетевой организации) по выполнению мероприятий, предусмотренных техническими условиями. В технических условиях также предусматривается перечень действий заявителя по подготовке его энергопринимающих устройств к подключению (в том числе требования к энергопринимающим устройствам, средствам учета электроэнергии и др.). Важно различать договор технологического присоединения и технические условия, которые являются в большей степени технической документацией. Технические условия продолжают действовать и после исполнения договора¹¹.

Объектом обязательств, возникающих из договора технологического присоединения, является услуга, направленная на удовлетворение потребности заявителя на подключение его объекта к электрическим сетям. Услуга выражается в активной форме – в предмете договора, а именно в действиях сетевой организации¹². Согласно позиции С. А. Свиркова, технологическое присоединение представляет собой услугу, оказываемую сетевой организацией потребителю¹³. Согласно позиции С. А. Свиркова, содержанием обязательств участников организационного договора является не осуществление

⁹ *Городов О. А.* О системе договоров, заключаемых в отдельных отраслях энергетики // Закон. 2015. № 1.

¹⁰ Гражданский кодекс Российской Федерации. Общие положения о договоре. Постатейный комментарий к главам 27–29 / под ред. П. В. Крашенинникова. М.: Статут, 2016.

¹¹ *Рецлов С. О.* Особенности правового регулирования отношений по технологическому присоединению к электрическим сетям и передаче электроэнергии // Юрист-Правовед. 2008. № 4.

¹² *Степанов Д.* Услуги как объект гражданских прав // Российская юстиция. 2000. № 2.

¹³ *Свирков С. А.* Основные проблемы гражданско-правового регулирования оборота энергии: монография. М.: Статут, 2013.

определенных действий в отношении друг друга, а совместное осуществление определенных действий, направленных на достижение конкретного результата¹⁴. Автор относит договор технологического присоединения к организационным сделкам в электроэнергетике.

Указанная позиция также поддерживается Д.Н. Михалевым, который относит договор технологического присоединения к вспомогательным договорам отрасли, без которых невозможно заключение и реализация основных договоров¹⁵. Следует согласиться с указанным мнением, поскольку основной целью рассматриваемого договора является обеспечение возможности потребления и передачи электроэнергии в будущем, создание заказчику-потребителю технической возможности регулярного получения и потребления электрической энергии¹⁶. Без технологического присоединения невозможно последующее заключение договора энергоснабжения, который является реализационным договором¹⁷.

Для правильного определения понятия исследуемого договора важно определить, что представляет собой технологическое присоединение как процесс и какие действия сетевой организации подпадают под указанное понятие. Технологическое присоединение, согласно позиции К.С. Семенович, представляет собой действие, производимое сетевой организацией на основании соответствующего договора, которое направлено на установление фактического контакта между электрической сетью и энергопринимающими устройствами лица, намеренного получать электроэнергию¹⁸.

Похожее по смыслу определение понятия приводят и другие авторы. Е. В. Кирюхина делает акцент на том, что технологическое присоединение представляет собой процесс, однако сам договор технологического присоединения трактует как подрядный, поскольку в технологическом присоединении важен не сам процесс оказания услуги, а её результат¹⁹. Президиум ФАС РФ в разъяснениях от 30 ноября 2016 г. определяет, что подключение (технологическое присоединение) является совокупностью организацион-

¹⁴ Свирков С. А. Договорные обязательства в электроэнергетике. М.: Статут, 2006. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁵ Михалев Д. Н. Система договоров в сфере электроэнергетики // Вестник ВолГУ. Серия 5: Юриспруденция. 2011. № 2. С. 240.

¹⁶ Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 27 февр. 2019 г. № Ф09-9747/18 по делу № А76-13434/2018. [Электронный ресурс]. Картоoteca арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru>.

¹⁷ Свирков С. А. Реализационные договоры на розничных рынках электрической энергии // Законы России: опыт, анализ, практика. 2012. № 12.

¹⁸ Семенович К. С. Технологическое присоединение к электрическим сетям: выбор заявителем категории надежности электроснабжения // Ленинградский юридический журнал. 2016. № 1. С. 128.

¹⁹ Кирюхина Е. В. Некоторые вопросы правового регулирования договора технологического присоединения к электрическим сетям // Юридический мир. 2009. № 6.

ных и технических действий, дающих возможность потреблять соответствующий ресурс²⁰.

Действия исполнителя, составляющие услугу, имеют цель удовлетворять потребность лица, в пользу которого они совершаются. При этом, чтобы удовлетворить потребность, этот процесс должен иметь некий результат, который будет пригоден для потребления заказчиком²¹. Результат оказания услуги, таким образом, выражается в достигаемом «эффекте услуги»²². В силу наличия указанной выше правовой цели, которую намерены достичь стороны, договор технологического присоединения следует классифицировать как каузальную сделку. К каузальным сделкам, в отличие от абстрактных, относятся сделки, которые имеют правовое основание²³.

Некоторые авторы, в том числе К. С. Семенович, выделяют особенность договора в повышенных обязанностях заказчика (заявитель выполняет свою часть мероприятий, предусмотренных техническими условиями), а не только принимает и оплачивает услуги. Вместе с тем, с данной позицией нельзя согласиться в силу следующего. Мероприятия по техприсоединению, предусмотренные техническими условиями, являются фактическими действиями заказчика (заявителя), которые он обязуется выполнить. Полагаем, данную обязанность следует считать условием возможности оказать услуги по техприсоединению, а не специфическими обязанностями заказчика по договору технологического присоединения, которые влияют на правовую природу исследуемого договора.

В большинстве договоров возмездного оказания услуг заказчик, так или иначе, выполняет определенные соглашением сторон фактические действия, которые обеспечивают возможность оказания услуги. Например, по договору возмездного оказания юридических услуг заказчик обязуется предоставить всю необходимую информацию и документы для надлежащего оказания услуги.

В современной юридической науке предложены единичные авторские определения понятия договора технологического присоединения к электрическим сетям, поскольку сам договор является предметом исследования только нескольких научных работ. Данная ситуация приводит к недостаточной научной разработанности теории договора технологического присоединения в российском гражданском праве и отсутствию развитой и всесторонней научной дискуссии по вопросу определения понятия рассматриваемого договора.

²⁰ Об утверждении разъяснений № 7 о порядке применения закона о защите конкуренции с учетом правил технологического присоединения, правил недискриминационного доступа, правил подключения и законодательства о теплоснабжении: протокол Президиума ФАС России от 30 нояб. 2016 г. № 15.

²¹ Вольвач Я. В. О необходимости гражданско-правового регулирования вопросов качества услуг // Адвокат. 2013. № 5.

²² Степанов Д. Указ. соч.

²³ Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Общие положения. М.: Статут, 2003.

О. А. Городов предлагает определять понятие договора технологического присоединения следующим образом: «По договору об осуществлении технологического присоединения к электрической сети одна сторона (сетевая организация) обязуется в установленном действующими правилами порядке присоединить по заявке другой стороны (абонента) принадлежащие ему энергопринимающие устройства к электрической сети сетевой организации, а абонент обязуется оплатить мероприятия по технологическому присоединению и соблюдать его технические условия»²⁴.

В данном определении предмет договора определяется как действия по присоединению энергопринимающих устройств к электрической сети. Вместе с тем, определение представляет собой логически сложную конструкцию, которая не позволяет в полной мере раскрыть сущность рассматриваемого вида договора, определить его правовую природу, место в системе гражданско-правовых договоров.

К. С. Семенович, признавая договор технологического присоединения самостоятельным видом гражданско-правового договора, предлагает определять его понятие как договор, согласно условиям которого «одна сторона (сетевая организация) в установленные договором сроки, в соответствии с техническими условиями, обязуется произвести комплекс мероприятий по фактическому присоединению энергопринимающих устройств другой стороны (заявителя) к электрической сети, а заявитель исполнить технические условия и в установленном договором порядке уплатить обусловленную цену»²⁵.

Полагаем, что данное определение не лишено противоречий и не раскрывает в полной мере сущность договора технологического присоединения. Рассматриваемое определение не является родовидовым, которое бы относило договор к определенному виду гражданско-правового договора. Указание в определении положения об исполнении обязанностей по договору «в установленные договором сроки» не имеет цели определить договор, поскольку любое гражданско-правовое обязательство, вытекающее из любого договора, должно быть осуществлено в определенный в договоре или нормативно-правовом акте срок.

Часть определения о выполнении комплекса мероприятий по присоединению и соответствие действий сетевой организации техническим условиям противоречат логике построения определения, поскольку представляют собой повторение: технические условия включают мероприятия по присоединению объекта. В таком случае более верным вариантом будет указание на предмет договора: действия сетевой организации по подключению объекта заявителя.

Увеличение объема определения за счет добавления указания на «установленный договором порядок оплаты», как и в ситуации со сроком догово-

²⁴ *Городов О. А.* Договоры в сфере электроэнергетики. М.: Волтерс Клувер, 2007. С. 134.

²⁵ *Семенович К. С.* Договор технологического присоединения к электрическим сетям: дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2017. С. 38.

ра, не имеет цели раскрытия сущности понятия. Каждый возмездный гражданско-правовой договор должен быть оплачен второй стороной в определенном законом или договором порядке. Полагаем, что в данном контексте достаточным будет указание на обязанность заказчика оплатить услугу. Кроме этого, в рассмотренном определении отсутствует важная существенная часть обязанностей заявителя – принять оказанные услуги по подключению своего объекта.

Оба рассмотренных определения содержат также характеристику, указывающую на ограничительное толкование применимости договора технологического присоединения, поскольку присоединяются к электрическим сетям сетевой организации не только потребители, но и генерирующие объекты, а также объекты электросетевого хозяйства других сетевых организаций.

Основной проблемой при определении понятия того или иного правового явления является неверное определение его правовой природы. В современной юридической науке и в судебной практике нет единого подхода к разрешению проблемы определения правовой природы договора технологического присоединения.

Квалификация договора как смешанного или подрядного недопустима, поскольку предметом рассматриваемого договора являются действия сетевой организации (исполнителя) по технологическому присоединению, а о вещественного результата работ, который передавался бы заказчику, нет. Если применять нормы о договоре подряда, то к регулированию отношений по технологическому присоединению будут применяться нормы о праве подрячика на удержание, об одностороннем отказе от договора, о сокращенном сроке исковой давности и другие нормы, которые не могут быть применимы к отношениям, регулируемым рассматриваемой договорной конструкцией.

В пункте 1 статьи 779 ГК РФ сформулировано понятие договора возмездного оказания услуг следующим образом. По договору возмездного оказания услуг исполнитель обязуется по заданию заказчика оказать услуги (совершить определенные действия или осуществить определенную деятельность), а заказчик обязуется оплатить эти услуги. Предметом договора являются действия исполнителя, которые совершаются в целях удовлетворения определенной потребности заказчика. Услуга как экономическое благо представляет собой совокупность действий одного лица (исполнителя) по удовлетворению потребности другого лица (потребителя услуги / заказчика).

Определяя правовую природу договора технологического присоединения как вида договора возмездного оказания услуг, можно сделать вывод о том, что договор возмездного оказания услуг является родовым понятием. С точки зрения места в системе гражданского права Г. З. Ахметова предлагает относить каждый вид услуг к субинститутам²⁶. Логическая конструкция

²⁶ Ахметова Г. З. Институт возмездного оказания услуг в системе договорного права // Юрист. 2017. № 6.

родовидового определения предполагает наличие общего рода – договор возмездного оказания услуг, и видового отличия.

Для договора технологического присоединения к электрическим сетям видовым отличием от иных видов договора возмездного оказания услуг будет являться специфический предмет – услуга технологического присоединения. Технологическое присоединение для цели определения понятия соответствующего договора представляет собой услугу по присоединению объекта заявителя к электрической сети исполнителя.

На основании сделанной характеристики можно сформулировать понятие договора как родовидовое определение следующим образом. По договору технологического присоединения одна сторона (сетевая организация) принимает на себя обязательство оказать услуги по присоединению объекта другой стороны (заявителя) к своей электрической сети, а заявитель обязуется принять и оплатить оказанные услуги. При этом под технологическим присоединением следует понимать комплекс мероприятий, целью которых является обеспечение возможности потребления и передачи электроэнергии.

Сформулированное определение позволяет решить следующие возникшие проблемы в теории и практике. Из определения можно сделать вывод о том, что договор технологического присоединения является видом договора возмездного оказания услуг, а услуги по технологическому присоединению являются субинститутом возмездного оказания услуг. Таким образом, конкретизируется правовая природа рассматриваемого договора. Во-вторых, из указанного определения можно вычленить предмет, который составляют действия исполнителя (сетевой организации) по технологическому присоединению, а также объект: услуги по технологическому присоединению. В-третьих, под указанное определение попадают все категории заявителей, а не только потребители электрической энергии.

Библиографический список

Ахметова Г. З. Институт возмездного оказания услуг в системе договорного права // Юрист. 2017. № 6.

Богатырева А. Т. Проблемы дефиниции гражданско-правового договора // Общество: политика, экономика, право. 2016. № 4.

Бочаров В. А., Маркин В. И. Введение в логику. М.: ИД «Форум», 2008.

Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Общие положения. М.: Статут, 2003.

Вольвач Я. В. О необходимости гражданско-правового регулирования вопросов качества услуг // Адвокат. 2013. № 5.

Городов О. А. Договоры в сфере электроэнергетики. М.: Волтерс Клувер, 2007.

Городов О. А. О системе договоров, заключаемых в отдельных отраслях энергетики // Закон. 2015. № 1.

Гражданский кодекс Российской Федерации. Общие положения о договоре. Постатейный комментарий к главам 27–29 / под ред. П. В. Крашенинникова. М: Статут, 2016.

Казанцев М. Ф. Концепция гражданско-правового договорного регулирования: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2008.

Кирюхина Е. В. Некоторые вопросы правового регулирования договора технологического присоединения к электрическим сетям // Юридический мир. 2009. № 6.

Комиссарова Е. Г. Формально логические аспекты понятия «правовая природа» // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2012. Выпуск 2(16).

Михалев Д. Н. Система договоров в сфере электроэнергетики // Вестник ВолГУ. Серия 5: Юриспруденция. 2011. № 2.

Оглезнев В. В. Границы применимости родовидовых определений в юридическом языке // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 437.

Рецлов С. О. Особенности правового регулирования отношений по технологическому присоединению к электрическим сетям и передаче электроэнергии // Юрист-Правоведъ. 2008. № 4.

Российское гражданское право: учебник: в 2-х т. Т. 2. Обязательственное право / отв. ред. Е. А. Суханов. М.: Статут, 2011.

Свирков С. А. Договорные обязательства в электроэнергетике. М.: Статут, 2006.

Свирков С. А. Основные проблемы гражданско-правового регулирования оборота энергии: монография. М.: Статут, 2013.

Свирков С. А. Реализационные договоры на розничных рынках электрической энергии // Законы России: опыт, анализ, практика. 2012. № 12.

Семенович К. С. Договор технологического присоединения к электрическим сетям: дис. ... канд. юрид. наук. С.-Пб. 2017.

Семенович К. С. Технологическое присоединение к электрическим сетям: выбор заявителем категории надежности электроснабжения // Ленинградский юридический журнал. 2016. № 1.

Степанов Д. Услуги как объект гражданских прав // Российская юстиция. 2000. № 2.

Ex jure

Информация для цитирования

Васёв А. А. Определение понятия договора технологического присоединения к электрическим сетям в российском гражданском праве // Ex jure. 2021. № 1. С. 68–78. DOI: 10.17072/2619-0648-2021-1-68-78.

Vasev A. A. Definition of the Technological Connection Contract in Russian Civil Law. *Ex jure*. 2021. № 1. Pp. 68–78. (In Russ.). DOI: 10.17072/2619-0648-2021-1-68-78.

УДК 351:339.3

DOI: 10.17072/2619-0648-2021-1-79-87

**ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ФИНАНСОВОЙ ПОДДЕРЖКИ
УЧАСТНИКОВ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

А. В. Губарева

Кандидат юридических наук, доцент
доцент кафедры предпринимательского права

Уральский государственный юридический университет
620137, Россия, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21
E-mail: ashipova@mail.ru

Е. П. Щекочихина

Кандидат юридических наук, доцент
доцент кафедры предпринимательского права

Уральский государственный юридический университет
620137, Россия, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21
E-mail: helena271@yandex.ru

Аннотация: статья посвящена анализу пределов допустимости финансовых мер поддержки национальных производителей при экспорте товаров и услуг, установленных международными организациями, которые требуют соблюдения их положений со стороны стран – участниц, в том числе Российской Федерации. Проанализирован процесс субсидирования экспорта национальных товаропроизводителей в России. Авторы приходят к следующему выводу: не всегда соблюдаются запреты, установленные международными актами, а причинами такого положения является отсутствие в национальном законодательстве РФ тех критериев, с помощью которых можно определить государственную поддержку национальных то-

© Губарева А. В., Щекочихина Е. П., 2021

варопроизводителей в качестве запрещенной субсидии. Проводится анализ основной проблемы при предоставлении мер финансовой поддержки участникам внешнеэкономической деятельности - соблюдение критериев допустимости таких мер, установленных международным законодательством. Авторами констатируется, что в последние годы сделан значительный шаг в гармонизации национального законодательства с нормами международных организаций, регулирующими международное экономическое сотрудничество, в том числе приведения практики экспортного кредитования в соответствие с требованиями ВТО, ОЭСР и ЕАЭС.

Ключевые слова: государственная финансовая поддержка; участники внешнеэкономической деятельности; запрещенная экспортная субсидия; пределы допустимости финансовых мер поддержки национальных производителей

LEGAL BASIS OF STATE FINANCIAL SUPPORT TO PARTICIPANTS IN FOREIGN ECONOMIC ACTIVITY

A. V. Gubareva

Ural State Law University
21, Komsomol'skaya st., Yekaterinburg, Russia, 620137
E-mail: ashipova@mail.ru

H .P. Schekhochikhina

Ural State Law University
21, Komsomol'skaya st., Yekaterinburg, Russia, 620137
E-mail: helena271@yandex.ru

Abstract: *the article is devoted to the analysis of the admissibility limits of financial measures to support national producers in the export of goods and services established by international organizations that require compliance with their provisions on the part of the participating countries, including the Russian Federation. The process of subsidizing the export of national producers in Russia is analyzed. The authors come to the following conclusion: the prohibitions established by international acts are not always respected, and the reason for this situation are the absence in the national legislation of the Russian Federation of those criteria by which it is possible criteria by which it is possible to determine state support for national producers as a prohibited subsidy. The analysis of the main problem in providing financial support measures to participants in foreign economic activity is carried out – compliance with the criteria for the admissibility of such measures*

established by international law. The authors state that in recent years a significant step has been taken in harmonizing national legislation with the norms of international organizations regulating international economic cooperation, including binding export lending practices in line with the requirements of the WTO, OECD and EAEU.

Keywords: *state financial support; participants in foreign economic activity; prohibited export subsidies; admissibility limits of financial measures to support national producers*

Российское государство, как и многие другие страны, в целях оказания помощи национальным экспортерам товаров и услуг применяет различные финансовые и нефинансовые инструменты поддержки и развития внешнеэкономической деятельности. Среди большого разнообразия финансовых мер поддержки участников ВЭД в России наибольшую известность получили такие меры поддержки экспорта, как кредиты, страхование и государственные гарантии. Использование финансовых инструментов поддержки участников внешнеэкономической деятельности требует соблюдения определенных правил, поскольку является, по сути, субсидированием национальных товаропроизводителей, использование которого строго регламентируется международными нормами в связи необходимостью недопущения нарушения конкуренции в международной торговле. В рамках ВТО действует Соглашение по субсидиям и компенсационным мерам (ССКМ). В Евразийском экономическом союзе вопросы субсидирования регулируются несколькими документами. Важнейшими из них являются: Договор о ЕАЭС от 29 мая 2014 года; Протокол о применении специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мер по отношению к третьим странам (Приложение № 8 к Договору о ЕАЭС); Протокол о единых правилах предоставления промышленных субсидий (приложение № 28 к Договору о ЕАЭС)¹; Соглашение о порядке добровольного согласования государствами - членами Евразийского экономического союза с Евразийской экономической комиссией специфических субсидий в отношении промышленных товаров и проведения Евразийской экономической комиссией разбирательств, связанных с предоставлением государствами – членами Евразийского экономического союза специфических субсидий от 26 мая 2017 года².

В законодательстве ВТО и ЕАЭС нет определения термина «субсидия». Согласно ССКМ субсидия существует, когда правительством или любым публичным органом оказывается финансовое содействие или существует любая форма поддержки доходов и цен в смысле статьи XVI ГАТТ 1994 и таким

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 40, ст. 5310.

² Там же. 2018. № 23, ст. 3230.

образом предоставляется преимущество. Исходя из содержания данной нормы, можно выделить признаки субсидии. Во-первых, должно быть оказано финансовое содействие или существовать любая форма поддержки доходов и цен. Во-вторых, содействие или поддержка должны быть оказаны правительством или любым публичным органом. При этом субсидия будет существовать не только в том случае, если будет прямой перевод денежных средств или принятие обязательств со стороны правительства, но и ряде других действий с его стороны. В частности, когда правительство поручит это сделать частному лицу, причем на условиях, которые фактически не отличаются от обычной практики правительств. В-третьих, в результате этого содействия должно возникнуть преимущество. Аналогичное понимание субсидии содержится и в нормах ЕАЭС.

Субсидирование национальных товаропроизводителей в целом не запрещено. Вместе с тем, в большинстве случаев к нему относятся отрицательно. В частности это касается финансовой поддержки экспортеров. Согласно ст.3 ССКМ запрещены субсидии, увязанные по закону или фактически в качестве единственного или одного из нескольких условий с результатами экспорта. Аналогичный запрет содержится в Протоколе о единых правилах предоставления промышленных субсидий ЕАЭС. При этом под увязыванием понимается, в том числе, наличие фактов, свидетельствующих о том, что предоставление субсидии, которое юридически не обусловлено результатами вывоза промышленного товара с территории субсидирующего государства-члена, в действительности связано с фактическим или ожидаемым экспортом (вывозом), или с экспортной выручкой (выручкой при вывозе). Законодательство ВТО и ЕАЭС запрещает экспортное кредитование с нарушением рыночных условий (сопоставимость по ставкам, срокам погашения, валюте кредита и т.д.), а также компенсация расходов, связанных с получением кредитов. Гарантия по кредиту будет рассматриваться как предоставление выгоды при наличии разницы между суммой, которую организация – получатель гарантии уплатила бы за коммерческий кредит без государственной гарантии и суммой, уплачиваемой за кредит, гарантированный субсидирующим органом. При этом выгодой признается разница между этими суммами с поправкой на разницу в комиссионных. Однако не считается запрещенной практика экспортного кредитования, отвечающая положениям о процентных ставках Договоренности по официальным экспортным кредитам Организации экономического сотрудничества и развития (далее ДООК ОЭСР). Несмотря на то, что Российская Федерация не является участником ОЭСР, соблюдение правил ДООК ОЭСР при кредитовании является необходимым требованием, поскольку снижает «риски того, что практика предоставления экспортных кредитов, государственных гарантий и страхового покрытия будет квалифици-

рована как «предоставление запрещенных экспортных субсидий», включая правовые риски инициирования торговых споров на площадке ВТО, касающиеся экспортного субсидирования»³. Договоренность содержит определенные требования к экспортному кредитованию, касающиеся размера поддержки, сроков предоставления кредитов, модели расчета рисков, размера минимального авансового платежа, максимального размера поддержки внутренних расходов и т.д. Установленные международными организациями пределы допустимости финансовых мер поддержки национальных производителей при экспорте товаров и услуг, требуют соблюдения их положений со стороны стран – участниц, в том числе Российской Федерации. В России субсидирование экспорта национальных товаропроизводителей довольно широко распространено. При этом не всегда соблюдаются запреты, установленные международными актами⁴. Одной из причин такого положения является отсутствие в национальном законодательстве РФ единого понимания термина «субсидия», а также тех критериев, с помощью которых можно определить государственную поддержку национальных товаропроизводителей в качестве запрещенной субсидии. Основной проблемой при предоставлении мер финансовой поддержки участникам внешнеэкономической деятельности является соблюдение критериев допустимости таких мер, установленных международным законодательством. Оценивая направления государственного стимулирования участников внешнеэкономической деятельности, следует признать, что в последние годы сделан определенный шаг в гармонизации национального законодательства с нормами международных организаций, регулирующими международное экономическое сотрудничество, в том числе приведения практики экспортного кредитования в соответствие с требованиями ВТО, ОЭСР и ЕАЭС. Такой шаг был связан, в частности, с реализацией нескольких национальных проектов в области внешнеэкономической деятельности, направленных на повышение конкурентоспособности российских производителей товаров, услуг и объектов интеллектуальной деятельности на внешнем рынке путем упрощения их доступа к финансовым инструментам. Одним из таких проектов является приоритетный проект «Системные меры развития международной кооперации и экспорта». В целях его реализации Правительство РФ разработало Правила предоставления из федерального бюджета субсидии акционерному обществу «Российский экспортный центр», г. Москва, на цели субсидирования процентных ставок по экспортным креди-

³ Родионов И. И. Смирнов А. П. Присоединение России к ДООК ОЭСР: за и против // Банковское дело. 2018. № 6. С. 29.

⁴ См.: Жиряева Е. В., Маслова А. А. Субсидии, направляемые на поддержку экспорта промышленных предприятий в регионах Российской Федерации: их характеристика и соответствие условиям ВТО // Управленческое консультирование. 2015. № 8. С. 76–84.

там и иным инструментам финансирования, аналогичным кредиту по экономической сути, предоставляемым коммерческими банками⁵. Для того, чтобы не нарушать прямые запреты на субсидирование процентных ставок, были предусмотрены компенсации выпадающих доходов коммерческим банкам, предлагающим ставки по кредитам, соответствующим требованиям ДОЭК ОЭСР. Однако не все банки получили возможность использовать компенсационные выплаты. Были установлены критерии отбора. Во-первых, банк должен иметь статус резидента РФ. Во-вторых, иметь определенный размер собственного капитала (не менее 20 млрд рублей). В-третьих, срок деятельности банка должен быть не менее 5 лет. В-четвертых, у банка должна отсутствовать просроченная задолженность перед бюджетом и перед Банком России. В-пятых, банк не должен иметь ограничений на осуществление банковской деятельности и не находиться в стадии реорганизации, ликвидации или банкротства. Источником выплат являются бюджетные ассигнования, ежегодно выделяемые АО «РЭЦ». На 2020 финансовый год предусмотрена сумма в размере 2 100 000 000,00 рублей. Компенсация процентной ставки выплачивается коммерческим банкам, включенным в реестр уполномоченных банков, а также заключившим кредитное соглашение и предоставившим кредит иностранным покупателям российской продукции (их банкам) и российским организациям, в том числе субъектам малого и среднего предпринимательства. Банк имеет право предоставить кредит не всем организациям, а только тем, чья продукция включена в специальный перечень. При этом сама кредитная сделка должна быть включена в перечень экспортных кредитов.

Другим национальным проектом, в рамках которого продолжена практика субсидирования экспорта, является проект «Международная кооперация и экспорт», в рамках которого действует Федеральный проект «Промышленный экспорт». Проект направлен на финансовую поддержку российских компаний, реализующих программы создания экспортоориентированных производств в России и за рубежом⁶. Российские компании, участвующие в Проекте, получили возможность финансирования таких производств путем получения кредитов коммерческих банков по низкой ставке на аренду производственных площадей, приобретение или долгосрочную аренду земельных участков под строительство, возведение производственных зданий и сооружений,

⁵ Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 26, ст. 3857.

⁶ О государственной поддержке организаций, реализующих корпоративные программы повышения конкурентоспособности, и внесении изменения в Правила предоставления из федерального бюджета субсидии в виде имущественного взноса Российской Федерации в государственную корпорацию «Банк развития и внешнеэкономической деятельности (Внешэкономбанк)» на возмещение части затрат, связанных с поддержкой производства высокотехнологичной продукции: постановление Правительства РФ от 23 фев. 2019 г. № 191 // Там же. 2019. № 9, ст. 847.

модернизацию и техническое перевооружение, на покупку или лизинг оборудования, на переподготовку персонала, на сертификацию на внешних рынках и т. д. При этом компенсация процентной ставки осуществляется не напрямую организации, получившей соответствующее финансирование, а путем компенсации выпадающих доходов банкам, предоставившим кредит. При такой системе финансирования реализуется довольно сложная схема осуществления государственной поддержки. Для того, чтобы получить кредит по низкой ставке, организация должна пройти квалификационный отбор. Она должна соответствовать определенным требованиям по продукции, а также правовому статусу и финансовому состоянию. Во-первых, организация должна производить продукцию, услуги или объекты интеллектуальной деятельности, соответствующие Перечню продукции господдержки⁷. Во-вторых, организация должна иметь заключение о подтверждении производства продукции либо представить письменное обязательство о получении такого заключения, а для производителей фармацевтической продукции должна быть получена лицензия на производство лекарственных средств. В-третьих, продукция должна экспортироваться (или подлежать экспорту) для последующего производства с ее использованием в рамках проекта по организации российского производства в иностранных государствах. В-четвертых, должен быть заключен специальный инвестиционный контракт. В-пятых, у организации не должно быть непогашенных налоговых и прочих обязательств перед бюджетом. В шестых, производитель федерального значения должен быть включен в перечень системообразующих предприятий, а производитель регионального значения зарегистрирован на территории субъекта РФ, но не включен в перечень системообразующих предприятий. В-седьмых, организация не должна быть иностранным юридическим лицом, а также российским юридическим лицом, в уставном (складочном) капитале которого доля участия иностранных юридических лиц, местом регистрации которых является государство или территория, включенные в утвержденный Минфином России перечень государств и территорий, предоставляющих льготный налоговый режим налогообложения и (или) не предусматривающих раскрытия и предоставления информации при проведении финансовых операций (офшорные зоны) в отношении таких юридических лиц, в совокупности превышает 50 %. В-восьмых, организация в течение 3 последних лет до участия в квалификационном отборе не должна находиться в процессе ликвидации или банкрот-

⁷ Об утверждении перечня продукции для целей реализации государственной поддержки организаций, реализующих корпоративные программы повышения конкурентоспособности: приказ Минпромторга РФ от 29 марта 2019 г. № 1021 (Зарегистрировано в Минюсте РФ 19 апр. 2019 г. № 54454). [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ства. Организация, соответствующая указанным требованиям и прошедшая квалификационный отбор имеет возможность получить инвестиционное финансирование под низкую процентную ставку для организации российских производств в иностранных государствах, а также для организации экспортноориентированных производств на территории Российской Федерации. Кроме инвестиционного финансирования российские и иностранные организации могут получить доступ к иным инструментам финансирования, позволяющим, в частности, иностранным компаниям и банкам финансировать приобретение у российских организаций товаров, услуг и объектов интеллектуальной собственности, поставляемых в рамках программы повышения конкурентоспособности.

Существующая система экспортного субсидирования национальных товаропроизводителей, участвующих в проектах повышения конкурентоспособности, на первый взгляд, не нарушаются требования международного законодательства по экспортным субсидиям, поскольку кредит по низкой ставке предоставляет не правительство или публичный орган, а частный банк. Вместе с тем, установленные требования к предоставлению субсидий вызывают определенные сомнения относительно соблюдения требований экспортного кредитования, установленных, в частности, ДООК. Как уже было сказано выше, национальные товаропроизводители получают финансовую поддержку при реализации программ повышения конкурентоспособности за счет применения банками низкой процентной ставки по кредитам. Такой подход исключает, с одной стороны, возможность сделать вывод об использовании государством запрещенного субсидирования экспортеров, поскольку компенсируются выпадающие доходы коммерческих банков. С другой стороны, использование правительством прямых указаний банкам по ставкам кредитов, а также отсутствие в большинстве случаев предусмотренных ДООК требований об обязательном авансовом платеже и предельном размере финансирования может быть расценено как запрещенное субсидирование. В этой связи, несмотря на существенные изменения законодательства в плане соответствия государственной поддержки экспортеров международным требованиям, еще остаются проблемы их практического применения. Кроме того, нормативные критерии отбора организаций для предоставления инвестиционных кредитов не создают конкурентную среду для субъектов малого и среднего бизнеса для организации экспортоориентированного производства в России и/или за рубежом. Несмотря на то, что малый и средний бизнес включен в перечень субъектов, получивших право на получение льготных кредитов, банки не стремятся предоставлять им кредиты по низкой ставке. Как показывает практика экспортного кредитования в Российской Федерации, субъ-

екты МСП не получают соответствующей государственной финансовой поддержки на федеральном уровне⁸. Вместе с тем, мировой опыт свидетельствует об обратной тенденции⁹. Именно субъекты МСП не только нуждаются в поддержке со стороны государства в большей степени, чем крупный бизнес, но и являются основой инновационного бизнеса, имеющего высокий экспортный потенциал.

Библиографический список

Ефимова Н. А. К вопросу о развитии государственной поддержки экспорта в России с учетом международных стандартов // Вопросы экономики и права. 2015. № 12.

Жиряева Е. В., Маслова А. А. Субсидии, направляемые на поддержку экспорта промышленных предприятий в регионах Российской Федерации: их характеристика и соответствие условиям ВТО // Управленческое консультирование. 2015. № 8.

Карпов В. В., Снежанская Н. Н., Хаиров Б. Г. Проблемы и перспективы применения договоренности по официальным экспортным кредитам ОЭСР в развитии экспортного кредитования России // Фундаментальные исследования. 2018. № 11–2.

Родионов И.И. Смирнов А.П. Присоединение России к ДОЭК ОЭСР: за и против // Банковское дело. 2018. № 6.

Информация для цитирования

Ex jure

Губарева А. В., Щекочихина Е. П. Правовые основы государственной финансовой поддержки участников внешнеэкономической деятельности // Ex jure. 2021. № 1. С. 79–87. DOI: 10.17072/2619-0648-2021-1-79-87.

Gubareva A. V., Schekhochikhina H. P. Legal Basis of State Financial Support to Participants in Foreign Economic Activity. *Ex jure*. 2021. № 1. Pp. 79–87. (In Russ.). DOI: 10.17072/2619-0648-2021-1-79-87.

⁸ *Карпов В. В., Снежанская Н. Н., Хаиров Б. Г.* Проблемы и перспективы применения договоренности по официальным экспортным кредитам оэср в развитии экспортного кредитования России // Фундаментальные исследования. 2018. № 11–2. С. 239–244.

⁹ *Ефимова Н. А.* К вопросу о развитии государственной поддержки экспорта в России с учетом международных стандартов // Вопросы экономики и права. 2015. № 12. С. 34.

УДК 347

DOI: 10.17072/2619-0648-2021-1-88-99

ЗНАЧЕНИЕ ДЕТЕРМИНАЦИИ В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ НА ПРИМЕРЕ АКТИВНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

А. Г. Демиева

Кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского права,

Казанский (Приволжский) федеральный университет
420008, Россия, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18

E-mail: ainuraa@bk.ru

Аннотация: статья посвящена значению детерминации в цивилистическом исследовании на примере активной экономической деятельности. В процессе познания и определения термина «активная экономическая деятельность» автор исходит из детерминации, как учения, признающего существование универсальной взаимосвязи и позволяющую выявить отличительные признаки исследуемого явления. В условиях отсутствия нормативного закрепления понятия «активная экономическая деятельность» для регулирования новых форм экономической деятельности законодатель использует наиболее близкий правовой режим (предпринимательской деятельности) или применяет аналогию, либо откладывает разрешение проблем на будущее. Данное обстоятельство приводит к возникновению пробелов в гражданско-правовом регулировании, к противоречивой правоприменительной практике и негативным явлениям в экономике. Детерминация активной экономической деятельности невозможна без исследования ее во взаимосвязи со сложившейся в доктрине и праве категорией «предпринимательская деятельность». Проведя анализ признаков предпринимательской деятельности, автор приходит к выводу, что они близки с основными чертами активной

© Демиева А. Г., 2021

экономической деятельности, но полностью не совпадают, поэтому, кроме основного вида активной экономической деятельности (предпринимательская деятельность) следует детерминировать иную доходную деятельность.

Ключевые слова: детерминация; метод; экономическая деятельность; активная экономическая деятельность; предпринимательская деятельность

THE VALUE OF DETERMINATION IN CIVIL LAW RESEARCH ON THE EXAMPLE OF ACTIVE ECONOMIC ACTIVITY

A. G. Demieva

Kazan Federal University

18, Kremlyovskaya st., Kazan, Russia, 420008

E-mail: ainuraa@bk.ru

Abstract: *the article is devoted to the importance of determination in civil law research on the example of active economic activity. In the process of defining the "active economic activity" term author proceeds from determination as a doctrine that recognizes the existence of a universal interdependence and allows to identify the distinctive features of the phenomenon under study. Due to the absence of normative statutorization of the "active economic activity" concept, the legislator uses the closest legal regime (of entrepreneurial activity), applies an analogy or postpones the resolution of problems for the future. This circumstance leads to the formation of gaps in civil law regulation, as well as to contradictory law enforcement practice and negative phenomena in the economy. Determination of active economic activity is impossible without researching it in conjunction with the existing legal category of "entrepreneurial activity". Analyzing the distinguishing features of entrepreneurial activity, the author comes to the conclusion that they are close to the main signs of active economic activity, but do not completely coincide. Therefore, in addition to the main type of active economic activity (entrepreneurial activity), another profitable activity should be determined.*

Keywords: *determination, method, economic activity, active economic activity, entrepreneurial activity*

Термин «экономическая деятельность», как оценочная категория, довольно часто используется в законодательстве и юридической доктрине, при этом имеет различное толкование и до настоящего времени не обладает нормативным определением, что значительно влияет на аргументированность и эффективность актов правоприменения, а также вызывает затруднения при реализации участниками гражданского оборота своей правосубъектности.

Сложность определения дефиниции экономической деятельности отчасти состоит в том, что этот термин имеет отношение к проблемам различных сфер жизни общества, поскольку является одним из ключевых понятий, напрямую связанных с рынком (товарно-денежными отношениями), а также политикой, социологией, юриспруденцией и т.п.

Исследуемое устойчивое словосочетание не является ни фразеологизмом¹, ни идиоматическим выражением². Мы обратили внимание, что на смысл слов «экономическая деятельность» влияют самые различные области его правоприменения. Такое разнообразие контекстуальных значений, к примеру, проявляется в сферах оказания услуг, выполнения работ, поставки товаров, изготовления продукции и т.п. При этом диапазон использования понятия «экономическая деятельность» так широк, что по сути его применение допускается в любой ситуации, которая требует отражения некоего абстрактного значения «потребность в благе».

Итак, будет целесообразным рассмотреть явление, значение которого еще не сформировалось в науке права, во взаимосвязи с окружающей действительностью. Следующим шагом станет изучение данной категории с позиции целей правоприменения, в том случае, когда прочие аспекты не будут браться исследователем во внимание. В правоведении имеются подобные разработки: так экономическая деятельность рассматривается, в том числе, и с точки зрения общеэкономических, социальных и иных аспектов³. Следовательно, определение активной экономической деятельности и ее сущностных характеристик, а также разновидностей способствует формированию гражданско-правового сознания, связей с существующими в правоведении категориями, и в итоге – созданию правовой регламентации.

С целью более глубокого изучения сущности экономической деятельности целесообразен взгляд на это явление сквозь призму детерминизма. На наш взгляд, детерминистский подход к анализу объективных явлений действительности позволяет учитывать универсальную взаимосвязь всех ее элементов. В современной методологии вопросы детерминизма и причинности, как верно отмечает В. И. Белов, не являются лишь теоретической проблемой⁴. Так, Я. Ф. Аскин и Б. М. Кедров сходятся во мнении, что под детерминизмом следует понимать учение, в основе которого лежит универсальная взаимосвязь явлений и вещей, отрицающая их существование вне этой универсальной взаимосвязи⁵.

¹ Устойчивое выражение с самостоятельным значением.

²оборот речи, значение которого не определяется отдельными значениями входящих в него слов.

³ См.: *Карпатов А. Г.* Экономический анализ права. М.: Статут, 2016. 528 с.; *Гаджиев Г. А.* Экономическая Конституция. Конституционные гарантии свободы предпринимательской (экономической) деятельности: Проблемы реализации конституции // Конституционный вестник: Проблемы реализации конституции. 2008. № 1(19). С. 249–263.

⁴ *Белов В. И.* К вопросу о соотношении детерминизма и детерминации. URL: <http://www.wins-stein.org/publ/11-1-0-1422>.

⁵ См.: *Кедров Б. М.* Научная концепция детерминизма // Современный детерминизм. Законы природы. М.: Мысль, 1973. С. 8; *Аскин Я. Ф.* Философский детерминизм и научное познание.

Мы согласны с тем, что ни одна сфера научного знания не способна обойтись без использования категории детерминации. В свою очередь Г. Е. Глезерман полагает, что именно принцип детерминизма устанавливает одну из главных целей науки, в части выявления таких факторов, которые определяют возникновение явлений. Вследствие этого автор делает вывод о существенной необходимости использования детерминистического принципа в науке⁶.

Применительно к определению сущности активной экономической деятельности, мы исходим из того, что детерминация этого явления невозможна без изучения ее во взаимосвязи со сложившейся в науке и праве категорией «предпринимательская деятельность».

Как известно, понятие предпринимательской деятельности содержится в нормах Гражданского кодекса РФ и более-менее обеспечено правовой регламентацией, однако легальное определение экономической деятельности отсутствует в принципе, что, несомненно, порождает проблемы ее правовой детерминации. Это связано с тем, что законодатель, на наш взгляд, использует в различных нормативных актах термины «экономическая деятельность» и «предпринимательская деятельность» в равном значении.

По этому поводу В. В. Долинская обоснованно утверждает, поскольку «нет четких характеристик иной экономической деятельности это приводит к проблемам и ее разграничения со смежными понятиями и классификации. При этом ученый предлагает учитывать: степень самостоятельности, характер инвестируемого ресурса; риск, а также характер результата и присваивающий его субъект, и, возможно, иные критерии»⁷.

Сам термин «экономическая деятельность» встречается в большом числе нормативно-правовых актов Российской Федерации⁸, как частного, так и публичного права. Следовательно, в этой категории выражены межотраслевые связи⁹ гражданского, налогового, административного права и ряда

М.: Мысль, 1977. С. 33. В литературе детерминизм порой рассматривают как «универсальную закономерную связь всех вещей и явлений мира». (См.: Современный детерминизм. Законы природы. М.: Мысль, 1973. С. 7.)

⁶ Глезерман Г. Е. Законы общественного развития: их характер и использование. М.: Политиздат, 1979. С. 50.

⁷ Долинская В. В. Экономическая деятельность и ее виды // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 3. С. 3–15.

⁸ См., например: ст. 8, ст. 34 Конституции РФ; ст. 19 ГК РФ; п. 4 ст. 3 НК РФ; ст. 1, ст. 27 АПК РФ; ст. 14.32 КоАП РФ; гл. 22 УК РФ; гл. 3 Федерального закона от 17 июля 1999 г. № 176-ФЗ «О почтовой связи»; гл. 13 Федерального закона от 29 дек. 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»; ст. 4, ч. 5 ст. 11 Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции»; Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая): Федер. закон от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 31. Ст. 3824; Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // Там же. 2002. № 30, ст. 3012; Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федер. закон от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ // Там же. 2002. № 1 (часть 1), ст. 1.

⁹ О межотраслевых связях гражданского права см. подробнее: Чельшев М. Ю. Система межотраслевых связей гражданского права: цивилистическое исследование: дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 2009.

процессуальных отраслей права. Кроме того, раскрытие сути экономической деятельности не представляется возможным без обращения к соответствующим отраслям экономики, что подтверждает ее междисциплинарное значение.

В свое время попытки дать характеристику экономической деятельности предпринимались различными ведомствами. Так в п. 8 Основных методологических положений по оценке скрытой (неформальной) экономики (утв. Постановлением Госкомстата РФ от 31 января 1998 г. №7), экономической признается деятельность «с целью получения экономической выгоды от производства товаров или услуг и их последующей реализации на рынке, конечного потребления или валового накопления в собственном домашнем хозяйстве, за исключением производства бытовых услуг, потребляемых в собственном домашнем хозяйстве, если они не оказываются оплачиваемой прислужкой»¹⁰.

Термин «экономическая деятельность» нередко упоминается и в судебной практике¹¹, однако суды неохотно раскрывают его сущность. Любопытно отметить, что в одном из своих постановлений Второй арбитражный апелляционный суд указал на тот факт, что «действующий Арбитражный процессуальный кодекс не дает понятия экономического или предпринимательского спора, равно как и экономической деятельности. Отсутствие таких понятий затрудняет определение подведомственности, поскольку любая деятельность

¹⁰ Основные методологические положения по оценке скрытой (неформальной) экономики, утв. Постановлением Госкомстата РФ от 31 янв. 1998 г. № 7. Приказ Росстандарта от 31.01.2014 № 14-ст «О принятии и введении в действие Общероссийского классификатора видов экономической деятельности (ОКВЭД2) ОК 029-2014 (КДЕС Ред. 2) и Общероссийского классификатора продукции по видам экономической деятельности (ОКПД2) ОК 034-2014 (КПЕС 2008)» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Приказ Росстандарта от 31 янв. 2014 г. №14-ст «О принятии и введении в действие Общероссийского классификатора видов экономической деятельности (ОКВЭД2) ОК 029-2014 (КДЕС Ред. 2) и Общероссийского классификатора продукции по видам экономической деятельности (ОКПД2) ОК 034-2014 (КПЕС 2008)». [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Общероссийский классификатор видов экономической деятельности. ОК 029-2014 (КДЕС Ред. 2). Russian Classification of Economic Activities (утв. Приказом Росстандарта от 31 января 2014 г. №14-ст).

¹¹ См., например: О ходе выполнения судами Российской Федерации постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2016 года № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 3 окт. 2017 г. № 33 // Российская газета. 2017. № 232; Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам о защите прав потребителей, связанным с реализацией товаров и услуг (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 17.10.2018) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 5; Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 6 июля 2018 г. №Ф06-34038/2018 по делу №А12-34169/2017. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (База данных «Судебная практика»); Постановление Арбитражного суда Московского округа от 15 марта 2019 г. №Ф05-1285/2019 по делу №А40-241282/2017. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

субъектов гражданского оборота имеет экономическую основу. При этом понятие «иная экономическая деятельность» не имеет точного определения и носит субъективный, оценочный характер»¹². При этом можно встретить и довольно смелые позиции судов. К примеру, Шестнадцатый арбитражный апелляционный суд определил экономическую деятельность как «совокупность действий, приводящих к получению определенного перечня продукции»¹³.

Интерес представляет трактовка экономической деятельности, содержащаяся в апелляционном определении Псковского областного суда: «Экономическая деятельность представляет собой деятельность по производству товаров, их продаже или по оказанию услуг для удовлетворения потребностей других лиц. Деятельность, направленная на непосредственное удовлетворение собственных потребностей лица, к предпринимательской или иной экономической деятельности не относится»¹⁴.

Приведенные характеристики экономической деятельности (пусть и не совсем удачные) дают наиболее общее представление о ней. Но определенную ясность внес Верховный Суд РФ, отметив следующее: «Экономической деятельностью принято считать взаимосвязанную совокупность процессов (в число которых входит и предпринимательская деятельность), возникающих в результате указанной выше деятельности общества, целью которой является получение максимального положительного результата при потреблении ресурсов и благ при одновременном стремлении минимизировать влияние факторов, которые могут оказать негативный эффект»¹⁵.

В юридической и экономической литературе также встречаются различные дефиниции экономической деятельности. Так отдельные авторы рассматривают экономическую деятельность как «процесс достижения эффективности на стадиях производства, распределения, обмена и потребления материальных и нематериальных благ (ценностей, ресурсов)»¹⁶.

¹² Постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 10 марта 2016 г. №02АП-1410/2016 по делу №А82-14451/2015. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹³ Постановление Шестого арбитражного апелляционного суда от 27 марта 2018 г. №06АП-1208/2018 по делу №А73-20135/2017. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁴ Апелляционное определение Псковского областного суда от 23 дек. 2014 г. по делу №33-1979/2014. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (См. также: Апелляционное определение Псковского областного суда от 21 янв. 2014 г. по делу №33-2188/13); См. также Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 27 сен. 2006 г. №А56-57150/2005. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁵ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 16 сен. 2020 г. №305-ЭС20-4513 по делу №А40-240512/2018. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁶ См.: *Ершов В. В., Ашмарина Е. М., Корнев В. Н.* Экономическое право и экономическая теория // Государство и право. 2015. № 1. С. 68.

С точки зрения Е. П. Губина и П. Г. Лахно, экономическая деятельность направлена на удовлетворении потребностей человека и «представляет собой процесс воспроизводства материальных и духовных богатств, включающий производство, распределение, обмен и потребление»¹⁷.

При анализе природы экономической деятельности С. В. Белых раскрывает ее через «хозяйственную активность индивидов (объединений) по производству, распределению, перераспределению и потреблению материальных благ в рамках товарно-денежного обмена»¹⁸. По мнению И. В. Ершовой, «экономическая деятельность» является обобщающим понятием¹⁹ и определяется как «воспроизводственная деятельность, объединяющая такие стадии, как производство, распределение, обмен, потребление»²⁰. Мы солидарны с позицией О. М. Олейник, весьма убедительно доказывающей, что «экономическая деятельность, как вид экономической активности человека, является способом получения финансовых средств, для обеспечения жизнедеятельности». Однако, на наш взгляд, подход к сущности обозначенной деятельности несколько шире.

Если подытожить все известные высказывания об исследуемой деятельности и дать им соответствующую правовую оценку, то, на наш взгляд, экономическая деятельность – это любая осознанная деятельность, направленная на получение значимого положительного эффекта (результата) в процессе преобразования материального мира.

Анализ законодательства, практики его применения и доктрины позволяет сделать вывод о том, что понятие «экономическая деятельность» отражает совершение актов воздействия на окружающий мир, взаимодействия с другими субъектам, направленных на удовлетворение потребностей действующего субъекта в результате получения того или иного положительного эффекта. Экономическая деятельность – это осознанная волевая деятельность, результатом которой является создание или приобретение блага. Она может осуществляться и вне контактов (транзакций) с другими членами общества (например: натуральное хозяйство, «иная экономическая деятельность») для удовлетворения собственных хозяйственных нужд без вступления во взаимоотношения с другими лицами и, тем самым, не требует правового регулирования. Вместе с тем в большинстве случаев такая результативная деятельность осуществляется в активной форме и предполагает двустороннее (многостороннее) взаимодействие на основе тех или иных сделок (соглашений, договоров), что вызывает соответствующие общественные отно-

¹⁷ См.: Предпринимательское право Российской Федерации: учебник (3-е изд., перераб. и доп.) / отв. ред. Е.П. Губин, П. Г. Лахно. М.: «НОРМА», «ИНФРА-М», 2017.

¹⁸ См.: Белых С. В. Экономическая деятельность как конституционно-правовая категория: понятие, признаки // Бизнес, менеджмент и право. 2006. № 3. С. 45.

¹⁹ См.: Ершова И. В. Экономическая деятельность: понятие и соотношение со смежными категориями // Теоретические проблемы отраслей права. 2016. № 9 (118) сентябрь. С. 46–61.

²⁰ См.: Современное предпринимательское право / отв. ред. И. В. Ершова. М.: Проспект, 2014. С. 78–79.

шения и позволяет распространить на нее нормы права²¹. Требуемый эффект в данном случае возникает лишь в итоге встречных действий контрагента.

Стоит отметить, что на сегодняшний день наиболее проработанным в нормативном плане формой активной экономической деятельности является предпринимательская деятельность.

В соответствии со статьей 2 ГК РФ признаками предпринимательской деятельности являются:

- самостоятельный характер;
- осуществление на свой риск;
- направленность на систематическое получение прибыли.

По мнению И. В. Бакаевой, не является предпринимательской деятельностью граждан, не отвечающая указанным характеристикам, и соответственно причисляется к иной экономической деятельности²². При этом к реально работающим сущностным видовым отличиям предпринимательской деятельности С. Г. Воронцов относит цель деятельности (прибыль) и способы ее достижения²³.

Поскольку определение предпринимательской деятельности наиболее нормативно проработано, детерминацию активной экономической деятельности целесообразно провести через признаки первой. На наш взгляд, перечисленные признаки предпринимательской деятельности вполне отражают смысл направленности указанной деятельности, но вместе с тем большинство из них присуще «иной доходной деятельности».

Во-первых, самостоятельность²⁴. Активная экономическая деятельность также характеризуется тем, что осуществляется субъектом самостоятельно. Данный признак основан на принципе свободы экономической деятельности, а также в единстве экономического пространства и конкуренции (п. 1 ст. 8, п. 1 ст. 34 Конституции Российской Федерации). Иными словами, активной экономической деятельности, как разновидности экономической деятельности, гарантирована свобода, субъект активной экономической деятельности принимает решения самостоятельно, действует от собственного имени и в собственных интересах.

²¹ См.: Демиева А. Г. Гражданский кодекс как основа активной экономической деятельности // *Ex iure*. 2020. № 2. С. 43–52.

²² См.: Бакаева И. В. Предпринимательская деятельность граждан как разновидность экономической деятельности: цивилистическая доктрина и законодательство // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2018. № 3. С. 15–21.

²³ Воронцов С. Г. Признаки предпринимательской деятельности проблемы терминологической определенности // *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. 2016. Вып 34. С. 411.

²⁴ Интерес представляет рассуждения А. Н. Левушкина, который рассматривает семейное предпринимательство как вид активной экономической деятельности, исходной чертой которого является самостоятельный характер с опорой на семью. С его точки зрения, «самостоятельность определяется как возможность осуществления той или иной деятельности независимо от других, свободно, своей властью и в своем интересе. Предпосылкой самостоятельного характера предпринимательства является организационно-правовое и имущественное обособление субъектов, осуществляющих эту деятельность в рамках семьи на основе семейно-правовых связей» (см.: Левушкин А. Н. Научное наследие и значение трудов А.М. Нечаевой для развития науки семейного права // *Семейное и жилищное право*. 2018. № 5. С. 15–18).

Во-вторых, риск. Любая активная экономическая деятельность осуществляется на свой риск. Риск активной экономической деятельности представляет собой вероятность неполучения запланированного или ожидаемого положительного результата, равно как возможность получения отрицательных последствий тех или иных действий, в чем бы они ни состояли. Принято считать, что для предпринимательской деятельности, как разновидности активной экономической деятельности, присущи следующие виды рисков: валютные, кредитные, технические, моральные и иные. Вместе с тем, как верно подмечают А. Г. Карапетов и А. А. Павлов, характеризующий предпринимательскую деятельность рисковый характер мало информативен, как критерий, так как вряд ли существуют виды деятельности, направленные на доход и не сопряженные с какими-либо рисками²⁵.

В-третьих, основной целью активной экономической деятельности является решение определенной жизненной проблемы (потребности в чем-то, интереса, получение блага). Основным направлением предпринимательской деятельности является систематическое получение прибыли. Изложив в Гражданском кодексе К РФ данную особенность анализируемой деятельности, законодатель не определил, что понимается под «прибылью» и ее отсутствие не означает, что деятельность не является предпринимательской²⁶.

Французский экономист Ж.-Б. Сэй сделал главный акцент на различиях дохода на капитал и предпринимательского дохода: «Антрепренер перебрасывает экономические ресурсы из сферы малой продуктивности в сферу большой продуктивности и пожинает плоды»²⁷. Доходы предпринимателя, по определению Ж.-Б. Сэя, представляют собой «вознаграждение за его промышленные способности, за его таланты, деятельность, дух порядка и руководство»²⁸.

На наш взгляд, активной экономической деятельностью является любая экономическая деятельность, от занятия которой субъект получает доход (это может быть и деятельность некоммерческих организаций, и адвокатская деятельность, и деятельность нотариусов, и репетиторство, и платные лекции преподавателя вуза, и написание сценариев и т. п.).

Таким образом, понятие «экономическая деятельность», с достаточным уровнем определенности и репрезентативности, отражает совершение таких актов воздействия на окружающий мир и взаимодействия с другими субъектами, которые направлены на получение определенного положительного эффекта и, тем самым, удовлетворения потребностей действующего субъекта.

²⁵ Основные положения гражданского права: постатейный комментарий к статьям 1–16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 1.0] / А. В. Асосков, В. В. Байбак, Р. С. Бевзенко [и др.]; отв. ред. А. Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2020. С. 302.

²⁶ П. 13 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 окт. 2006 г. № 18 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Особенной части Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2006. № 12.

²⁷ Трактат по политической экономии / Жан-Батист Сэй. Экономические софизмы; Экономические гармонии / Фредерик Бастия; [Вступ. ст. и коммент. сост. М. К. Бункиной и А. М. Семенова]. М.: Акад. нар. хоз-ва при Правительстве Рос. Федерации: Дело, 2000. С. 51.

²⁸ Там же. С. 27–29, С. 36, С. 39–42, С. 58.

В-четвертых, предпринимательская деятельность проявляется в таких формах, как: пользование имуществом, продажа товаров, выполнение работ или оказание услуг и т.д. Данный признак призван раскрыть содержание той или иной активной экономической деятельности.

Перечисленные формы присущи не только предпринимательской, но и иной активной экономической деятельности. Так, Федеральный закон от 26 июля 2006 г. №135-ФЗ «О защите конкуренции»²⁹ определяет товар как объект гражданских прав (в том числе работа, услуга, включая финансовую услугу), предназначенный для продажи, обмена или иного введения в оборот. Следовательно, не может являться правонарушением пользование имуществом, продажа товаров, выполнение работ или оказание услуг с целью удовлетворения личных надобностей без государственной регистрации в качестве хозяйствующего субъекта.

Некоторые граждане-собственники, не зарегистрированные в качестве индивидуального предпринимателя, зачастую сдают имущество в аренду (внаем). В этой связи Верховный Суд РФ дал разъяснение, что «в связи с отсутствием необходимости в использовании имущества временно собственник сдает его в аренду или внаем и получает доход, независимо от размера, содеянное им не влечет уголовной ответственности за незаконное предпринимательство, несмотря на отсутствие регистрации в качестве индивидуального предпринимателя»³⁰.

Одним из основных нерешенных на законодательном уровне вопросов, касающихся отношений с субъектами активной экономической деятельности, на наш взгляд, является вопрос о четком понимании и представлении о том, кто и кем является. Иными словами, лицо, осуществляющее активную экономическую деятельность должно быть открыто и понятно любому контрагенту, с которым оно вступает в правоотношения. Физическое или юридическое лицо, желающее заключить договор, например, с самозанятым, должно иметь возможность получить публично достоверные сведения (публичная достоверность) о государственной регистрации самозанятого (реестр самозанятых), о его возможности обеспечения своей ответственности перед контрагентом, назовем это «охранной величиной обеспечения», «обеспечительным капиталом» или «материальной основой» по аналогии с уставным капиталом и т. д. На наш взгляд, «обеспечительный капитал», уставный капитал или фонд должен иметь любой субъект активной экономической деятельности. Кроме того, величина такой материальной основы имеет существенное значение для устойчивости оборота. Фундамент этой материальной основы заложен в пункте 1 статьи 2 ГК РФ, закрепляющей имущественную самостоятельность участников гражданского оборота, что в полной мере относится к субъектам активной экономической деятельности.

²⁹ О защите конкуренции: Федер. закон от 26 июля 2006 г. №135-ФЗ // Собр. Законодательства Рос. Федерации. 2006. № 31 (ч. I), ст. 3434.

³⁰ О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18 нояб. 2004 г. № 23 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 1.

Таким образом, правовыми признаками осуществления активной экономической деятельности с достаточным уровнем определенности уместно считать: а) участие в двусторонних, взаимообязывающих актах взаимодействия (оборота); б) наличие контролируемых государством учетно-регистрационных процедур; в) самостоятельность в принятии определяющих решений; г) имущественная автономность; д) нормативно-правовое регулирование риска несения отрицательных последствий или их распределения; е) установление специальной правовой номинации действующего лица (его правового статуса); ж) получение положительного эффекта (оплаты за работы и услуги, платы за товар, заработной платы, гонорара, иного вознаграждения или благоприобретения в той или иной форме).

Отмеченные признаки весьма близки характерным чертам предпринимательской деятельности, названным в статье 2 Гражданского кодекса РФ, что лишь подтверждает принципиальное их единство, позволяющее отнести предпринимательскую деятельность к одному из видов активной экономической деятельности. Виды активной экономической деятельности, не являющиеся предпринимательской, могут быть объединены под названием «иная доходная деятельность».

Таким образом, широко используемые в российском законодательстве понятия «экономическая деятельность», а также «активная экономическая деятельность» отражают объективные явления и, несомненно, требуют правовой детерминации указанного выражения в правовой среде в контексте действующей правовой системы и с учетом уже сформированных правовых категорий. В настоящее время остается проблема отбора критериев, по которым та или иная форма деятельности может быть выделена и получит нормативное закрепление в качестве самостоятельного вида экономической деятельности.

Библиографический список

Аскин Я. Ф. Философский детерминизм и научное познание. М.: Мысль, 1977.

Бакаева И. В. Предпринимательская деятельность граждан как разновидность экономической деятельности: цивилистическая доктрина и законодательство // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 3.

Белов В. И. К вопросу о соотношении детерминизма и детерминации // URL: <http://www.winstein.org/publ/11-1-0-1422>.

Белых С. В. Экономическая деятельность как конституционно-правовая категория: понятие, признаки // Бизнес, менеджмент и право. 2006. № 3.

Воронцов С. Г. Признаки предпринимательской деятельности проблемы терминологической определенности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2016. Вып 34.

Гаджиев Г. А. Экономическая Конституция. Конституционные гарантии свободы предпринимательской (экономической) деятельности: Пробле-

мы реализации конституции // Конституционный вестник: Проблемы реализации конституции. 2008. № 1(19).

Глезерман Г. Е. Законы общественного развития: их характер и использование. М.: Политиздат, 1979.

Демиева А. Г. Гражданский кодекс как основа активной экономической деятельности // *Ex jure*. 2020. № 2.

Долинская В. В. Экономическая деятельность и ее виды // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 3.

Ершов В. В., Ашмарина Е. М., Корнев В. Н. Экономическое право и экономическая теория // Государство и право. 2015. № 1.

Ершова И. В. Экономическая деятельность: понятие и соотношение со смежными категориями // Теоретические проблемы отраслей права. 2016. № 9 (118).

Карапетов А. Г. Экономический анализ права. М.: Статут, 2016.

Кедров Б. М. Научная концепция детерминизма // Современный детерминизм. Законы природы. М.: Мысль, 1973.

Левушкин А. Н. Научное наследие и значение трудов А. М. Нечаевой для развития науки семейного права // Семейное и жилищное право. 2018. № 5.

Основные положения гражданского права: постатейный комментарий к статьям 1–16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 1.0] / отв. ред. А. Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2020.

Предпринимательское право Российской Федерации: учебник / отв. ред. Е. П. Губин, П. Г. Лахно. М.: «НОРМА», «ИНФРА-М», 2017.

Современное предпринимательское право / отв. ред. И. В. Ершова. М.: Проспект, 2014.

Трактат по политической экономии / Жан-Батист Сэй. Экономические софизмы; Экономические гармонии / Фредерик Бастиа; [Вступ. ст. и коммент. сост. М. К. Бункиной и А. М. Семенова]. М.: Акад. нар. хоз-ва при Правительстве Рос. Федерации: Дело, 2000.

Чельшев М. Ю. Система межотраслевых связей гражданского права: цивилистическое исследование: дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 2009.

Ex jure

Информация для цитирования

Демиева А. Г. Значение детерминации в цивилистическом исследовании на примере активной экономической деятельности // *Ex jure*. 2021. № 1. С. 88–99. DOI: 10.17072/2619-0648-2021-1-88-99.

Demieva A. G. The Value of Determination in Civil Law Research on the Example of Active Economic Activity. *Ex jure*. 2021. № 1. Pp. 88–99. (In Russ.). DOI: 10.17072/2619-0648-2021-1-88-99.

УДК 346.51

DOI: 10.17072/2619-0648-2021-1-100-113

**АНАЛИЗ ПЕРМСКОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ НОРМАТИВНОЙ
ПЛАТФОРМЫ ИНСТРУМЕНТОВ ПОДДЕРЖКИ СУБЪЕКТОВ
МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В УСЛОВИЯХ
ПАНДЕМИИ НОВОЙ КОРОНАВИРУСНОЙ ИНФЕКЦИИ (COVID-19)**

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Пермского края в рамках научного проекта № 19-411-590001 р_а «Цифровизация региональной нормативной платформы инструментов развития субъектов малого и среднего предпринимательства в Пермском крае с целью завоевания им статуса инвестиционно привлекательного региона»

А. В. Захаркина

Кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского права

Пермский государственный
национальный исследовательский университет
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

E-mail: AnnaVladimirovna2009@yandex.ru

О. А. Кузнецова

Доктор юридических наук,
профессор кафедры предпринимательского права,
гражданского и арбитражного процесса

Пермский государственный
национальный исследовательский университет
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин

Пермский институт ФСИН России
614012, Россия, г. Пермь, ул. Карпинского, 125

E-mail: kuznetsova_psu@mail.ru

© Захаркина А. В., Кузнецова О. А., 2021

Аннотация: статья посвящена научно-практическому анализу пермских региональных мер поддержки субъектов МСП в условиях распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19). В статье дается краткий обзор «пострадавших» от COVID-19 отраслей экономики, перечисляются федеральные и региональные меры поддержки субъектов МСП, анализируются нормативно-правовые акты Пермского края в обозначенной сфере, дается их оценка. Сделан вывод о неэффективности ряда региональных норм и необходимости поиска новых механизмов поддержки субъектов МСП. В конце исследования приводится американская модель поддержки субъектов МСП в условиях распространения новой коронавирусной инфекции.

Ключевые слова: субъекты малого и среднего предпринимательства; меры поддержки; электронный бизнес; цифровая экономика Пермского края; региональная нормативная платформа.

ANALYSIS OF THE PERM REGIONAL REGULATORY PLATFORM FOR SUPPORTING SMALL AND MEDIUM-SIZED BUSINESSES IN THE CONTEXT OF THE NEW CORONAVIRUS PANDEMIC (COVID-19)

The study was performed under financial support of RFBR and Perm region within the framework of scientific project No. 19-411-590001 RA “The Digitalization of Regional Regulatory Platform Tools for the Development of Small and Medium Entrepreneurship in the Perm Krai with the Goal of Conquering them with the Status of Investment-Attractive Region”

A. V. Zakharkina

Perm State University
15, Bukirev st., Perm, Russia, 614990
E-mail: AnnaVladimirovna2009@yandex.ru

O. A. Kuznetsova

Perm State University
15, Bukirev st., Perm, Russia, 614990
Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia
125, Karpinskogo st., Perm, Russia, 614012
E-mail: kuznetsova_psu@mail.ru

Abstract: the article is devoted to the scientific and practical analysis of Perm regional measures to support SMEs in the context of the spread of a new coronavirus infection (COVID-19). The article provides a brief overview of the “affected” sectors of the economy by COVID-19, lists Federal and regional measures to support SMEs, analyzes the legal acts of the Perm region in this area, and assesses them. It is concluded that a number of regional norms are ineffective and that it is necessary to find new mechanisms to support SMEs. At the end of the study, the American

model of support for SMEs in the context of the spread of a new coronavirus infection is presented.

Keywords: *small and medium-sized businesses; support measures; e-business; digital economy of the Perm region; regional regulatory platform.*

Пандемия новой коронавирусной инфекции (COVID-19) буквально разделила жизнь каждой без исключения страны на «до» и «после». Федеральный и региональные законодатели были вынуждены на протяжении всего 2020 г. принимать экстраординарные меры, направленные на стабилизацию экономического климата в стране в целом и каждом регионе в отдельности. В результате этих мер были приняты десятки федеральных и сотни региональных нормативных правовых актов, большая часть которых коснулась и субъектов малого и среднего предпринимательства (далее – субъекты МСП). Причем новеллой 2020 г. следует признать разделение субъектов МСП на «пострадавших» и «непострадавших». Эта классификация предопределена определением отраслей российской экономики, в наибольшей степени пострадавших в условиях ухудшения ситуации в результате распространения новой коронавирусной инфекции. Пандемия COVID-19 бросила новый вызов всему российскому бизнесу, доказав его неспособность работать онлайн.

«Пострадавшие» отрасли российской экономики

Прежде всего, отметим, что отрасли российской экономики, в наибольшей степени пострадавшие в условиях ухудшения ситуации в результате распространения новой коронавирусной инфекции, определены на федеральном уровне в Постановлении Правительства РФ от 3 апреля 2020 г. № 434¹. К таким отраслям, в частности, отнесены следующие: транспортная, досуговая, физкультурно-оздоровительная, туристическая, гостиничный бизнес, общепит, дополнительное образование, организация выставок, предоставление бытовых услуг, здравоохранение, торговля непродовольственными товарами, СМИ. Стоит подчеркнуть, что по каждой сфере деятельности в указанном Постановлении обозначены конкретные виды экономической деятельности согласно ОКВЭД². Итак, если субъект МСП осуществляет предпринимательскую деятельность в так называемой «пострадавшей» отрасли, то, разумеется, к нему

¹ Об утверждении перечня отраслей российской экономики, в наибольшей степени пострадавших в условиях ухудшения ситуации в результате распространения новой коронавирусной инфекции: постановление Правительства РФ от 3 апр. 2020 г. № 434 (ред. от 16.10.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации: <http://www.pravo.gov.ru> (дата опубликования: 08.04.2020).

² ОК 029-2014 (КДЕС Ред. 2). Общероссийский классификатор видов экономической деятельности: утв. Приказом Росстандарта от 31 янв. 2014 г. № 14-ст (ред. от 12.02.2020) // [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

относится более обширный перечень мер поддержки. При этом необходимо иметь ввиду, что все меры поддержки субъектов МСП можно классифицировать на меры федерального уровня и меры регионального уровня.

Федеральные меры поддержки субъектов МСП

Среди федеральных мер поддержки субъектов МСП можно выделить те, что адресованы всем без исключения субъектам МСП, а также те, что рассчитаны лишь на тех субъектов МСП, которые относятся к «пострадавшим» отраслям. Так, с 1 апреля 2020 г. в отношении всех субъектов МСП принята такая мера поддержки, как снижение страховых взносов на ОПС, ОМС и по ВНиМ до 15 %. При этом это правило действует в отношении той части выплат, которая в каждом месяце превышает МРОТ, то есть 12 130 руб.

Кроме того, еще одной мерой поддержки субъектов МСП стало увеличение сроков, в течение которых может быть уплачен административный штраф. Эта мера была введена в результате принятия Федерального закона от 8 июня 2020 г. № 166-ФЗ³. Согласно статье 19.1 указанного закона срок уплаты административного штрафа в 2020 году составляет 180 дней. Однако из этого общего правила есть ряд исключений, не подпадающих под действие этой нормы. Речь идет об определенных административных правонарушениях, например, в сфере правил дорожного движения, продажи этилового спирта и т. д.

Наконец, еще одной федеральной мерой, актуальной для всех субъектов МСП, стала отсрочка уплаты платежей, предусмотренных в 2020 г., на срок от шести до двенадцати месяцев в случае приобретения субъектом МСП арендуемого недвижимого имущества, находящегося в государственной или муниципальной собственности. Эта мера регламентирована тем же Законом № 166-ФЗ.

Для субъектов МСП, осуществляющих предпринимательскую деятельность в «пострадавших» отраслях экономики, предусмотрены дополнительные меры поддержки. Так, такие субъекты МСП не обязаны перечислять налоги и взносы за второй квартал 2020 года. Речь идет о следующих налогах и взносах: страховые взносы на ОПС, ОМС и ВНиМ; авансы по налогу на прибыль; авансы по имущественным налогам; аванс по УСН; ЕНВД за второй квартал; торговый сбор за второй квартал⁴.

³ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях принятия неотложных мер, направленных на обеспечение устойчивого развития экономики и предотвращение последствий распространения новой коронавирусной инфекции: Федер. закон от 8 июня 2020 г. № 166-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации: <http://www.pravo.gov.ru>.

⁴ О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации: Федер. закон от 08 июня 2020 г. № 172-ФЗ (ред. от 15.10.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации: <http://www.pravo.gov.ru>.

Постановлением Правительства РФ от 2 апреля 2020 г. № 409 «О мерах по обеспечению устойчивого развития экономики»⁵ была введена такая дополнительная мера для «пострадавших» субъектов МСП, как продление сроков уплаты большинства обязательных платежей. При этом если снижение доходов субъекта МСП составляет более 10 %, то в отношении такого субъекта действует дополнительная мера поддержки – отсрочка на срок до одного года и рассрочка на срок до пяти лет.

В числе мер, направленных на поддержку «пострадавших» субъектов МСП, – рассрочка погашения долгов по исполнительным производством, которые возбуждены по документу, предъявленному до 1 октября 2020 года. Эта мера урегулирована Федеральным законом от 20 июля 2020 г. № 215-ФЗ «Об особенностях исполнения судебных актов, актов других органов и должностных лиц, а также возврата просроченной задолженности в период распространения новой коронавирусной инфекции»⁶. Такая рассрочка дается на срок не свыше одного года. При этом сумма, на которую дается рассрочка, ограничена пятнадцатью миллионами рублями. Эта сумма состоит из неуплаченных налогов, взносов и кредитов.

«Пострадавшие» субъекты МСП получили также рассрочку по кредитам в рамках госпрограммы. Эта мера подробно регламентирована Постановлением Правительства РФ от 2 апреля 2020 г. № 410 «Об утверждении Правил предоставления в 2020 году субсидий из федерального бюджета российским кредитным организациям на обеспечение отсрочки платежа по кредитам, выданным субъектам малого и среднего предпринимательства»⁷. В указанном нормативно-правовом акте содержится легальная дефиниция термина «период предоставления отсрочки». Под этим термином законодатель предлагает понимать «период, начинающийся со дня внесения (на срок не более 6 месяцев) субъекта малого или среднего предпринимательства в реестр заемщиков, но не ранее 1 апреля 2020 г., и заканчивающийся не позднее 31 декабря 2020 г.».

⁵ О мерах по обеспечению устойчивого развития экономики» (вместе с «Правилами предоставления отсрочки (рассрочки) по уплате налогов, авансовых платежей по налогам и страховых взносов», «Перечнем видов экономической деятельности для целей применения подпункта "г" пункта 1 постановления Правительства Российской Федерации от 2 апреля 2020 г. № 409»); постановление Правительства РФ от 2 апр. 2020 г. № 409 (ред. от 07.11.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации: <http://pravo.gov.ru>.

⁶ Об особенностях исполнения судебных актов, актов других органов и должностных лиц, а также возврата просроченной задолженности в период распространения новой коронавирусной инфекции: Федер. закон от 20 июля 2020 г. № 215-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации: <http://www.pravo.gov.ru>.

⁷ Об утверждении Правил предоставления в 2020 году субсидий из федерального бюджета российским кредитным организациям на обеспечение отсрочки платежа по кредитам, выданным субъектам малого и среднего предпринимательства: постановление Правительства РФ от 2 апр. 2020 г. № 410 (ред. от 24.04.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации: <http://www.pravo.gov.ru>.

Наконец, последняя мера поддержки, рассчитанная на субъекты МСП, относящиеся к «пострадавшим», – это мораторий Правительства РФ на банкротство. Так, действие моратория продлено до 7 января 2021 г.⁸

Таким образом, перечень принятых федеральных мер, продемонстрированный выше, показывает, что эти меры градируются главным образом на две группы: меры, адресованные всем субъектам МСП, и меры, ориентированные только на «пострадавших» субъектов МСП. При этом в большинстве своем эти меры носят «имущественный» характер и напрямую связаны с фискальной функцией государства.

Пермские региональные меры поддержки предпринимательства

С учетом цели настоящего научного исследования предлагаем обзор главных мер, принятых пермским региональным законодателем для поддержки малого и среднего бизнеса Пермского края.

Отметим, что для упрощения поиска соответствующей информации в Пермском крае создан специальный информационный ресурс – «Меры поддержки бизнеса в Пермском крае». На этом ресурсе можно ознакомиться с актуальной информацией, с нормативными актами в обозначенной сфере, а также задать вопрос эксперту.

Следует отметить, что в Пермском крае приняты «стандартные» для регионов меры поддержки субъектов МСП. В каждом субъекте Российской Федерации – свои региональные меры: они отличаются как по количеству, так и по содержанию.

Во-первых, Законом Пермского края от 13 ноября 2017 г. № 141-ПК⁹ уменьшена кадастровая стоимость тех объектов недвижимости, собственники которых уменьшили своим арендаторам арендную плату в 2020 году. То есть уменьшение кадастровой стоимости в данном случае необходимо для уменьшения налога на имущество в отношении этих объектов недвижимости. При этом Законом Пермского края № 141-ПК предусмотрены условия, которые необходимо соблюсти для использования обозначенной меры поддержки. Всего пять условий: договор аренды был заключен не позднее 1 марта 2020 г. и прошел установленную законом государственную регистрацию в Росреестре; допсоглашение о снижении размера арендной платы датируется после 1 марта 2020 г.; объект недвижимости зарегистрирован в установленном законом порядке; арендатор – субъект МСП или АНО (причем этот статус должен быть установлен на 1 марта 2020 г.); вид экономической деятельности

⁸ См. об этом: О продлении срока действия моратория на возбуждение дел о банкротстве по заявлению кредиторов в отношении отдельных должников: постановление Правительства РФ от 1 окт. 2020 г. № 1587 // Официальный интернет-портал правовой информации: <http://www.pravo.gov.ru>.

⁹ О налоге на имущество организаций на территории Пермского края и о внесении изменений в Закон Пермской области "О налогообложении в Пермском крае": принят ЗС ПК 26.10.2017: Закон Пермского края от 13 нояб. 2017г. № 141-ПК (ред. от 22.06.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации: <http://www.pravo.gov.ru>.

арендатора соответствует установленным законом параметрам. Требуется пояснение последнее условие: здесь речь идет о таких параметрах, как конкретные виды деятельности по ОКВЭД. Эти конкретные виды деятельности перечислены в указанном законе. К примеру, это розничная торговля, ремонт и монтаж машин и оборудования, деятельность туристических агентств, образование, деятельность в сфере здравоохранения, деятельность в сфере культуры, спорта и досуга, полиграфическая деятельность и т.д. Добавим, что снижение кадастровой стоимости предполагается не более чем на 50 %. При этом снижению предшествует непростой расчет, осуществляемый математическими методами: кадастровая стоимость объекта недвижимости уменьшается на такую величину, которая в свою очередь рассчитана как отношение величины снижения арендной платы к ставке по налогу на имущество.

Во-вторых, указанным Законом Пермского края № 141-ПК вводится такая мера, как уменьшение на 50 % размера налога на имущество организаций. Эта мера адресована только торговым центрам (комплексам), которые соответствуют ряду условий. Первое условие касается объема торговых площадей: площадь торгового центра должна быть не менее 5000 кв. м. Это условие было подвергнуто обоснованной критике, поскольку оно ввело неоправданные ограничения для использования соответствующей меры поддержки. Этому условию соответствуют следующие торговые центры Перми: «Семья (2 очередь)» (45 000 кв. м.), «Алмаз» (40 573 кв. м.), «Столица» (32 000 кв. м.), «Семья» (31 000 кв. м.), «Евразия» (30 000 кв. м.), «Колизей-Cinema» (30 500 кв. м.), «Колизей-Atrium» (25 000 кв. м.), «Семь пятниц» (20 600 кв. м.), «Чкаловский – мебельный центр» (15 000 кв. м.), «Баумолл (Baumall)» (14 000 кв. м.), «Гипермаркет Виват» (14 000 кв. м.), «Земляника» (12 500 кв. м.), «ЦУМ» (11 700 кв. м.), «Castorama (Касторама)» (11 500 кв. м.), «METRO cash&carry» (11 000 кв. м.), «Айсберг» (11 000 кв. м.), «Домино» (7900 кв. м.), «Bazar» (7 880 кв. м.), «Агат» (7500 кв. м.), «Карнавал» (7400 кв. м.), «Кит» (6300 кв. м.), «Бизнес галереи» (6 250 кв. м.), «Дома-Дом, СуперСтрой» (6000 кв. м.) и др. При этом не соответствуют обозначенному условию такие торговые центры, как «Гостинный двор» (4 000 кв. м.), «Кухни России» (2 500 кв. м.), «Петропавловский» (3 000 кв. м.) и др.

Как известно, в условиях режима самоизоляции был установлен запрет на работу всех без исключения торговых центров. Получается, что среди пострадавших субъектов МСП – собственники абсолютно всех без исключения торговых комплексов. Однако мера поддержки адресована владельцам только «крупных» торговых центров.

Вторым условием, названным в Законе № 141-ПК, является сосредоточение в руках одного собственника всего торгового центра или торговых площадей общей площадью не менее 5000 кв. м. Это условие также «связывает руки» большому количеству субъектов МСП. Так, зачастую крупные торговые центры находятся в собственности двух, трех и более собственников. Стало быть, в одном и том же торговом центре сособственники ста-

ваться в неравное юридическое положение: те, в собственности которых 5000 кв. м и более торговых площадей, получают обозначенную льготу, а те, у кого меньше – нет. При этом речь идет об одном и том же неработающем торговом центре.

Третьим условием является государственная регистрация этих торговых помещений в объеме не менее 99 %. И, наконец, последним условием является кадастровая стоимость одного квадратного метра в таком торговом центре: она должна быть не менее 20 тыс. руб. по состоянию на 1 января 2020 г.

Стоит заметить, что эта мера поддержки, как нам кажется, не малого бизнеса, а, напротив, «крупного», поскольку субъекты МСП далеко не всегда имеют в собственности торговые площади объемом более 5000 кв. м.

В-третьих, субъекты МСП Пермского края получили отсрочку по уплате авансовых платежей по налогу на имущество организаций. При этом указанная мера рассчитана только на субъектов МСП, которые зарегистрированы в этом качестве в Едином реестре МСП, и которые осуществляют свою деятельность в «пострадавших» отраслях экономики.

В-четвертых, для всех субъектов предпринимательской деятельности в 2021 г. предусмотрена пониженная ставка налога на имущество организаций в отношении объектов недвижимости, налоговая база по которым считается как кадастровая стоимость. Такая ставка установлена в 1,6 %.

В-пятых, Закон Пермского края от 01 апреля 2015 г. № 466-ПК¹⁰ ввел еще одну меру поддержки пермского бизнеса – понижение процентной ставки по УСН. Так, для юридических лиц и ИП, объектом налогообложения которых являются доходы, установлена ставка в 1 %, а для юридических лиц и ИП, объектом налогообложения которых выступают доходы, остающиеся после вычета расходов, в 5 %.

В-шестых, еще одной налоговой мерой поддержки пермского бизнеса стало снижение потенциально возможного дохода при осуществлении предпринимательской деятельности по патенту. Так, согласно Закону Пермского края от 01 апреля 2015 № 465-ПК «О патентной системе налогообложения в Пермском крае, установлении налоговой ставки в размере 0 процентов для отдельной категории налогоплательщиков, применяющих патентную систему налогообложения, и о внесении изменения в Закон Пермской области “О налогообложении в Пермском крае”»¹¹, размер такого дохода определен в

¹⁰ Об установлении налоговых ставок для отдельных категорий налогоплательщиков, применяющих упрощенную систему налогообложения, и о внесении изменений в Закон Пермской области «О налогообложении в Пермском крае» (принят ЗС ПК 19.03.2015): Закон Пермского края от 01 апр. 2015 г. № 466-ПК (ред. от 22.06.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации: <http://www.pravo.gov.ru> (дата опубликования: 23.06.2020).

¹¹ О патентной системе налогообложения в Пермском крае, установлении налоговой ставки в размере 0 процентов для отдельной категории налогоплательщиков, применяющих патентную систему налогообложения, и о внесении изменения в Закон Пермской области «О налогообложении в Пермском крае».

16,67 руб. Эта мера касается только тех предпринимателей, которые осуществляют свою деятельность в указанных в законе сферах.

В-седьмых, Законом Пермского края от 25 декабря 2015 г. № 589-ПК¹² для субъектов МСП продлен срок уплаты авансовых платежей по транспортному налогу. Указанная мера адресована не всем субъектам МСП, а только из «пострадавших» сфер, перечень которых установлен Постановлением Правительства Пермского края от 22 апреля 2020 г. № 236-п¹³.

В-восьмых, специальной мерой поддержки субъектов МСП стала отсрочка арендной платы по договорам аренды государственного имущества, установленная Постановлением Правительства Пермского края от 28 марта 2020 г. № 156-п¹⁴. При этом отсрочка касается только трех календарных месяцев – апреля, мая и июня 2020 г. Арендную плату за эти месяцы можно внести в срок, указанный в дополнительном соглашении, заключаемом между арендатором и арендодателем, но не позднее 31 декабря 2021 г. Если субъект МСП относится к «пострадавшим», то за указанные три месяца он освобожден от уплаты арендной платы.

В-девярых, мерой поддержки бизнеса в условиях распространения новой коронавирусной инфекции стало субсидирование. В Пермском крае было установлено три вида субсидий: 1) всем представителям бизнеса – на создание дополнительных рабочих мест для трудоустройства безработных граждан Пермского края; 2) «пострадавшим» субъектам МСП – в целях возмещения части затрат, связанных с уплатой процентов по кредитам; 3) региональному оператору по обращению с ТКО. Рассмотрим более подробно субсидии, рассчитанные на субъектов МСП, осуществляющих предпринимательскую деятельность в «пострадавших» отраслях экономики.

В соответствии с Постановлением Правительства Пермского края от 22 мая 2020 г. № 351-п «Об утверждении Порядка предоставления субсидий из бюджета Пермского края субъектам малого и среднего предпринимательства, реализующим деятельность в отраслях российской экономики, в наибольшей степени пострадавших в условиях ухудшения ситуации в результате

ском крае» (принят ЗС ПК 19.03.2015): Закон Пермского края от 1 апр. 2015 г. № 465-ПК (ред. от 22.04.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации: <http://www.pravo.gov.ru> (дата опубликования: 23.04.2020).

¹² О транспортном налоге на территории Пермского края и о внесении изменения в Закон Пермской области «О налогообложении в Пермском крае» (принят ЗС ПК 10.12.2015): Закон Пермского края от 25 дек. 2015 г. № 589-ПК (ред. от 22.04.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации: <http://www.pravo.gov.ru> (дата опубликования: 23.04.2020).

¹³ Об утверждении перечня осуществляемых налогоплательщиками по состоянию на 1 марта 2020 года видов деятельности, в наибольшей степени пострадавших от распространения коронавирусной инфекции, в целях продления сроков уплаты авансовых платежей по отдельным видам налогов: постановление Правительства Пермского края от 22 апр. 2020 г. № 236-п (ред. от 25.06.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации: <http://www.pravo.gov.ru> (дата опубликования: 23.04.2020).

¹⁴ О мерах, направленных на поддержку субъектов малого и среднего предпринимательства: постановление Правительства Пермского края от 28 марта 2020 г. № 156-п (ред. от 01.06.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации: <http://www.pravo.gov.ru> (дата опубликования: 01.06.2020).

распространения новой коронавирусной инфекции, в целях возмещения части затрат, связанных с уплатой процентов по кредитам»¹⁵, субъекты МСП, осуществляющие предпринимательскую деятельность в «пострадавших» отраслях экономики, вправе получить субсидию на возмещение части затрат, связанных с уплатой процентов по кредитам. Однако следует подчеркнуть, что порядок получения такой субсидии достаточно сложный.

Во-первых, в указанном акте перечислен ряд требований, которым должен соответствовать претендент на получение субсидии (быть субъектом МСП, зарегистрированным в этом качестве; осуществлять в качестве основного вид деятельности, указанный в Законе Пермского края от 30 марта 2020 г. № 527-ПК, Законе Пермского края от 22 апреля 2020 г. № 530-ПК или Постановлении Правительства Пермского края от 22 апреля 2020 г. № 236-п; не иметь задолженностей по налогам, сборам, страховым взносам, пеней, штрафов; иметь в штате не менее трех сотрудников; не осуществлять производство и (или) реализацию подакцизных товаров; не осуществлять добычу полезных ископаемых; не иметь иных мер государственной поддержки и т. д.). Поскольку целью такого субсидирования выступает сохранение рабочих мест, то еще одним критерием, которому должен соответствовать субъект МСП, является сохранение не менее 90 % рабочих мест по состоянию на 1 апреля 2020 г. в сравнении с 1 января 2020 г.

Кроме требований к претенденту на получение субсидии, Постановление Правительства РФ содержит и требования к самому кредиту: он должен быть не менее 500 000 руб., должен быть действующим и заключенным до 1 марта 2020 г. При этом субсидия дается только на уплату процентов по процентной ставке, не превышающей 6 %, за шесть месяцев уплаты процентов до 1 марта 2020 г. Общий размер субсидии может составлять не более 1 млн рублей на одного субъекта МСП. Для получения субсидии субъект МСП должен собрать «пакет» документов, состоящий из более, чем десяти документов, заверенных в установленном законом порядке. Интересно, что после подачи документов проводится отбор субъектов МСП, кому будет предоставлена такая субсидия. На наш взгляд, механизму предоставления субсидий явно не хватает простоты и прозрачности. В самой структуре этого механизма – большое количество «негибких» бюрократических барьеров, создающих трудности в получении субсидии. Думается, что этот процесс требует цифровизации: Министерство экономического развития и инвестиций Пермского края должно заведомо обладать соответствующей информацией о тех субъектах МСП, которые соответствуют установленным критериям. Ста-

¹⁵ Об утверждении Порядка предоставления субсидий из бюджета Пермского края субъектам малого и среднего предпринимательства, реализующим деятельность в отраслях российской экономики, в наибольшей степени пострадавших в условиях ухудшения ситуации в результате распространения новой коронавирусной инфекции, в целях возмещения части затрат, связанных с уплатой процентов по кредитам: постановление Правительства Пермского края от 22 мая 2020 г. № 351-п (ред. от 02.07.2020) // Офиц. интернет-портал правовой информации: <http://www.pravo.gov.ru> (дата опубликования: 25.05.2020).

ло быть, наличие подобной информации значительно упростило бы процесс получения субсидии, освободив субъекта МСП от сбора дополнительных документов. Конечно, субсидирование в идеале должно уйти «в онлайн»: такие цифровые ресурсы, как сайт «Госуслуги», должны быть специально разработаны и для субъектов МСП, которые могли бы получать субсидии в упрощенном порядке, заполнив соответствующие электронные формы онлайн.

Американские меры поддержки бизнеса в условиях COVID-19

Для оценки эффективности пермских региональных мер поддержки субъектов МСП мы решили провести экспресс-анализ американской модели поддержки бизнеса в условиях пандемии новой коронавирусной инфекции. Опыт США в деле поддержки предпринимательства в условиях пандемии COVID-19 следует признать передовым и по этой причине взять за основу для сравнительного анализа. США, как и многие другие страны, начали с установления «всеобщего режима самоизоляции», однако, как показал опыт всех без исключения стран, такой подход к борьбе с пандемией коронавирусной инфекции неэффективен: режим всеобщей самоизоляции буквально «замораживает» всю хозяйственную жизнь страны, что приводит к резкому сокращению малого и среднего бизнеса, поскольку «крупный», как правило, трансформируется в онлайн, что позволяет ему сохранять свои позиции. В итоге происходит резкий рост безработицы и значительное снижение уровня жизни большей части населения страны. Итак, США еще в марте 2020 г. приняли Coronavirus Preparedness and Response Supplemental Appropriations Act, которым были введены первые меры, направленные на борьбу с коронавирусной инфекцией: выделены средства на разработку вакцины, на поддержку сферы здравоохранения, а также на малый бизнес, поскольку его доля в структуре экономики США составляет почти 50 %. 27 марта 2020 г. был принят Coronavirus Aid, Relief, and Economic Security Act, который, по оценкам экспертов, стал экстраординарным и сыграл значимую роль в деле сокращения последствий экономического кризиса 2020 г. в США. В указанном нормативном акте немало инструментов поддержки именно малого бизнеса, например: программа льготного кредитования для субъектов МСП, именуемая «Small Business Administration Loan Guarantee Program»; программа поддержки малого бизнеса в части выплаты заработной платы своим работникам – «Paycheck Protection Program-PPP». Суть последней программы заключается в получении льготного кредита для малого бизнеса, процентная ставка по которому не может превышать 4 %. Впечатляет прозрачная процедура получения такого кредита: заемщику необходимо подать заявление о льготном кредитовании ввиду неопределенной экономической ситуации. Пожалуй, ключевой особенностью этой программы следует признать возможность списания части задолженности по кредиту: та часть кредита, которая была потрачена на строго перечисленные в законе цели (например, заработная плата работникам, коммунальные платежи, проценты по ипотеке), подлежит списа-

нию и заемщику не нужно ее возвращать. Оставшуюся часть кредита нужно погасить в течение одного года, отсчитываемого с даты заключения договора о кредите. Еще одной мерой поддержки малого бизнеса выступила помощь заемщикам, получившим кредиты от US Small Business Administration. В течение шести месяцев эти заемщики были освобождены от уплаты кредитных средств. Снова впечатляет механизм действия этой нормы: она применяется автоматически, никаких действий от заемщиков не требуется. Оценивая меры поддержки малого бизнеса, предпринятые в США, Т.К. Ковалева отмечает адресность финансовой помощи, значительную роль в этом процессе соответствующих государственных структур¹⁶.

Выводы

Резюмируя вышеизложенное, сформулируем основные выводы:

1) меры поддержки предпринимательства, предпринятые органами государственной власти РФ, могут быть классифицированы по нескольким критериям: *по органам, принявшим меры*, – федеральные и региональные; *по адресности* – меры, адресованные всему бизнесу; меры, адресованные субъектам МСП; а также меры, адресованные субъектам МСП, осуществляющим предпринимательскую деятельность в «пострадавших» отраслях российской экономики;

2) в числе федеральных мер поддержки, адресованных всем субъектам МСП: снижение страховых взносов, увеличение срока уплаты административных штрафов, отсрочка уплаты платежей при приобретении арендуемого недвижимого имущества, находящегося в публичной собственности и т. д.;

3) в числе федеральных мер поддержки, адресованных субъектам МСП из «пострадавших» отраслей: освобождение от налогов и взносов за II квартал 2020 г.; отсрочка/рассрочка по налогам и взносам; рассрочка погашения долгов по исполнительным производствам; рассрочка по кредитам в рамках госпрограммы; мораторий на банкротство и др.;

4) пермские региональные меры поддержки бизнеса также могут быть классифицированы по разным основаниям, например: *по адресности* – на меры, адресованные всем субъектам предпринимательской деятельности; только субъектам МСП, а также только тем субъектам МСП, которые осуществляют предпринимательскую деятельность в «пострадавших» отраслях экономики; *по цели* – на сохранение рабочих мест, на создание новых рабочих мест, на уменьшение налогового бремени, на поддержку отдельных отраслей экономики; *по видам* – налоговые, арендные, кредитные и др.; *по формам* – предполагающие рассрочку/отсрочку; предполагающие разовое, квартальное или годовое уменьшение налога, взноса или иного платежа; предполагающие субсидирование и др.;

5) к числу пермских региональных мер поддержки бизнеса следует отнести: 50% уменьшение суммы налога на имущество организаций-торговых цен-

¹⁶ Ковалева Т. К. Пандемия COVID19 и поддержка малого бизнеса в США: институциональные аспекты, инструменты и механизмы // Финансовые рынки и банки. 2020. № 2. С. 35.

тров (торговых комплексов), общая площадь которых составляет не менее 5000 кв. м.; пониженная до 1,6 % ставка налога на имущество организаций в 2021 г.; пониженная в 2020 г. ставка налога по УСН только для тех предпринимателей, чей вид экономической деятельности указан в законе; нулевая ставка налога по УСН в 2021 г. в отношении предпринимателей, осуществляющих деятельность по предоставлению мест для временного проживания; уменьшение потенциально возможного годового дохода при ПСН до 16, 67 руб. в отношении отдельных видов деятельности; отсрочка авансовых платежей по УСН только для тех предпринимателей, чей вид экономической деятельности указан в законе; отсрочка авансовых платежей по земельному налогу только для тех предпринимателей, чей вид экономической деятельности указан в законе; субсидии для трудоустройства безработных; приостановление проверок;

6) в числе пермских региональных мер поддержки субъектов МСП следующие: отсрочка арендной платы за аренду недвижимого имущества, находящегося в государственной собственности;

7) пермские региональные меры, адресованные только тем субъектам МСП, которые осуществляют предпринимательскую деятельность в «пострадавших» отраслях экономики:

- уменьшение кадастровой стоимости недвижимого имущества, сдаваемого в аренду субъектам МСП, осуществляющих отдельные виды экономической деятельности, с целью снижения налога на это имущество тем арендодателям, которые снизили арендную плату;

- отсрочка авансовых платежей по налогу на имущество организаций;
- отсрочка авансовых платежей по транспортному налогу в 2020 г.;
- освобождение от арендной платы за апрель – июль 2020 г. при аренде недвижимого имущества, находящегося в государственной или муниципальной собственности;

- субсидии в целях возмещения части затрат по уплате процентов по кредитам;

8) пермские региональные меры поддержки бизнеса в условиях распространения новой коронавирусной инфекции не сосредоточены на поддержке непосредственно субъектов МСП: для получения той или иной меры поддержки большее значение имеет то, какой вид экономической деятельности осуществляет предприниматель;

9) сравнение пермской региональной и американской федеральной модели поддержки субъектов МСП позволяет заключить, что пермская региональная модель поддержки малого и среднего бизнеса в условиях распространения новой коронавирусной инфекции требует коррекции: *во-первых*, пермским региональным властям нужно акцентировать внимание не на виде экономической деятельности, а на самом субъекте МСП; *во-вторых*, требует совершенствования сам механизм предоставления мер поддержки: его следует упростить, цифровизировать и сделать максимально прозрачным, отдав ведущую роль соответствующему органу власти, а не субъекту МСП, вынуж-

денному в современных условиях собирать многочисленные подтверждающие документы, например, для получения субсидий; *в-третьих*, необходимо выявить «слабые» места пермского регионального бизнеса и скорректировать формы поддержки субъектов МСП. К примеру, огромной проблемой малого и среднего предпринимательства Пермского края следует признать неспособность к работе онлайн, что предполагает: отсутствие субъекта МСП в цифровой среде (то есть отсутствие работающего сайта, группы в социальных сетях и т.д.); отсутствие IT-сотрудников, занимающихся «цифровым» присутствием; отсутствие цифровой рекламы; отсутствие механизма удаленной работы с клиентами; не разработанность механизма онлайн заказа товара, работы или услуги и онлайн или оффлайн предоставления этого товара, работы или услуги; отсутствие у предпринимателя цифровых компетенций и т.д.

Полагаем, что недостаточное внимание к малому и среднему бизнесу со стороны федеральных и региональных властей вызвано тем обстоятельством, что доля субъектов МСП в экономике нашей страны по-прежнему крайне низка и составляет примерно около 20 % ВВП в отличие, например, от США, где эта доля составляет чуть больше 50 %. Между низким процентом участия субъектов МСП в ВВП России и недостаточной федеральной и региональной поддержкой субъектов МСП есть прямая и обратная взаимно коррелирующая связь. Очевидно, что поддержка субъектов МСП должна быть более адресной. Такая поддержка должна решать одновременно разные задачи: сохранить действующий малый и средний бизнес; стимулировать предпринимательство, особенно в среде молодежи; помогать субъектам МСП осуществлять свою деятельность онлайн и т.д. Для решения этих непростых задач требуются разноплановые меры поддержки субъектов МСП, идущие «в ногу» с цифровым временем.

Библиографический список

Ковалева Т. К. Пандемия COVID19 и поддержка малого бизнеса в США: институциональные аспекты, инструменты и механизмы // Финансовые рынки и банки. 2020. № 2.

Информация для цитирования

Захаркина А. В., Кузнецова О. А. Анализ пермской региональной нормативной платформы инструментов поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства в условиях пандемии новой коронавирусной инфекции (COVID-19) // *Ex jure*. 2021. № 1. С. 100–113. DOI: 10.17072/2619-0648-2021-1-100-113.

Zakharkina A. V., Kuznetsova O. A. Analysis of the Perm Regional Regulatory Platform for Supporting Small and Medium-Sized Businesses in the Context of the New Coronavirus Pandemic (COVID-19). *Ex jure*. 2021. № 1. Pp. 100–113. (In Russ.). DOI: 10.17072/2619-0648-2021-1-100-113.

УДК 347.918:347.78

DOI: 10.17072/2619-0648-2021-1-114-130

СУДЕБНЫЙ ПОРЯДОК РАЗРЕШЕНИЯ СПОРОВ О ЗАЩИТЕ ПРАВ СООБЛАДАТЕЛЕЙ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОГО АВТОРСКОГО ПРАВА

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-311-90012

Е. Ю. Мартьянова

Старший преподаватель кафедры гражданского права

Пермский государственный

национальный исследовательский университет

614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

E-mail: martyanova.ey@psu.ru

Аннотация: в статье рассматривается процессуальный порядок разрешения споров, возникающих как внутри гражданско-правовой общности сообладателей исключительного авторского права (споры первого уровня), так и вне ее (споры второго уровня). То, в рамках какого уровня этих правоотношений возникает спор, обуславливает: предмет иска и способы защиты; процессуальную форму рассмотрения спора, круг участников процесса и определение процессуальной роли сообладателя исключительного авторского права. Обосновано, что хотя некоторые споры с участием членов гражданско-правовой общности могут быть разрешены по правилам глав 22.3 ГПК РФ, 28.2 АПК РФ, в целом механизм защиты прав и интересов группы лиц, отраженный в указанных главах, не предназначен для разрешения споров внутри гражданско-правовой общности, так как не учитывает особенности реализации прав, осложненных множественностью лиц, и природу конфликта, возникающего между членами сообщества. Предложено применение аналогии правил главы 28.1 АПК РФ к рассмотрению дел по спорам внутри общности, если положения главы о корпоративных спорах не противоречат существу отношений, возникших между сообладателями права.

© Мартьянова Е. Ю., 2021

Ключевые слова: исключительное авторское право; соблюдение правом; гражданско-правовое сообщество; групповой иск; корпоративный спор.

JUDICIAL PROCEDURE FOR RESOLVING DISPUTES ON THE PROTECTION OF THE RIGHTS OF CO-OWNERS OF EXCLUSIVE COPYRIGHT

The reported study was funded by RFBR, project № 19-311-90012

E. Yu. Martyanova

Perm State University
15, Bukireva st., Perm, Russia, 614990

E-mail: martyanova.ey@psu.ru

Abstract: *the article considers the procedure for resolving disputes arising both within the civil law community of co-owners of exclusive copyright (disputes of the first level) and outside it (disputes of the second level). The level at which a dispute arises in these legal relations determines: the subject of the claim and the means of protection; the procedural form of the dispute, the range of participants in the process and the definition of the procedural role of the co-owner of the exclusive copyright. It is proved that although some disputes with the members of the civil community can be resolved according to the rules of chapters 22.3 of Civil procedure code, 28.2 of Arbitration procedure code, in general, the mechanism of protection of rights and interests of individuals reflected in these chapters are not designed for the resolution of disputes within the civil community, because it ignores features of the rights, complicated by the multiplicity of persons and the nature of the conflict that arises between members of the community. The proposed application of the analogy of the rules of Chapter 28.1 of the APC for consideration of cases on disputes within the community if the provisions of the Chapter on corporate disputes are not inconsistent with the substance of the relationship established between co-owners of right.*

Keywords: *exclusive copyright; co-ownership of the right; civil law community; class action; corporate dispute.*

Интенсификация коллаборационных процессов во всех сферах творческой деятельности предопределяет увеличение числа работ, создаваемых в соавторстве¹. Вовлеченность в отношения соблюдения значи-

¹ См.: Adams J., Pendlebury D., Potter R., Szomszor M. Global Research Report Multi-authorship and research analytics. Clarivate Analytics, 2019. URL: https://clarivate.com/webofsciencigroup/wp-content/uploads/sites/2/dlm_uploads/2019/12/WS419558643_ISI_Global_Research_Report_6_v9_R

тельного числа участников гражданского оборота, сопровождаемая ростом стоимостных показателей исключительных авторских прав, фокусирует внимание научного сообщества, законодателя и правоприменителя на вопросах определения правового статуса лиц, которым исключительное авторское право принадлежит совместно. Формирование представления о правовом положении участника гражданского оборота включает определение процессуального статуса лица как неотъемлемого аспекта механизма реализации принципа защиты гражданских прав.

Осложнение исключительного авторского права множественностью лиц приводит к включению сообладателя одновременно в два типа правоотношения, которые являются разноуровневыми: соправообладатель состоит в относительной правовой связи с иными участниками общности сообладателей права, что образует первый уровень, а также включен в абсолютное правоотношение, в котором всем сообладателям исключительного авторского права противостоит неопределенный круг лиц. Таким образом, нарушение права сообладателя, возникновение спора возможно как внутри гражданско-правовой общности сообладателей права, так и вне ее. То, в рамках какого уровня этих правоотношений возникает спор, обуславливает:

- предмет иска, влияющий, в том числе на определение суда, к компетенции которого относится рассмотрение дела, и способы защиты;
- категорию дела (процессуальную форму рассмотрения спора), круг участников процесса и определение процессуальной роли сообладателя исключительного авторского права;
- распределение бремени доказывания, применимость специализированных норм, включая нормы-принципы, нормы-презумпции.

I. Предмет иска и способы защиты

Представляется, что материально-правовое требование, заявляемое соправообладателем (-ями), к лицу, не относящемуся к участникам сообщества и не претендующему на включение в общность, может отличаться от предмета иска по спору между самими сообладателями даже при наличии внешне схожего фактического основания. Так, если лицо, не входящее в состав общности, использует произведение без согласия соправообладателей, то предмет иска будет выражен в требовании из перечня статьи 1252 ГК РФ². Если же незаконное использование произведения допускает один из соправообладателей, то другие сообладатели могут прибегнуть к механизму статьи 1252 ГК РФ, а также заявить требования, которые характерны только для спора внут-

GB_SP.pdf; Kumar S. Ethical Concerns in the Rise of Co-Authorship and Its Role as a Proxy of Research Collaborations // Publications. 2018. № 6.

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая): Федер. закон от 18 дек. 2006 г. № 230-ФЗ (ред. от 18.07.2019) // Парламентская газета. 2006. № 214–215.

ри общности: об определении порядка соосуществления исключительного авторского права, а в случае, если использование объекта нарушает уже заключенное соглашение, то о его расторжении, или иные требования, вытекающие из него.

Возможность защиты прав сообладателя перед иными участниками той же гражданско-правовой общности посредством способов статьи 1252 ГК РФ вытекает из абсолютной природы не только самого исключительного права, но и доли в нем: обладателю доли в исключительном авторском праве противостоят все иные участники оборота, в том числе и другие сообладатели этого права. Использование же специальных способов защиты, не названных в статье 1252 ГК РФ, в спорах между сообладателями предопределено тем, что правоотношение по совместному обладанию исключительным авторским правом является относительным: допустить нарушение прав или не выполнить обязанность, являющуюся содержанием отношения сообладания, может только сообладатель права, а не какое-либо иное лицо.

В действующем российском законодательстве, а также в судебных актах прямо поименованы следующие способы защиты прав сообладателя от нарушений, допускаемых иными участниками гражданско-правовой общности:

1) заявление иска об определении порядка соосуществления исключительного права³. Значимость наличия определенности по порядку осуществления общего права справедливо утверждается в научных трудах. Так, М. В. Зимелева указывала на то, что «объединение, основанное на тех или иных личных связях и преследующее цели ведения общего хозяйства, коллектив участников совместной собственности потерял бы смысл своего существования, если бы в нем не был установлен какой-либо порядок управления имуществом»⁴. Однако в ГК РФ отсутствует законоположение, указывающая на предоставление сообладателям права обращения в суд с требованием об определении порядка соосуществления исключительного права или распоряжения им. Данное обстоятельство привело к тому, что в научных трудах неоднократно высказывались позиции о том, что для использования такого способа защиты права нет нормативной предпосылки. При этом возможность предъявления иска с указанным требованием проистекает из принципа беспрепятственного осуществления гражданских прав и их судебной защиты, закрепленного в статье 1 ГК РФ. Также вывод о допустимости подачи каждым из сообладателей иска об определении порядка осуществления и распо-

³ Решение Суда по интеллектуальным правам от 19.05.2015 г. по делу № СИП-1057/2014. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Зимелева М. В. Общая собственность в советском гражданском праве // Ученые записки / Всесоюз. ин-т юрид. наук НКЮ СССР. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1941. Вып. 2. С. 3–90.

ряжения исключительным правом получил отражение в п. 35 Постановления Пленума ВС РФ от 23 апреля 2019 года № 10⁵.

2) заявление требования о понуждении к заключению соглашения о порядке использования произведения⁶ допускается в ситуации недостижения соглашения или уклонения от заключения соглашения по правилам статьи 1229 ГК РФ (п. 35 Постановления Пленума ВС РФ № 10). Ненадлежащим способом защиты права следует считать заявление одним из сообладателей права требования к другому сообладателю о понуждении к заключению договора с третьим лицом в отношении объекта, находящегося в сообладании, так как «нормы о понуждении к заключению договора (статья 445 ГК РФ) регулируют отношения между сторонами по сделке, а не между лицами, выступающими в качестве одной стороны»⁷.

3) заявление требования о признании сделки по распоряжению правом на технологию, совершенной одним из лиц, которым совместно принадлежит право на технологию, недействительной (п. 3 ст. 1549 ГК РФ). Несмотря на то, что последний из названных способов защиты сформулирован применительно только к такому объекту, как единая технология, хотя очевидно, что допущение незаконного распоряжения правом в отсутствие воли на это всех соправообладателей возможно и в отношении иных объектов, в том числе произведений. В судебной практике рассматриваются заявления о признании договоров об отчуждении исключительного права, а также иных действий, направленных на распоряжение правом, недействительными в связи с отсутствием воли одного из соправообладателей на такое распоряжение в отношении объектов авторских прав⁸, патентных прав⁹ и пр.

Приведенные способы защиты права могут использоваться только в случае спора, возникшего внутри общности. При этом перечисленным трехэлементным перечнем не охватывается все разнообразие конфликтов, порождаемых отношениями сообладания исключительным авторским правом. В юридической литературе неоднократно обращалось внимание на не-

⁵ О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Пленума ВС РФ от 23 апр. 2019 г. № 10 // Российская газета. 2019. № 96.

⁶ Постановление Суда по интеллектуальным правам от 23.05.2016 г. по делу № СИП-536/2015. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁷ Постановление Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 15.04.2011 г. по делу № А14-6798/2010/218/10. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; *Вайпан Г. В.* Приватизация и аренда государственных и муниципальных земельных участков собственниками строений: единолично или совместно? // Право и экономика. 2010. № 11. С. 27–31.

⁸ Определение Московского городского суда от 04.05.2018 г. № 4г-0345/2018. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Определение Иркутского областного суда от 12.10.2011 по делу № 33-11237/11 // ГАС «Правосудие».

⁹ Решение Дорогомиловского районного суда города Москвы от 10.03.2016 г. по делу № 02-0035/2016 // ГАС «Правосудие»; Решение Суда по интеллектуальным правам от 30.08.2018 г. по делу № СИП-188/2018. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

достатки законодательной техники при закреплении правил о защите соавторами принадлежащих им прав. Так, С.П. Гришаев отмечает, что «по непонятной причине в статье 1228 ГК, в которой говорится о соавторстве в общем виде, отдельно ничего не говорится о защите своих прав соавторами. Однако такие нормы есть в нормах ГК, посвященных отдельным результатам интеллектуальной деятельности»¹⁰.

Помимо ситуации недостижения соглашения в порядке статьи 1229 ГК РФ и распоряжения всем исключительным авторским правом вопреки принципу совместности, нарушение права сообладателя может возникнуть:

- при необоснованном запрете, исходящем от соавтора (соавторов), использовать произведение, созданное в режиме нераздельного соавторства (п. 2 ст. 1258 ГК РФ). Предмет иска в таком случае может быть сформулирован как требование о нечинении препятствий в использовании произведения¹¹;

- при распределении доходов от использования произведения;

- при определении / изменении доли в исключительном праве;

- при отказе во включении в состав общности / непризнании права;

С. П. Гришаев именует корреспондирующий ситуации способ защиты права «иском о признании соавторства»¹². Также допустимым представляется заявление требования о признании доли в исключительном авторском праве, о включении в гражданско-правовую общность сообладателей исключительного авторского права;

- при несоблюдении соглашения, заключенного между лицами, совместно обладающими исключительным правом. При появлении оснований для его изменения, расторжения в силу ст. 451 ГК РФ;

- при нарушении порядка созыва и проведения собрания по правилам главы 9.1 ГК РФ/отказе в его проведении. В таком случае видится возможным заявление требования о понуждении к созыву и проведению общего собрания;

- при принятии решений гражданско-правовым сообществом сообладателей исключительного авторского права с нарушением законодательства или соглашения между сообладателями.

Мыслится необходимым аккумулирование примерного перечня способов защиты прав сообладателя от нарушений, допускаемых иными сообладателями, на законодательном уровне через дополнение пункта 3 статьи 1229 ГК РФ соответствующими положениями.

¹⁰ Гришаев С. П. Соавторство при создании результатов интеллектуальной деятельности. 2011. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹¹ Определение Московского городского суда от 03.07.2019 г. № 4г-7982/2019. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹² Гришаев С. П. Указ соч.

II. Категория дела, круг участников процесса и определение процессуальной роли сообладателя исключительного авторского права

Включение в ГК РФ главы 9.1 Федеральным законом № 100 от 7 мая 2013 г.¹³ года послужило импульсом к актуализации рассуждений о правосубъектности коллективов, групп лиц в связи с наделением гражданско-правовых сообществ правом принятия решений. Закрепление в нормах материального права существования субъекта особого рода с установлением правил реализации прав, как самого сообщества, так и его членов должно было отразиться и на нормах процессуального права, так как правовой статус гражданско-правового сообщества и его членов не может считаться полноценным и определенным в отсутствие процессуально-правового механизма его реализации. Однако в ГПК РФ¹⁴ глава о рассмотрении исков группы лиц была введена лишь в 2019 году, и, по мысли законодателя, данный инструмент в большей степени ориентирован на защиту прав потребителей, а не участников гражданско-правового сообщества, которые не упоминаются в пояснительной записке к законопроекту¹⁵. Представляется, что в некоторых случаях защита членов гражданско-правового сообщества, не являющихся участниками юридического лица, возможна через обращение к механизму глав 28.2 АПК РФ¹⁶ и 22.3 ГПК РФ, хотя взаимосоответствие норм ГК РФ и процессуальных кодексов в части соотношения понятий «гражданско-правовое сообщество» и «группа лиц» не является полным. Кроме того, в связи с позиционированием участников юридического лица в качестве членов гражданско-правового сообщества (п. 2 ст. 181.1 ГК РФ) изучению подлежит возможность применения главы о корпоративных спорах к спорам внутри гражданско-правового сообщества по аналогии.

1. Возможность защиты прав члена гражданско-правового сообщества через обращение к институту групповых исков оценивается неоднозначно.

Из разъяснений, данных в пункте 113 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 года

¹³ О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации: Федер. закон от 7 мая 2013 г. № 100-ФЗ (ред. от 28.12.2016) // Российская газета. 2013. № 99.

¹⁴ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 14 окт. 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 24.04.2020) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 46, ст. 4532.

¹⁵ Пояснительная записка «К проекту федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части урегулирования порядка рассмотрения требований о защите прав и законных интересов группы лиц». [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁶ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 02.12.2019) // Парламентская газета. 2002. № 140–141.

№ 25¹⁷ (далее – Постановление № 25), следует, что споры о признании недействительным решений гражданско-правового сообщества, не являющегося юридическим лицом, разрешаются по правилам главы 28.2 АПК РФ, при этом устанавливается примат положений главы 9.1 ГК РФ над нормами главы 28.2 АПК РФ. Данное Постановление не изменялось в связи с изложением в новой редакции главы 28.2 АПК РФ и введением в действие главы 22.3 ГПК РФ. Наличие указанных разъяснений все же не дает полноценного представления о защите прав члена гражданско-правового сообщества в связи со следующим:

Во-первых, возможность рассмотрения дела по правилам глав 28.2 АПК РФ и 22.3 ГПК РФ подчинена количественному критерию: к требованию должно присоединиться не менее 5 членов группы лиц согласно части 5 статьи 225.10 АПК РФ и не менее 20 членов по части 5 статьи 244.20 ГПК РФ. Таким образом, в случае, когда гражданско-правовое сообщество состоит из меньшего количества членов, использование механизма глав 28.2 АПК РФ, 22.3 ГПК РФ становится невозможным. При этом положения главы 9.1 ГК РФ не устанавливают указанных численных критериев: гражданско-правовое сообщество существует уже при наличии двух лиц, объединенных состоянием сообладания каким-либо правом. В этом усматривается отсутствие корреляции терминологического аппарата материального и процессуального права.

Во-вторых, главы АПК РФ и ГПК РФ о защите прав и интересов группы лиц посвящены разрешению споров, в которых каждому из членов группы противостоит конкретный субъект (общий ответчик), не являющийся членом этой группы, то есть субъект, внешний по отношению к этой группе. Например, в обозначенном порядке могут рассматриваться споры о взыскании компенсации за нарушение исключительного авторского права; по правилам главы 28.2 АПК РФ могут разрешаться вопросы о признании недействующим нормативного правового акта об интеллектуальных правах¹⁸; то есть споры «второго уровня». Большинство видов конфликтов, возникающих внутри общности, не представляется возможным разрешить в порядке главы 28.2 АПК РФ, так как требования членов сообщества могут носить «перекрестный», встречный характер, что будет исключать общность ответчика. Так, в общности сообладателей, состоящей из 20 соавторов, у каждого из них может возникнуть необходимость в заявлении требо-

¹⁷ О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Пленума ВС РФ от 23 июня 2015 г. № 25 // Российская газета. 2015. № 140.

¹⁸ О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами: постановление Пленума ВС РФ от 25 дек. 2018 г. № 50 // Российская газета. 2019. № 6.

вания об определении порядка использования произведения, но очевидно, что перечень соответчиков совпадать не будет, хотя будет иметь место общность правоотношения.

Из разъяснений Постановления № 25 следует, что по правилам главы о защите интересов группы лиц возможно разрешение спора о признании недействительным решения гражданско-правового сообщества. Однако порядок реализации такой возможности во многом остается неясным. Дискуссионным является вопрос о том, кто выступает ответчиком по искам об оспаривании решения собрания гражданско-правового сообщества: в ранее упомянутых разъяснениях ВС РФ указано лишь на то, что в случае, если сообщество является юридическим лицом, то оно и будет ответчиком в споре, а голосовавшие за принятие такого решения лица могут вступить в процесс в качестве третьих лиц, не заявляющих самостоятельные требования (п. 118 Постановления № 25). При этом не освещен вопрос о надлежащем ответчике в случае, если гражданско-правовое сообщество не является юридическим лицом, как это имеет место в случае сообладания исключительным авторским правом. В судебной практике единство позиций отсутствует и выработаны следующие подходы к определению надлежащего ответчика по такому иску:

– «граждане и юридические лица, по инициативе которых было проведено данное собрание либо руководившие собранием»¹⁹. В правоприменительной практике сформулирована следующая позиция: «в случае, если гражданско-правовое сообщество не является юридическим лицом, то документы, подтверждающие наличие кворума на собрании, должны находиться у лица, инициировавшего проведение собрания. Это же лицо является в таком случае надлежащим ответчиком по требованиям об оспаривании решений общего собрания»²⁰;

– все участники гражданско-правового сообщества. В одном из судебных актов сделан вывод о том, что «оспаривание решений общего собрания собственников без привлечения в качестве ответчиков самих собственников недопустимо»²¹;

¹⁹ Информационное письмо об актуальных вопросах практики рассмотрения дел об оспаривании решений общих собраний собственников помещений в многоквартирных домах, утв. Президиумом Свердловского областного суда 19.12.2018. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

²⁰ Определение Московского городского суда от 13.03.2019 г. № 4г-2571/2019 // ГАС «Правосудие».

²¹ Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 12.08.2019 № Ф04-3314/2019 по делу № А03-17118/2018; Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 27.01.2020 № 07АП-12742/19 по делу № А27-20696/2019. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

— «надлежащими ответчиками в таком споре могут быть все члены гражданско-правового сообщества, большинством голосов которых и было принято оспариваемое решение»²².

В науке отмечаются и иные несовершенства обозначенного процессуального института, в частности, непредоставление членам группы и их объединению права на обжалование судебного акта²³. Также в научной литературе фиксируется невостребованность института группового иска в связи с наличием многочисленных нормативных изъянов и отсутствием полноценной теоретической платформы для их эффективного устранения²⁴.

В-третьих, с учетом того, что обладатель исключительного авторского права имеет альтернативные способы защиты в случае его нарушения (п. 3 ст. 1252 ГК РФ), возможна ситуация, при которой часть сообладателей заявляет требование о компенсации, а часть — о возмещении убытков, что делает невозможным рассмотрение дела с участием всех сообладателей по правилам главы о защите интересов группы лиц из-за различия в выбранном способе защиты права (п. 4 ч. 1 ст. 244.20 ГПК РФ, п. 4 ч. 1 ст. 225.10 АПК РФ).

Представляется, что хотя некоторые споры с участием членов гражданско-правовой общности могут быть разрешены по правилам глав 22.3 ГПК РФ и 28.2 АПК РФ, в целом механизм защиты прав и интересов группы лиц, отраженный в указанных главах, не предназначен для разрешения споров внутри гражданско-правовой общности, так как не учитывает особенности реализации прав, осложненных множественностью лиц, и природу конфликта, возникающего между членами сообщества. Кроме того, имеются существенные технико-юридические недостатки глав процессуальных кодексов о защите прав и интересов группы лиц, которые препятствуют эффективной реализации права на судебную защиту, в том числе сообладателям исключительного авторского права. При этом за пределами специального процессуального регулирования в таком случае остаются конфликты, возникающие между членами гражданско-правового сообщества, которые не связаны с признанием решений сообщества недействительными.

²² Апелляционное определение Ставропольского краевого суда от 29.09.2015 по делу № 33-6389/2015. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

²³ См.: Ярков В., Кудрявцева Е., Малешин Д., Туманов Д., Смола А., Володарский Д., Сутормин Н., Кондрашов И., Бирюков В., Бевзенко Р., Авилкин В., Фаст И., Молчанов А. Групповые иски в цивилистическом процессе России // Закон. 2019. № 8. С. 24–43.

²⁴ Шайхутдинова А. И. Групповые (коллективные) иски в гражданском судопроизводстве России и Бразилии: сравнительно-правовое исследование // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 5. С. 108–124.

2. Соучастие

Процессуальное соучастие является традиционной формой участия со-обладателей исключительного авторского права при разрешении споров, возникающих в связи с осуществлением и распоряжением принадлежащим правом. Так, в п. 69 Постановления Пленума ВС РФ № 10 разъяснено, что соавторы также вправе вступить в качестве соистцов в дело о взыскании компенсации за нарушение исключительного авторского права, осложненного множественностью лиц. В отличие от правил рассмотрения, предусмотренных статьями 22.3 ГПК РФ и 28.2 АПК РФ, при соучастии в рамках общего искового производства соправообладатели не связаны волеизъявлением других членов гражданско-правового сообщества²⁵, не требуется учет повышенного количественного критерия, и достаточным является только соответствие требованиям части 2 статьи 40 ГПК РФ, части 2 статьи 46 АПК РФ: общность права, общность основания, однородность предмета.

Кроме того, разъяснения, содержащиеся в пункте 69 Постановления Пленума ВС РФ № 10, содержат упоминание о ситуации, когда имеет место нарушение исключительного права на произведение, созданное в режиме нераздельного соавторства. В таком случае суду необходимо определять общий размер компенсации за допущенное нарушение и долю, причитающуюся истцу, а также привлекать иных соавторов в качестве третьих лиц, допускать возможность их вступления в дело в качестве соистца. Однако обозначенные правила должны применяться независимо от режима, в котором создано произведение. В отношении объектов авторского права, созданных в раздельном соавторстве, исключительное право каждого из соавторов не исчерпывается только лишь правом на использование созданной им части произведения, оно относится и ко всему произведению в целом (ст. 1258 ГК РФ).

Полагаем, что институт процессуального соучастия востребован в большей степени при рассмотрении споров второго уровня, если участие в нем принимает относительно небольшое количество лиц. Однако может потребоваться разрешение спора внутри правовой общности между двумя со-обладателями, которыми и исчерпывается сообщество. Тогда нормы о процессуальном соучастии будут неприменимы.

3. Применение главы АПК РФ о корпоративных спорах к спорам внутри гражданско-правового сообщества по аналогии

До вступления в силу главы 22.3 ГПК РФ наличие пробела в отношении рассмотрения споров о признании решения собрания гражданско-правового сообщества недействительным восполнялось через обращение к

²⁵ См.: Лукьянова И. Н. Доступ к правосудию больших групп лиц // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 9. С. 26–33.

аналогии закона, на возможность применения которой имелось указание в пункте 113 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25. Однако данные разъяснения касались только рассмотрения споров о признании решений собраний недействительными и не затрагивали вопросы о разрешении конфликтов между участниками гражданско-правового сообщества, не связанных с принятыми решениями. При этом отношения между членами гражданско-правового сообщества обладают существенной спецификой, вызванной нахождением в состоянии сообладания одним правом, а именно: необходимостью согласования воли и совместного определения юридической судьбы общего права, что может провоцировать возникновение споров при наличии разноречивых интересов членов сообщества. Разобщенность воли при общности права может привести к невозможности его осуществления, распоряжения им. Поэтому формирование массива материальных норм, минимизирующих вероятность возникновения конфликта в общности, должно дополняться эффективным процессуальным механизмом разрешения уже возникшего в такой общности конфликта.

В связи с отсутствием специального регулирования разрешения споров, возникающих внутри общности сообладателей исключительного авторского права, мыслится возможным использование аналогии закона в части:

- применения обеспечительных мер. Те меры, что перечислены в ст. 225.6 АПК РФ, будут трансформированы в наложение ареста на долю в исключительном авторском праве; запрещение совершения сделок в отношении этой доли; запрет на принятие гражданско-правовым сообществом решений, относящихся к предмету спора; запрещение гражданско-правовому сообществу, его членам, а также иным лицам исполнять решения, принятые гражданско-правовым сообществом.

- способов защиты права и соответствующих правил рассмотрения. Например, иски, в которых заявлено требование о понуждении юридического лица созвать общее собрание его членов рассматривается по особым правилам (ст. 225.7 АПК РФ). Данный механизм видится эффективным и удобным для применения и к иным гражданско-правовым сообществам, так как сроки рассмотрения дел по данным требованиям являются сокращенными и не превышают месяц со дня поступления иска в суд, а решение подлежит немедленному исполнению.

Применение аналогии правил главы 28.1 АПК РФ к рассмотрению дел по спорам внутри гражданско-правового сообщества представляется допустимым, если положения главы о корпоративных спорах не противоречат существу отношений, возникших между участниками гражданско-правового сообщества. Например, невозможно будет применение аналогии с подпунктом 5 части 3 статьи 225.6, статьей. 225.3 АПК РФ и др.

III. Распределение бремени доказывания, применимость специализированных норм

Роль специализированных норм, в частности норм-принципов и норм-презумпций, подробно исследована в науке процессуального права²⁶. Выступая канвой процессуальной материи, специализированные нормы обеспечивают единство правоприменения. Однако в юридической литературе справедливо отмечается наличие неопределенности в разрешениях споров о защите исключительного авторского права²⁷, а также указывается на то, что «нет ясности в вопросах о том, на основе каких принципов должны разрешаться споры между соавторами и соправообладателями»²⁸, что неблагоприятно сказывается на реализации сообладателями права на защиту.

Рассмотрение споров, как первого, так и второго уровня, безусловно, должно основываться на общих началах гражданского и арбитражного судопроизводства, однако, с применением следующих специализированных норм:

– принцип предоставления возможности самостоятельной (единоличной) защиты гражданских прав. Установление правила о возможности самостоятельной реализации мер по защите каждым из сообладателей исключительного авторского права является одним из проявлений принципов обеспечения беспрепятственного осуществления гражданских прав и их судебной защиты. Положение о предоставлении соправообладателю права самостоятельного принятия мер по защите своих прав провозглашено во многих правовых актах. Такая норма закреплена в статье 9 Закона Республики Беларусь № 262-З от 17 мая 2011 г. «Об авторском праве и смежных правах»²⁹, статье 11 Закона Украины № 3792-XII от 23 декабря 1993 г. «Об авторском праве и смежных правах»³⁰, статье 9 Закона Азербайджанской Республики «Об авторском праве и смежных правах»³¹, статье 9 Закона Латвии

²⁶ См.: *Сериков Ю. А.* Презумпции в гражданском судопроизводстве / науч. ред. В. В. Ярков. М.: Волтерс Клувер, 2008; *Демичев А. А.* Принципы гражданского процессуального права РФ: проблемы сущности и классификации // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2005. № 10. С. 130–134.

²⁷ *Матвеев А. Г.* Дискреционное право суда изменять вид компенсации за нарушение исключительного права // Пермский юридический альманах. 2018. № 1. С. 248–253.

²⁸ *Сергеев А. П.* Применение правил раздела 2 «Право собственности и другие вещные права» Гражданского кодекса РФ к отношениям интеллектуальной собственности // Закон. 2018. № 12. С. 87–95.

²⁹ Об авторском праве и смежных правах: Закон Республики Беларусь от 17 мая 2011 г. № 262-З. URL: <https://wipolex.wipo.int/ru/text/436596>.

³⁰ Об авторском праве и смежных правах» (с изменениями от 27.04.2017): Закон Украины от 23 дек. 1993 г. № 3792-XII. URL: <https://wipolex.wipo.int/ru/legislation/details/16942>.

³¹ Об авторском праве и смежных правах (с изменениями, внесенными Законом № 636-IVQD от 30.04.2013): Закон Азербайджанской Республики. URL: <https://wipolex.wipo.int/ru/legislation/details/1397>.

«Об авторском праве»³². Однако в некоторых зарубежных правовых системах такое право не является безусловным: из статьи 8 Закона «Об авторских и смежных правах» Германии³³ следует, что каждый соавтор имеет право предъявлять претензии, вытекающие из нарушения совместного авторского права, но он может требовать исполнения только в отношении всех соавторов. Также в некоторых правовых системах норма о самостоятельной защите права не является императивной, и иное правило может быть установлено соглашением сторон (например, ст. 10 Закона Республики Казахстан № 6-І от 10.06.1996 г. «Об авторском праве и смежных правах»³⁴). В рамках российской системы права на императивность обозначенного законоположения неоднократно указывалось как в научных трудах, так и судебной практике. Обоснованным видится утверждение В. В. Гришечкина о том, что правило об осуществлении права на защиту по своему усмотрению «должно применяться в любом абсолютном правоотношении, усложненном множественностью лиц»³⁵. По мысли К. С. Митягина, «каждый правообладатель может самостоятельно осуществлять защиту своего права, поскольку это также форма реализации права абсолютного характера. При этом закон не допускает изменения этого правила соглашением сторон. И даже если один из правообладателей в силу закона или заключенного с другими правообладателями соглашения не может использовать РИД, распоряжаться правом или получать доход, то защищать право он может в любом случае»³⁶. Аналогичную позицию высказывает В.И. Еременко³⁷. В пункте 35 Постановления Пленума ВС РФ № 10 разъяснено, что «каждый из правообладателей вправе самостоятельно принимать меры по защите своих прав на результат интеллектуальной деятельности или на средство индивидуализации, и их соглашением это правило изменено быть не может»;

³² Autortiesību likums 2000 (Ar grozījumiem: 13.12.2018). URL: <https://wipolex.wipo.int/ru/legislation/details/18546>.

³³ Act on Copyright and Related Rights (Copyright Act, as amended up to Act of September 1, 2017). URL: <https://wipolex.wipo.int/ru/legislation/details/17676>.

³⁴ Об авторском праве и смежных правах» (с изменениями, внесенными Законом Республики Казахстан № 161-VI от 20.06.2018); Закон Республики Казахстан № 6-І от 10.06.1996 г. URL: <https://wipolex.wipo.int/ru/legislation/details/1929>.

³⁵ Гришечкин В. В. Особенности защиты участниками правовой общности в абсолютных гражданских правоотношениях своих прав от внешних посягательств // Юрист. 2016. № 21. С. 32–35.

³⁶ Митягин К. С. Теоретические и практические аспекты совместного обладания правами на интеллектуальную собственность // Закон. 2018. № 8. С. 137–149.

³⁷ Еременко В. И. Правовая охрана селекционных достижений в Российской Федерации // Законодательство и экономика. 2015. № 1. С. 34–67; № 2. С. 7–27.

– принцип строгой альтернативности единоличной и коллективной защиты (из-за недопустимости тождества исков), который вытекает из частей 4–7 статьи 225.16 АПК РФ, частей 3–6 статьи 244.25 ГПК РФ.

– в ходе разрешения споров второго уровня судами применяются принципы индивидуализации вины, а также недопущения многократного привлечения лица к ответственности за одно и то же правонарушение (абз. 3 п. 5 Постановления Пленума ВАС РФ № 51 от 18.07.2014 г.)³⁸. Однако они должны применяться и для конфликтов, возникающих внутри общности.

– значимым видится введение обязанности информирования членов гражданско-правовой общности об инициировании судебного разбирательства по вопросам, затрагивающим права и интересы гражданско-правовой общности и/или ее членов. Такая обязанность должна быть возложена на лицо, инициировавшее такое разбирательство.

При разрешении споров второго уровня значение приобретает применение принципа локализации негативных последствий внутри правовой общности³⁹, сформулированного В.В. Гришечкиным.

При рассмотрении споров, возникших внутри правовой общности, также следует руководствоваться следующим:

– обоснованность запрета на использование произведения должен доказать соавтор, запретивший использование. То есть следует установить презумпцию необоснованности запрета использования произведения. Обратное правило привело бы к возложению на истцов, требующих не препятствовать в использовании произведения, доказывания «отрицательного факта» — отсутствия обоснованности запрета, что негативно оценивается в научных трудах, так как такая конструкция нормы приводит к злоупотреблениям;

– суд должен исходить из безусловности удовлетворения требования сообладателя исключительного права о собственном выходе из гражданско-правового сообщества: вынужденное нахождение лица в отношении сообладания имеет лишь негативные последствия в виде конфликтов внутри общности и парализации осуществления права всеми членами гражданско-правовой общности. А установление барьеров для выхода из сообщества нарушает право лица на свободное определение отношений, в которых оно желает состоять.

³⁸ Карасева С. Ю. Обзор практики рассмотрения дел Президиумом Высшего Арбитражного Суда РФ. 2014. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³⁹ Гришечкин В. В. Правовая общность в абсолютных имущественных правоотношениях: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2017. С. 10, 72.

Изложенное свидетельствует о необходимости создания нормативно-правовой платформы *sui generis*, позволяющей учитывать специфику института сообладания исключительным авторским правом при рассмотрении споров, возникающих внутри гражданско-правовой общности, включающей:

- условия рассмотрения иска в обозначенной специальной процессуальной форме (истец (истцы) и ответчик (ответчики) являются участниками гражданско-правовой общности, без предъявления количественного ценза; спор возник в связи с созданием, участием или прекращением участия в правовой общности);
- специализированные нормы, поименованные в разделе III статьи;
- особые обеспечительные меры, названные в пункте 3 раздела II.

Библиографический список

Вайпан Г. В. Приватизация и аренда государственных и муниципальных земельных участков собственниками строений: единолично или совместно? // Право и экономика. 2010. № 11.

Гришаев С. П. Соавторство при создании результатов интеллектуальной деятельности. 2011. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Гришечкин В. В. Особенности защиты участниками правовой общности в абсолютных гражданских правоотношениях своих прав от внешних посягательств // Юрист. 2016. № 21.

Гришечкин В. В. Правовая общность в абсолютных имущественных правоотношениях: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2017.

Демичев А. А. Принципы гражданского процессуального права РФ: проблемы сущности и классификации // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2005. № 10.

Еременко В. И. Правовая охрана селекционных достижений в Российской Федерации // Законодательство и экономика. 2015. № 1; № 2.

Зимелева М. В. Общая собственность в советском гражданском праве / // Ученые записки / Всесоюзный институт юридических наук НКЮ СССР. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1941. Выпуск II.

Карасева С. Ю. Обзор практики рассмотрения дел Президиумом Высшего Арбитражного Суда РФ. 2014. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Лукьянова И. Н. Доступ к правосудию больших групп лиц // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 9.

Матвеев А. Г. Дискреционное право суда изменять вид компенсации за нарушение исключительного права // Пермский юридический альманах. 2018. № 1.

Митягин К. С. Теоретические и практические аспекты совместного обладания правами на интеллектуальную собственность // Закон. 2018. № 8.

Сергеев А. П. Применение правил раздела II «Право собственности и другие вещные права» Гражданского кодекса РФ к отношениям интеллектуальной собственности // Закон. 2018. № 12.

Серигов Ю. А. Презумпции в гражданском судопроизводстве / науч. ред. В.В. Ярков. М.: Волтерс Клувер, 2008.

Шайхутдинова А. И. Групповые (коллективные) иски в гражданском судопроизводстве России и Бразилии: сравнительно-правовое исследование // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 5.

Ярков В., Кудрявцева Е., Малешин Д., Туманов Д., Смола А., Володарский Д., Сутормин Н., Кондрашов И., Бирюков В., Бевзенко Р., Авилкин В., Фаст И., Молчанов А. Групповые иски в цивилистическом процессе России // Закон. 2019. № 8.

Adams J., Pendlebury D., Potter R., Szomszor M. Global Research Report Multi-authorship and research analytics. Clarivate Analytics, 2019. URL: https://clarivate.com/webofsciencgroup/wp-content/uploads/sites/2/dlm_uploads/2019/12/WS419558643_ISI_Global_Research_Report_6_v9_RGB_SP.pdf.

Kumar S. Ethical Concerns in the Rise of Co-Authorship and Its Role as a Proxy of Research Collaborations // Publications. 2018. № 6.

Информация для цитирования

Ex
jure

Мартьянова Е. Ю. Судебный порядок разрешения споров о защите прав сообладателей исключительного авторского права // *Ex jure*. 2021. № 1. С. 114–130. DOI: 10.17072/2619-0648-2021-1-114-130.

Martyanova E. Yu. Judicial Procedure for Resolving Disputes on the Protection of the Rights of Co-Owners of Exclusive Copyright. *Ex jure*. 2021. № 1. Pp. 114–130. (In Russ.). DOI: 10.17072/2619-0648-2021-1-114-130.

УДК 34(091)(37)+347.22-043.86

DOI: 10.17072/2619-0648-2021-1-131-138

ПРАВО ПРОЖИВАНИЯ В РИМСКОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ И РЕФОРМИРОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ВЕЩНЫХ ПРАВАХ

Т. П. Строгонова

Старший преподаватель кафедры гражданского права

Пермский государственный
национальный исследовательский университета
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

E-mail: stp4@mail.ru

Аннотация: значение римского права для реформирования гражданского законодательства велико, так как большинство понятий и принципов нашло свое достойное применение в системе действующего законодательства. Поэтому в своей статье автор обращается к римскому частному праву с целью определить, является ли право проживания в римском праве «прародителем» права членов семьи собственника на жилое помещение в действующем гражданском законодательстве. В этой связи исследуется вопрос правовой природы права проживания и его место в системе ограниченных вещных прав Древнего Рима. Источником исследований стали Дигесты Юстиниана и труды ученых-романистов. Итогом проведенной работы является резюме автора о разной правовой природе этих прав, в том числе причиной такого вывода стал проект изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации в части регулирования ограниченных вещных прав.

Ключевые слова: право проживания; право на жилое помещение; вещное право; римское частное право; гражданское законодательство

© Строгонова Т. П., 2021

THE RIGHT OF RESIDENCE IN ROMAN PRIVATE LAW AND REFORMATION OF PROPERTY RIGHTS LEGISLATION

T. P. Strogonova

Perm State University
15, Bukireva st., Perm, Russia, 614990

E-mail: stp4@mail.ru

Annotation: *the importance of Roman law for the reformation of the civil legislation is great, since most of the concepts and principles have found their worthy application in the system of current legislation. Therefore, in the article, the author refers to Roman private law in order to determine whether the right of residence in Roman law can be considered as the "progenitor" of the owner's family members rights to a housing in the current civil legislation. In this regard, the issue of the legal nature of the right of residence and its place in the system of limited property rights of Ancient Rome is investigated. The sources of research were the Digests of Justinian and the works of scholars-novelists. The result of this research is the author's summary on the different legal nature of these rights, in particular, the reason for this conclusion is the draft amendments to the Civil Code of the Russian Federation in part of regulation of limited property rights.*

Keywords: *right of residence; right to housing; property law; Roman private law; civil law*

Обращение автора к истории, а в частности, к римскому праву, имеет своей целью, в конечном счете, на основе анализа института проживания определить его значение для реформирования законодательства, регулирующего вещные отношения на современном этапе. В настоящее время широко обсуждается проект изменений в Гражданском кодексе Российской Федерации (далее – ГК РФ), касающийся регулирования вещных прав¹. Научная мысль неоднократно обращалась к теме вещных прав, в частности к вещным правам на жилые помещения, используя при этом опыт исследований в области римского права. Представители цивилистической науки почти единогласно считали такое ограниченное право Древнего Рима, как *habitation* (право проживания), прародителем правового положения членов семьи собственника жилого помещения, и тем самым определяя правовую природу этих прав как прав вещных. Такая позиция не совсем согласуется с представленным в Государственную Думу проектом изменений в ГК РФ, касающихся регулирования ограниченных вещных прав.

¹ URL: <http://privlaw.ru/sovet-po-kodifikacii/2019-1/obzor2019-12/>.

Поэтому, в первую очередь имеет смысл рассмотреть институт права проживания в римском праве, так как, по словам Г. Д. Бермана и Ч. Д. Рейда, римское право следует рассматривать, прежде всего, как «развивающуюся составную эволюции правовой традиции...»².

Как юридический термин право проживания представляет собой соответствующий латинизм: *jus in re*, *jus in rem*³.

Право проживания возникло в римском частном праве, где наряду с такими правами как право собственности и право владения узаконены специальные вещные права, к примеру «права на чужие вещи».

Соотнесение их с правом собственности повлекло за собой укоренение в цивилистике интерпретации специальных вещных прав как ограниченных или так называемых «парциарных», то есть частичных. Их отличительная особенность складывается в конкуренции с правом собственности, хотя они и подразумевают ограничение правомочий собственника и даже предполагают возможность существования собственности другого лица на ту же самую вещь, отсюда и наименование – права на чужие вещи (*iura in re aliena*)⁴.

Таким образом, правам на чужие вещи в Древнем Риме можно дать следующую характеристику: первое, в отличие от права собственности, это ограниченное содержание правомочий, и второе – презумпция наличия собственности на ту же самую вещь другого лица⁵.

Для того чтобы раскрыть содержание права проживания, необходимо определить место ограниченных вещных прав в Древнем Риме и определить место в этой классификации *habitation*, необходимо сделать несколько оговорок: во-первых, само римское право и его институты, в том числе институт вещных прав, претерпевало за время своего развития большие изменения. Римское право со времени зарождения «являло собою несложную, во многом архаическую систему, проникнутую патриархальным и узконациональным характером. И если бы оно осталось на этой стадии, оно, конечно, было бы давным-давно затеряно в архивах истории»⁶. Каждая эпоха приносила в римское право что-то новое, наполняющего его, по словам И. А. Покровского, «универсальностью» и «индивидуализмом». Свое окончательное завершение римское право нашло в знамени том своде императора Юстиниана – «Corpus Juris Civilis»; Во-вторых, сами Дигесты Юстиниана не представляли собой единой,

² Берман Г. Д., Рейд Ч. Д. Римское право и общее право Европы // Государство и право. 1994. № 12. С. 103–109.

³ Словарь юридических фраз и выражений. М., 1995.

⁴ Дождев Д. В. Римское частное право. М.: Инфра М-Норма, 1999. С. 444.

⁵ Щенникова Л. В. Вещное право: учеб. пособие. Пермь: Изд-во Пермского университета, 2001. С. 115–116.

⁶ Покровский И. А. История римского права. Классика российской цивилистики. [Электронный документ]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

стройной и целостной системой частного права, отличающейся юридической ясностью и прочностью, отсюда проистекает противоречивость и неоднозначность научных толкований различных институтов римского права.

Римское право различало сервитуты личные и вещные⁷. Первично сервитуты, в понимании права на чужую вещь, развились в рамках отношений землепользования. В последующем, когда сервитуты стали распространяться на другие вещи, помимо земли, их стали подразделять на виды – личные и земельные. «По сравнению с вещными, личные сервитуты обладали той особенностью, что приурочивались к определенному субъекту и сохранялись не бессрочно, а во всяком случае не дольше жизни управомоченного»⁸.

Личные сервитуты возникли в конце предклассического периода и «существуют уже в полной мере во второй половине республики»⁹.

Большинство авторов подразделяет личные сервитуты на узупфрукт (*usu-sfructus*), пользование (*usus*), проживание (*habitation*), пользование рабом или животным (*operae servorum vel animalium*)¹⁰, однако есть и противники общепринятой классификации личных сервитутов. Например, С. А. Муромцев¹¹ и З. М. Черниловский¹² пользование (*usus*), проживание (*habitation*), пользование рабом или животным (*operae servorum vel animalium*) рассматривали как разновидность узупфрукта. В. А. Савельев относил сервитут к особому вещному праву, так как «узупфрукт в римском классическом праве ни в коем случае не являлся ни личным сервитутом, ни сервитутом вообще»¹³. Очевидно, что единообразного понимания правовой природы узупфрукта в римском праве не существовало, и, что интересно, такого не наблюдалось как у разных юристов одного периода, так и у отдельных юристов в разные временные периоды деятельности. Примерно такова же была судьба и у *habitation*.

Для таких категорий прав, как, например, право проживания в чужом доме или право пожизненного в нем обитания, в том числе и в части

⁷ В литературе вещные сервитуты различные авторы именуют и как земельные, например: Санфилиппо Ч. Курс римского частного права. М.: Издательство БЕК, 2002. С. 194; Подопригора А.А. Основы римского гражданского права. Киев: Выща шк, 1990. С. 151; предиальные, например: Покровский И.А. История римского права; реальными, например: Пухан И. Римское право: Базовый учебник. М.: Зерцало, 1999. С. 179.

⁸ Иоффе О.С. Основы римского гражданского права. Изд-во ЛГУ, 1974. С. 84.

⁹ Покровский И. А. Указ. соч.

¹⁰ См., например: Подопригора А. А. Основы римского гражданского права. Киев: Выща шк, 1990. С. 154–155; Пухан И. Римское право: Базовый учебник. М.: Зерцало, 1999. С. 183–184; Иоффе О. С. Основы римского гражданского права. М.: Изд-во ЛГУ, 1974. С. 84; Хутых М. Х. Римское частное право. М.: Былина, 1994. С. 93; Санфилиппо Ч. Курс римского частного права. М.: Издательство БЕК, 2002. С. 194.

¹¹ Муромцев С. А. Гражданское право Древнего Рима // Доступ из справ.- правовой системы «Гарант».

¹² Черниловский З. М. Лекции по римскому частному праву. М.: Юрид. лит., 1991. С. 119.

¹³ Савельев В. А. Действующее право собственности и некоторые сложноструктурные модели собственности // Государство и право. 2001. № 9. С. 20.

дома¹⁴; право на личное пользование жилищем¹⁵, применялся упомянутый выше термин *habitation*. Предположительно, данное право возникло «в связи с толкованием завещательных распоряжений»¹⁶.

Наиболее распространенными были две точки зрения:

1) *Habitation* как узуфрукт. Носитель права может сдавать недвижимость другим людям и получать за это так называемые «цивильные плоды» (то есть квартплату).

2) *Habitatio* как пользование (*usus*). Носитель права может пользоваться «цивильными плодами» только при условии проживания в доме лично или с семьей либо бесплатно принимая в нем своих друзей¹⁷.

Тем не менее, *habitatio* как категория, как право на личное пользование жилищем в предклассический и классический периоды: «было одним из вариантов права пользования и носило строго персональный характер»¹⁸. Передача другим лицам жилья (D. 7, 8, 8), равно как и возможность подселять к себе кого-либо или принимать гостей (D. 7, 8, 7), была не возможна. Обязанности по ремонту жилища ложились на собственника. Несколько позднее *habitation* утрачивает черты голого пользования и наполняется новым содержанием: субъект *habitatio* может принимать гостей, предоставить пользование мужу (жене), свекру, детям, невестке и т. п.

При Юстиниане *habitatio* стало самостоятельным правом и было включено в число *servitutes personarum* (личных сервитутов). В Дигестах Юстиниана титул 8 книги 7 называется «О пользовании и проживании» (*De usu et habitatione*)¹⁹. *Habitatio* выделялось в отдельный вид личных сервитутов по причине того, что право проживания было частным предметом установления сервитутов. Как отмечал Г. Ф. Пухта, римские юристы не стали применять к данному определению (*habitation*) принципы уже существующих сервитутов. В этой связи к новому выражению стало применяться и новое, особое гражданское право²⁰, первоначально появившееся не по закону, а по завещаниям. Таким образом, *habitatio* в римском праве – это личный сервитут.

Выяснив место *habitatio* в системе вещных прав в римском праве, перейдем к его непосредственной характеристике.

Содержание права проживания *habitatio* не оставалось неизменным, оно постоянно расширялось.

Изначально в предклассический и классический периоды *habitatio* было приближено к праву пользования (*usus*) и носило строго персональный харак-

¹⁴ Римское частное право / под ред. И. Б. Новицкого, И. С. Перетерского. М.: Юриспруденция. 1999. С. 200.

¹⁵ Там же. С. 465.

¹⁶ Хутиыз М. Х. Римское частное право. М.: Былина. 1994. С. 93.

¹⁷ Там же. С. 204.

¹⁸ Дождев Д. В. Указ. соч. С. 456.

¹⁹ Дигесты Юстиниана / отв. ред. Е. А. Скрипилев. М.: Наука, 1984. С. 155.

²⁰ Пухан И., Поленак-Акимовская М. Римское право. М.: Зерцало, 1999. С. 184.

тер. Субъект *habitatio* не имел права поселить в доме других лиц (даже близких родственников), передать жилье другим²¹. Пользоваться следовало так, чтоб не изменять назначения чужого жилища. Улучшать жилище можно, но при этом субъект права проживания не должен создавать чего-то нового²². Право на проживание было бесплатным, а также срочным или пожизненным.

Habitatio было оформлено в самостоятельное вещное право при императоре Юстиниане (правившем в 527–565 гг.). Именно тогда легатария, получившему право на жилище, было дозволено сдавать его в аренду за плату²³.

Причиной появления *habitatio* в римском праве, по словам Муромцева, явилось желание завещателей «даровать сервитутное право лицам, лишенным гражданской правоспособности» с целью «обхода закона». Применение этого института в римский период было «чрезвычайно трудно в отсутствие специальных правил – условий применения»²⁴.

Как уже отмечалось, *habitatio* изначально в большинстве случаев закреплялось за лицами двумя способами, с помощью завещания или легата, где универсальным наследникам передавалось в собственность дом или же его часть, а сингулярным наследникам доставалось право проживания в подобных жилищах. Позже данное право стало возникать в силу закона. Исследователи римского права выделяют отличия *habitatio*, при этом ссылаясь на то, что во всем остальном оно было подобно узуфрукту²⁵. Следовательно, к *habitatio* можно применить способы возникновения узуфрукта. Помимо двух названных, еще одним способом будет назначение *habitatio* посредством вынесения судебного решения о разделе наследства и о разделе общего имущества в случае, если судья присудит одной стороне собственность, а другой – *habitatio*. (D. 7, 1, 6)²⁶.

Исходя из таких же соображений, основания прекращения узуфрукта распространяем на *habitatio*, за исключением особенностей, присущих ему²⁷.

Как указывает З. М. Черниловский, хрестоматийным примером *habitatio* будет ситуация, где наследодатель передает личной служанке или кормилице одну комнату в доме для возможности ее пожизненного проживания²⁸.

Что касается защиты *habitatio*, то претор предоставляет интердикт или иск, связанный с защитой сервитута во всех его формах²⁹. Следовательно, такое предоставление претора распространяется и на *habitatio* как один из видов личного сервитута.

²¹ Формакидов Д. А. История становления и развития законодательства о вещном праве проживания: учеб. пособие по спецкурсу. Пермь: Перм.ун-т., 2005. С. 11.

²² Там же. С. 13.

²³ Там же. С. 14.

²⁴ Щенникова Л. В. Указ. соч. С. 217–218. Там же. С. 218.

²⁵ Пухан И., Поленак-Акимовская М. Указ. соч. С. 184.

²⁶ Римское частное право. Указ. соч. С. 200.

²⁷ См.: Дигесты Юстиниана / отв. ред. Е. А. Скрипилев. С. 141.

²⁸ Черниловский З. М. Указ. соч. С. 126–127.

²⁹ Там же.

Таким образом, *habitatio* в римском праве характеризовалось, во-первых, как право пожизненного бесплатного проживания в чужом доме или части дома субъекту права или его семье; во-вторых, как разновидность личного сервитута; в-третьих, как изначально возникшее на основании легата; в-четвертых, как право, все более расширяющееся с течением времени, при этом самым широким правомочием субъекта права проживания была возможность сдавать жилище в аренду за плату; в-пятых, как не прекращающееся ни вследствие длительного не использования, ни вследствие умаления правоспособности; в-шестых, как пользующееся защитой претора.

Однако *habitatio* не получило полного и четкого регулирования в римском праве, но было необходимо как используемая конструкция в связи с «благой целью», для осуществления которой предназначалось.

В период рецепции римского права в Западной Европе право пользования жилым помещением получило дальнейшую проработку. Но во Франции в эпоху революции, а в других европейских странах в течение XIX века значительное большинство наследованных римских институтов было уничтожено (прямо или путем обязательного выкупа), а вместе с тем пали многие из средневековых типов прав на чужие вещи. «Тем не менее, запас их был так велик, что даже то, что сохранилось, представляет систему гораздо более обширную и сложную, чем система римского права. Некоторые из этих старых юридических фигур оказались при известных модификациях пригодными для обслуживания новых хозяйственных потребностей и нашли себе поэтому место в новейших кодификациях» – пишет об этом И. А. Покровский³⁰.

Поэтому основным объектом заимствованного в германском праве, главным образом, являлся сервитут. В отношении же *habitatio* авторы Германского Уложения усмотрели в них только пережиток давно забытых, исторических хозяйственных стадий, приговоренных к полному исчезновению, и по этой причине не стали упоминать в кодексе³¹. Точно также не упоминает о нем известное Швейцарское Уложение.

Применительно к реформированию российской системы вещных прав *habitation*, скорее всего, является «прародителем» современного узуфрукта (права личного пользования), возникшего на основании завещания собственника недвижимого имущества (ст. 302-2 проекта ГК РФ)³². Трудно согласиться в этой связи с авторами, проводящими параллель между *habitatio* и *правами членов семьи собственника жилого помещения*, так как это разные по своей правовой природе и содержанию права на жилое помещение. Этой логике, на наш взгляд, придерживаются разработчики проекта изменений в ГК РФ, касающиеся регулирования вещных прав.

³⁰ Покровский И.А. Указ. соч. С.209.

³¹ Geist des römischen Rechts. Bd. II. Th. I. (1894). S. 227.

³² URL: <https://docviewer.yandex.ru/view/>.

Библиографический список

- Берман Г. Д., Рейд Ч. Д.* Римское право и общее право Европы // Государство и право. 1994. № 12.
- Дигесты Юстиниана* / отв. ред. Е. А. Скрипилев. М.: Наука, 1984.
- Дождев Д. В.* Римское частное право. М.: Инфра М-Норма, 1999.
- Иоффе О. С.* Основы римского гражданского права. М.: Изд-во ЛГУ, 1974.
- Муромцев С. А.* Гражданское право Древнего Рима // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
- Подопригора А. А.* Основы римского гражданского права. Киев: Выща шк, 1990.
- Покровский И. А.* История римского права. Классика российской цивилистики. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- Пухан И., Поленак-Акимовская М.* Римское право. М.: Зерцало, 1999.
- Римское частное право* / под ред. И. Б. Новицкого, И. С. Перетерского. М.: Юриспруденция. 1999.
- Савельев В. А.* Действующее право собственности и некоторые сложно-структурные модели собственности // Государство и право. 2001. № 9.
- Санфилиппо Ч.* Курс римского частного права. М.: Издательство БЕК, 2002.
- Словарь юридических фраз и выражений.* М., 1995.
- Формакидов Д. А.* История становления и развития законодательства о вещном праве проживания: учеб. пособие по спецкурсу. Пермь: Перм. ун-т, 2005.
- Хутыз М. Х.* Римское частное право. М.: Былина. 1994.
- Черниловский З. М.* Лекции по римскому частному праву. М.: Юрид. лит., 1991.
- Щенникова Л. В.* Вещное право: учеб. пособие. Пермь: Изд-во Пермского университета, 2001.
- Geist des romischen Rechts.* Bd. II. Th. I. (1894).

Информация для цитирования

- Строгонова Т. П.* Право проживания в римском частном праве и реформирование законодательства о вещных правах // Ex jure. 2021. № 1. С. 131–138. DOI: 10.17072/2619-0648-2021-1-131-138.
- Strogonova T. P.* The Right of Residence in Roman Private Law and Reformation of Property Rights Legislation. *Ex jure*. 2021. № 1. Pp. 131–138. (In Russ.). DOI: 10.17072/2619-0648-2021-1-131-138.

УДК 347.001.8-043.5

DOI: 10.17072/2619-0648-2021-1-139-151

ЮРИДИЧЕСКИ ЗНАЧИМОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В КАТЕГОРИАЛЬНОМ АППАРАТЕ РОССИЙСКОГО ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта №20-311-90007

А. А. Федосеев

Аспирант кафедры предпринимательского права,
гражданского и арбитражного процесса

Пермский государственный
национальный исследовательский университет
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

E-mail: aleksander-f1@yandex.ru

Аннотация: социальное сотрудничество, став предметом гражданско-правового регулирования в качестве принципа содействия (сотрудничества) сторон обязательства, приобрело юридическое значение. Успешное функционирование принципа содействия стало предпосылкой к появлению предложений расширить сферу действия данного принципа на все регулируемые гражданским правом общественные отношения. По мнению автора настоящей статьи, специфика иных, помимо обязательственных, правоотношений дает основания полагать, что не все императивы рассматриваемого принципа будут также эффективны и полезны при отраслевом регулировании. В связи с этим, прежде чем формулировать принцип сотрудничества в качестве отраслевого принципа, необходимо провести более детальное исследование юридически значимого сотрудничества как категории гражданского права. В статье автор анализирует содержание данной категории, пытаясь обнаружить в ней самостоятельные элементы, которые позволят лучше понять феномен юридически значимого сотрудничества и определить его

© Федосеев А. А., 2021

регулятивный потенциал. В результате автор приходит к выводу о том, что содержание юридически значимого социального сотрудничества распадается на три самостоятельные категории – сотрудничество-состояние, сотрудничество действием и информационное сотрудничество.

Ключевые слова: социальное сотрудничество, юридически значимое сотрудничество, принцип сотрудничества, принцип содействия, информационное сотрудничество

THE LEGALLY SIGNIFICANT COOPERATION IN THE CATEGORICAL SYSTEM OF RUSSIAN CIVIL LAW

The reported study was funded by RFBR according to the research project №20-311-90007

A. A. Fedoseev

Perm State University

15, Bukireva st., Perm, Russia, 614990

E-mail: aleksander-fl@yandex.ru

Abstract: *social cooperation acquired legal significance when it became regulated by civil law as the principle of assistance (cooperation) to the parties to the obligation. The successful operation of this principle became a prerequisite for appearance of proposals to extend the scope of this principle to all civil relations. According to the author of the article, the specificity of civil legal relations, except for obligation relations, gives reason to believe, that not all imperatives of analyzing principle would be effective and useful in general civil regulations too. Therefore, before formulating the principle of cooperation, as a general principle of Russian civil law, it is necessary to conduct a more detailed study of the legally significant cooperation as a category of civil law. The author analyzes the content of this category, trying to find independent elements in it, which would allow us to understand better the phenomenon of the legally significant cooperation and determine its regulatory potential. To sum up, the author concludes that the content of the legally significant cooperation disintegrates to three independent categories – the cooperation as a condition of relationship, the cooperation by action and the information cooperation.*

Keywords: *the social cooperation, the judicially significant cooperation, the principle of cooperation, the principle of assistance, the information cooperation*

Предназначением гражданского права является регулирование частноправовых отношений, построенных на принципах юридического равенства сторон и диспозитивности правового регулирования. В этом смысле гражданское право выступает средством юридического оформления социальных взаимодействий, существующих, в том числе, в форме сотрудничества, то

есть основанного на доверии социального взаимодействия, совершаемого его участниками с целью достижения какого-либо общего для них результата.

Попадая в сферу правового регулирования, социальное сотрудничество порождает определенные правовые последствия, то есть становится юридически значимым. Так, например, норма статьи 750 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ)¹ предписывает сторонам договора строительного подряда предпринимать все зависящие от них разумные меры по устранению обнаруженных препятствий к надлежащему исполнению договора строительного подряда. Из содержания статьи 406 ГК РФ следует обязанность кредитора сотрудничать с должником при исполнении последним обязанности по совершению надлежащего исполнения обязательства под страхом наделения должника правом не уплачивать проценты по денежному обязательству.

Закрепление общего правила о сотрудничестве сторон обязательства в пункте 3 статьи 307 ГК РФ, казалось бы, решило для отечественного гражданского права вопрос о правовой квалификации юридически значимого сотрудничества. Сотрудничество было признано принципом обязательственного права². Вместе с тем, в последнее время в литературе высказываются предложения распространить действие данного принципа на все гражданско-правовые отношения³.

Однако отношения, входящие в предмет регулирования гражданского права, обладают концептуальными отличиями. Например, неоспоримой является существенная разница между относительными обязательственными и абсолютными вещными правоотношениями. В этой связи простое механическое перенесение действия принципа обязательственного права на уровень отраслевого регулирования без проведения более глубокого исследования юридически значимого сотрудничества следует признать обосновательным и даже опасным.

В рамках настоящей статьи мы постараемся обнаружить и описать основные возможные проявления юридически значимого сотрудничества в российском гражданском праве на основе сложившегося к настоящему времени понимания данного явления в цивилистической науке.

Рассмотрение содержания юридически значимого сотрудничества на более глубинных уровнях его понимания, с нашей точки зрения, удобно проводить на основе имеющихся исследований правовой квалификации данного

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федер. закон от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2020). [Электронный ресурс]. Доступ из справ.- правовой системы «КонсультантПлюс».

² Панченко П. В. Принцип содействия сторон обязательства в российском гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук. Москва 2018. С. 29.

³ Мигачева А. Ю. О принципе сотрудничества участников гражданских правоотношений // Современное право. 2015. № 7. С. 68–71.

явления. Забегая вперед, отметим, что различные подходы к определению сущности юридически значимого сотрудничества дают совершенно различные результаты, обогащая тем самым исследовательский материал.

В цивилистической науке существует два основных подхода к правовой квалификации содержания категории сотрудничества: 1) определение сотрудничества в качестве принципа гражданского права; 2) определение сотрудничества как основного начала гражданского законодательства.

Подход к сотрудничеству как к самостоятельному принципу права является наиболее популярным. Данная позиция высказывалась в работах И. Б. Новицкого, О. С. Иоффе, З. И. Цыбуленко, Г. А. Свердлыка, С. В. Сарбаша, П. В. Панченко, Е. И. Орешина и И. И. Суспицына, И. В. Тордии и С. А. Савченко, А. В. Захаркиной, Э. А. Гуровой, Т. В. Богачевой.

Определяя содержание принципа сотрудничества, авторы в целом транслируют высказанную еще О. С. Иоффе идею о том, что принцип сотрудничества заключается в двух ключевых аспектах. А именно в том, что «...а) стороны вправе рассчитывать на такую взаимопомощь, которая не вытекает из их конкретных обязанностей, но становится в силу сложившихся обстоятельств необходимой для одной стороны, и может быть ей оказана другой стороне без ущерба для себя; б) сторона, нарушившая это требование, лишается права на применение к другой стороне санкций за такую неисправность, которая могла быть предотвращена оказанием необходимой помощи»⁴.

При этом, сотрудничая, субъекты обязательственного правоотношения стремятся достичь общей для них цели⁵.

Современными исследователями предлагается учитывать следующие императивы принципа сотрудничества сторон обязательства: 1) несовершение действий, которые, хотя и не запрещены законом или договором, но препятствуют достижению цели обязательства; 2) оказание консультационного содействия; 3) предоставление необходимой информации, без которой осуществление прав и исполнение обязанностей по договору невозможны; 4) недопущение создания препятствий в развитии обязательственного отношения; 5) недопущение увеличения вреда, причиненного контрагенту, а при наличии соответствующей возможности принятие мер к предупреждению такого вреда; а также иные императивы, перечень которых не является исчерпывающим.⁶

Как основное начало гражданского законодательства сотрудничество рассматривает С. Ю. Филиппова. Невозможность квалификации сотрудниче-

⁴ Иоффе О. С. Обязательственное право. М.: Юрид. лит., 1975. С. 34.

⁵ Панченко П. В. Указ. соч. С. 22.

⁶ Там же . 44–58.

ства в качестве принципа права, по мнению автора, обусловлена характеристикой лиц, которым адресовано действие принципа права. По мнению автора, принцип права адресован субъектам правотворческой деятельности. Сотрудничество же такому признаку не отвечает – оно адресовано субъектам правореализационной деятельности, от которых требуется совершение активных действий в соответствии с содержанием сотрудничества⁷.

Сущность сотрудничества, по мысли С. Ю. Филипповой, заключается в заранее несогласованном и непредполагаемом объеме действий, которые совершает субъект группы лиц с организованными правовыми целями. Это означает, что сотрудничество раскрывается лишь после возникновения гражданско-правового отношения, когда проявляется необходимость в совершении субъектами правоотношения действий, не определенных заранее в содержании такого правоотношения.

Показательный пример именно такого отношения к сотрудничеству мы обнаружили при изучении судебной практики Арбитражного суда Центрального округа. Индивидуальный предприниматель обратился в Арбитражный суд Брянской области с исковым заявлением к государственному автономному учреждению здравоохранения о признании недействительным одностороннего отказа ответчика от исполнения договора поставки медицинского оборудования. Одновременно в тот же суд обратилось это же государственное учреждение с иском к этому же предпринимателю. Предметом иска было признание недействительным одностороннего отказа предпринимателя от исполнения указанного договора поставки оборудования. Дела были объединены в одно производство.

В ходе рассмотрения спора установлено, что между сторонами был заключен договор поставки оборудования. По данному договору предприниматель обязался поставить государственному учреждению восемь коробов с оборудованием. В качестве места разгрузки был определен первый этаж поликлиники. В ходе исполнения договора предприниматель столкнулся с проблемой – габариты восьмого короба превышали размер дверного проема поликлиники, что делало невозможным исполнение договора в оставшейся части. Об этом обстоятельстве предприниматель сообщил руководству учреждения, которым меры по устранению препятствия предприняты не были. Тогда предприниматель направил в адрес заказчика уведомление об одностороннем отказе от исполнения договора по причине невозможности исполнения.

Судом первой инстанции иск предпринимателя оставлен без удовлетворения, а иск учреждения удовлетворен, отказ предпринимателя признан

⁷ Филиппова С. Ю. Частноправовые средства организации и достижения правовых целей. М.: Статут, 2011. С. 137–153.

недействительным. Суд апелляционной инстанции с таким решением согласился. Арбитражным судом Центрального округа судебные постановления нижестоящих судов были отменены, дело направлено на новое рассмотрение в суд первой инстанции. Основанием для отмены судебных постановлений послужило то, что судами не была дана надлежащая оценка с точки зрения норм о добросовестности и необходимости содействия исполнению обязательства поведения государственного учреждения, не предпринимавшего мер по устранению непредвиденных и в связи с этим не учтенных при заключении договора обстоятельств.⁸

Занимая такую позицию, суд кассационной инстанции тем самым подтвердил правильность толкования содержания сотрудничества как механизма решения проблемных непредвиденных при заключении договора вопросов.

Подобная правовая позиция высказывается и по другим делам, главным образом, при рассмотрении споров из договора строительного подряда.⁹

С. Ю. Филиппова формулирует следующие признаки сотрудничества: 1) заранее неопределенный объем содержания; 2) источник содержания сотрудничества – это субъективное отношение стороны правоотношения; 3) внеплановый характер сотрудничества; 4) активный характер действий субъектов сотрудничества; 5) направленность действий субъекта сотрудничества на достижение собственного интереса.

Этими признаками сотрудничество отличается от внешне схожих конструкций юридической обязанности и кредиторской обязанности.

Заранее неопределенный объем содержания предполагает, что ни до возникновения правоотношения, ни уже в ходе существования правоотношения ни один из субъектов такого правоотношения не сможет определить характер и количество действий, необходимость в совершении которых может возникнуть в ходе развития отношений.

Юридические обязанности всегда корреспондируют субъективным правам другого субъекта правоотношения. Это влечет за собой необходимость жесткого закрепления таких обязанностей непосредственно в содержании правоотношения, например, в тексте договора или в нормах закона. Не-

⁸ Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 10.07.2019 г. по делу № А09-9792/2018. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.- правовой системы «КонсультантПлюс».

⁹ См., например, п. 17 «Обзор практики разрешения споров по договору строительного подряда» информационного письма Президиума ВАС РФ от 24.01.2000 г. № 51; постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 16.09.2014 г. по делу № А49-7305/2013; постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 17.07.2018 г. № Ф-07-7659/2018 по делу № А42-7554/2017; постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 30.04.2015 г. № Ф08-1978/2015 по делу № А32-7916/2014 и др. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.- правовой системы «КонсультантПлюс».

исполнение юридических обязанностей будет являться основанием для наступления юридической (в настоящем случае гражданско-правовой) негативной ответственности.

Кредиторские обязанности, по справедливому замечанию С. Ю. Филипповой, представляют собой определенный минимум действий, которые обязан совершить кредитор для достижения цели обязательства. В отличие от юридических обязанностей кредиторские обязанности не корреспондируют субъективным правам другого субъекта правоотношения. В отличие от сотрудничества кредиторские обязанности заранее объективным образом определены, так как их содержание можно вывести из текста нормативно-правового акта, и за их неисполнение для кредитора наступают неблагоприятные последствия.

Источником содержания сотрудничества, по мысли автора концепции, является субъективное отношение субъекта сотрудничества. В развитии данного признака автор ссылается на позицию В. С. Толстого о том, что сотрудничество выражается в «...общем благожелательном отношении к своему контрагенту...»¹⁰. Иными словами, то, каким образом субъект правоотношения будет действовать при возникновении необходимости проявления сотрудничества, зависит исключительно от отношения данного субъекта к правоотношению и, очевидно, к другим его участникам.

Столь неопределенное отношение к содержанию сотрудничества неминуемо приводит к предположению о том, не является ли тогда сотрудничество проявлением норм морали? С. Ю. Филиппова, соглашаясь с тем, что сотрудничество основано на нормах морали, все же отстаивает правовую сущность этого явления, поскольку сотрудничество, по ее мнению, «...в действительности служит в первую очередь достижению правовых целей лица...»¹¹.

По нашему мнению, такой признак, как направленность на достижение правовых целей, не может служить основанием для признания явления правовым. В обыденной жизни и в профессиональной деятельности участники гражданских правоотношений совершают множество действий, не урегулированных правом, но направленных на достижение правовых целей. Признаком именно правового явления, как известно, является не направленность на достижение правовых целей, а, во-первых, санкционирование государством и, во-вторых, обеспеченность силой государственного принуждения¹².

В предлагаемой С. Ю. Филипповой конструкции сотрудничества не обнаруживается ни первого, ни второго признака.

¹⁰ Толстой В. С. Исполнение обязательств. М.: Юрид. лит., 1973. С. 197.

¹¹ Филиппова С. Ю. Указ соч.

¹² Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права: учебник. М.: Юристъ, 2004. С. 210–221.

Юридические обязанности, как уже было отмечено ранее, имеют нормативно-правовое закрепление и обеспечены при этом соответствующим набором санкций. Для кредиторских обязанностей характерна добровольность их исполнения и невозможность принуждения к их исполнению. Однако на примере статьи 406 ГК РФ мы наблюдаем, что за неисполнение кредиторских обязанностей кредитор может быть поставлен в невыгодное положение, чем стимулируется выполнение кредитором своих обязанностей.

Внеплановый характер сотрудничества предполагает, что необходимость в совершении определенных дополнительных действий, не заложенных изначально в содержание правоотношения, может возникнуть в любой момент существования правоотношения в некоторой степени непредсказуемым для субъектов правоотношения образом.

Для юридических обязанностей этот признак не характерен, так как их перечень заранее определен содержанием правоотношения. Перечень кредиторских обязанностей в целом также следует признать заранее определенным. Это следует из предложенного С. Ю. Филипповой определения кредиторских обязанностей как совершения кредитором действий, направленных на получение им исполнения обязательства должником или обеспечение возможности такого исполнения, образующих в существенной степени определенную совокупность обязанностей.

Активный характер действий субъектов сотрудничества раскрывается в том, что удовлетворение интереса в сотрудничестве осуществляется посредством активных действий сотрудничающего лица.

Направленность на достижение собственного интереса представляется очень любопытным признаком сотрудничества. С. Ю. Филиппова рассматривает данный признак в контексте сравнения сотрудничества и юридических обязанностей. Целью обязанного лица является удовлетворение интереса управомоченного лица. В сотрудничестве, как полагает автор, субъект «...способствует достижению собственной правовой цели, получению необходимого ему блага, т.е. лицо действует в собственную пользу...»¹³. В качестве примера сотрудничества автор приводит действие нормы статьи 92 Кодекса внутреннего водного транспорта РФ¹⁴, регулирующей порядок спасания буксируемого объекта в случае транспортного происшествия с таким объектом. Данная норма предполагает, что совместные меры по уменьшению нанесенного происшествием ущерба должны принимать как капитан букси-

¹³ Филиппова С. Ю. Указ. соч.

¹⁴ Кодекс внутреннего водного транспорта Российской Федерации: Федер. закон от 07 марта 2001 г. № 24-ФЗ (ред. от 08.06.2020). [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

рующего судна, так и члены экипажа буксируемого объекта и даже отправитель, уже исполнивший к моменту происшествия свою единственную обязанность по оплате буксировки. Спасая буксируемый объект, каждый участник правоотношения действует со своей целью – спасти собственное имущество.

Признак направленности сотрудничества на достижение субъектом сотрудничества собственных целей хорошо прослеживается и в других случаях. Например, не менее, а возможно, и более наглядным проявлением собственного интереса в сотрудничестве является поведение банков при взаимодействии с проблемными заемщиками.

Каждая кредитная организация, осуществляющая на территории России деятельность по предоставлению кредитных средств, обязана в порядке, предусмотренном положением Банка России от 28 июня 2017 г. № 590-П¹⁵, формировать резервы на возможные потери по ссуде. Такой резерв формируется в результате снижения стоимости ссуды вследствие неисполнения либо ненадлежащего исполнения заемщиком обязательств по кредитному договору либо наличия угрозы такого неисполнения (ненадлежащего исполнения), например, в связи с ухудшением финансовых показателей заемщика.

Часто причиной ухудшения финансового положения заемщика и неисполнения кредитных обязательств, становятся внешние по отношению к заемщику и кредитной организации факторы. Это может быть банкротство предприятия-работодателя заемщика, дорожно-транспортное происшествие, вследствие которого заемщик утрачивает не по своей вине автомобиль, являющийся средством производства и способом заработка, болезни, чрезвычайные ситуации и т. д.

Создание резервов на возможные потери по ссуде влечет за собой утрату кредитной организацией возможности распоряжаться частью собственных денежных средств. Это в конечном итоге существенно влияет на размер прибыли банков. Понимая это, последние заинтересованы в повышении степени качества ссуд для того, чтобы иметь законные основания уменьшить расчетный размер резервов и высвободить денежные средства для их дальнейшего направления на хозяйственные цели.

Следуя таким мотивам, кредитные организации стараются сотрудничать с проблемными заемщиками, помогая им в решении финансовых сложностей. Банки предлагают заемщикам реструктурировать долг, передать

¹⁵ О порядке формирования кредитными организациями резервов на возможные потери по ссудам, ссудной и приравненной к ней задолженности (вместе с порядком оценки кредитного риска по портфелю (портфелям) однородных ссуд): положение Банка России от 28 июня 2017 г. № 590-П (ред. от 16.10.2019). [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

предмета залога в качестве отступного с целью полного погашения долга и последующим выкупом этого же имущества заемщиком у банка, но за счет других средств, предоставить кредитные каникулы и т. д.

Рассматривая признак направленности действий субъекта сотрудничества на достижение собственного интереса, необходимо обратить внимание, что сотрудничество здесь раскрывается через совершение участниками правоотношения фактических действий, направленных на достижение определенных целей. При рассмотрении предложенного С. Ю. Филипповой признака сотрудничества «направленность действий участников сотрудничества на достижение собственных целей» нам не удалось найти ни одного примера такого сотрудничества, когда предметом отношений сотрудничества являлась бы информация. Вместе с тем, как мы уже убедились ранее, в целом отмеченный признак сотрудничества находит свое проявление на практике. Отсюда введем в наше исследование рабочую гипотезу о том, что существует два вида сотрудничества – путем совершения действий и путем предоставления информации. В ходе дальнейшего изложения постараемся данную проблему проанализировать.

Отказываясь от квалификации сотрудничества как принципа права и определяя существенные отличия сотрудничества от юридических и кредиторских обязанностей, С. Ю. Филиппова предлагает авторское определение сотрудничества как общего начала деятельности субъектов договорного обязательства, выражающегося в позитивном деятельном участии субъектов в устранении любых препятствий на пути к достижению согласованных правовых целей.

Обосновывая определение сотрудничества как общего начала деятельности, автор ссылается на пункт 2 статьи 6 ГК РФ, закрепляющий правила применения аналогии права, то есть определения прав и обязанностей сторон при невозможности использования аналогии закона, исходя из общих начал и смысла гражданского законодательства, требований добросовестности, разумности и справедливости. С точки зрения автора, сотрудничество как раз и является «общим началом и смыслом гражданского законодательства»¹⁶.

Таким образом, в теории гражданского права мы наблюдаем два разных подхода к сотрудничеству, оба из которых находят подтверждение своей истинности, как на теоретическом, так и на практическом уровне.

С позиции методологии построения системы понятий, такое положение дела следовало бы признать неприемлемым, что возлагало бы на нас обязанность выбрать какую-либо одну из двух точек зрения либо предложить свою, доказав при этом ложность оставшихся двух.

¹⁶ Филиппова С. Ю. Указ. соч.

Представляется, что в рамках рассматриваемого нами предмета описанное противоречие на самом деле является лишь противоречием лингвистическим, вызванным применением в двух разных случаях одного понятия – «сотрудничество».

В действительности же, если мы обобщим все содержание обоих подходов и вычленим их сущностные отличия, то обнаружим, что они оба являются двумя самостоятельными элементами единого учения о сотрудничестве субъектов гражданского права.

В целом сотрудничество как правовую категорию (юридически значимое сотрудничество) с учетом произведенных изысканий, на наш взгляд, можно определить как деятельность сторон гражданского правоотношения, направленную на обеспечение стабильности хозяйственного оборота и наиболее эффективного достижения цели правоотношения, а также собственных целей каждого субъекта правоотношения с учетом законных интересов других субъектов гражданских прав.

Понимание сотрудничества как взаимных действий сторон правоотношения (определение ученых, рассматривающих сотрудничество как принцип гражданского права), направленных на достижение общей цели правоотношения, приводит нас к определению сотрудничества как состояния, сопровождающего правоотношение на протяжении всего его развития. Этим объясняется определение императивов принципа взаимного содействия сторон обязательства через отрицание («...несовершение действий...», «...недопущение создания препятствий...», «...недопущение увеличения вреда...»). При этом, как и для любого явления-состояния, такому типу сотрудничества в действительности не свойственен активный характер действий сторон правоотношения. Иными словами, «...действия сторон...» в данном случае корректнее было бы характеризовать как «отношение сторон друг к другу». В таком виде определение сотрудничества-состояния выглядело бы следующим образом: «сотрудничество-состояние – это взаимное доверительное и уважительное отношение сторон правоотношения друг к другу, направленное на обеспечение создания условий для достижения цели правоотношения¹⁷». Однако в таком контексте, по нашему мнению, сотрудничество-состояние не имеет концептуальных отличий от содержания принципа добросовестного осуществления гражданских прав (п. 3 ст. 1 ГК РФ). В связи с этим сотруд-

¹⁷ Под целью правоотношения мы имеем в виду направленность правоотношения, которая для всех сторон правоотношения является общей. Например, возмездная передача имущества из собственности продавца в собственность покупателя в нашем понимании, служит общей целью для обеих сторон правоотношения из договора купли-продажи.

ничество-состояние не может быть квалифицировано, например, как принцип гражданского права.

Понимание сотрудничества как совершение активных действий по устранению непредвиденных препятствий к движению правоотношения обращает на себя внимание такими характеристиками, как «активных» и «действия». Этим данная сторона сотрудничества отличается от сотрудничества-состояния. С нашей точки зрения, такое сотрудничество можно охарактеризовать как «сотрудничество действием». В отличие от сотрудничества-состояния, направленного на создание условий для достижения общей цели, сотрудничество действием направлено на устранение непредвиденных для движения правоотношения препятствий.

В описанной системе понятий нами, как можно было заметить, были опущены информационные императивы – оказание консультационного содействия и предоставление необходимой информации. С нашей точки зрения, данные императивы не отвечают признакам ни сотрудничества-состояния, ни сотрудничества действием. Объясняется это тем, что для отнесения информационных прав и обязанностей к сотрудничеству-состоянию информационные императивы требуют излишней активности. Отнесение же информационных императивов к сотрудничеству действием невозможно, так как, в отличие от сотрудничества действием, характеризующимся непредвиденным и заранее не определенным характером, информационные императивы заранее определены и известны. Помимо этого, говоря о сотрудничестве действием, мы имеем в виду действия фактического характера, необходимость в совершении которых не прогнозируема, в то время, как предоставление информации – это имманентная характеристика любого нормального социального сотрудничества, что означает необходимость «включения» данного вида сотрудничества с момента возникновения правоотношения.

С учетом этого, полагаем, что информационные императивы образуют самостоятельную – третью – сторону юридически значимого сотрудничества, которую справедливо будет именовать информационным сотрудничеством.

Библиографический список

Богачева Т. В. Принципы взаимного содействия сторон и экономичности в договорных обязательствах: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 1982.

Гражданский кодекс Российской Федерации. Постатейный комментарий к разделу III «Общая часть обязательственного права» / под ред. д. ю. н., проф Л. В. Санниковой. М.: Статут, 2016.

Гурова Э. А. Содействие сторон как принцип обязательственного права // Юридический вестник Самарского университета. 2017. № 2.

Захаркина А. В. Факультативные обязательства по российскому гражданскому праву: монография. М.: Статут, 2017.

Иоффе О. С. Избранные труды: В 4 т. Т. 3. Обязательственное право. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004.

Иоффе О. С. Обязательственное право. М.: Юрид. лит., 1975.

Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права: учебник. М.: Юристъ, 2004.

Мигачева А. Ю. О принципе сотрудничества участников гражданских правоотношений // Современное право. 2015. № 7.

Новицкий И. Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права (по изданию 1916 г.) // Вестник гражданского права. 2006. № 1.

Орешин Е. И., Суспицына И. И. Принцип содействия сторон в исполнении обязательства: советский анахронизм или эффективный правовой инструмент? // Закон. 2012. № 11.

Панченко П. В. Принцип содействия сторон обязательства в российском гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2018.

Сарбаи С. В. Исполнение договорного обязательства. М.: Статут, 2005.

Толстой В. С. Исполнение обязательств. М.: Юрид. лит., 1973.

Тордия И. В., Савченко С. А. Принципы обязательственного права (международный и национальный аспекты) // Lex russica. 2016. № 10.

Фаткудинов З. М., Губин Е. П., Свердлык Г. А. Принципы советского гражданского права. Красноярск изд-во Красноярского ун-та, 1935; Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1986. № 6.

Филиппова С. Ю. Частноправовые средства организации и достижения правовых целей. М.: Статут, 2011.

Цыбуленко З. И. Правовые проблемы сотрудничества при исполнении хозяйственных обязательств в условиях перехода к рыночной экономике: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 1991.

Информация для цитирования

Ex jure

Федосеев А. А. Юридически значимое сотрудничество в категориальном аппарате российского гражданского права // Ex jure. 2021. № 1. С. 139–151. DOI: 10.17072/2619-0648-2021-1-139-151.

Fedoseev A. A. The Legally Significant Cooperation in the Categorical System of Russian Civil Law. *Ex jure*. 2021. № 1. Pp. 139–151. (In Russ.). DOI: 10.17072/2619-0648-2021-1-139-151.

УДК 347.61

DOI: 10.17072/2619-0648-2021-1-152-170

О СЕМЬЕ В ЮРИДИЧЕСКОМ СМЫСЛЕ

Т. М. Халецкая

Кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры правового обеспечения
экономической деятельности

Институт управленческих кадров Академии управления
при Президенте Республики Беларусь
220007, Республика Беларусь, г. Минск, ул. Московская, 17
E-mail: Tania80@rambler.ru

Аннотация: семья – ключевое понятие семейного права. Однако сегодня ни в специальной литературе, ни в законодательстве нет единства ни в решении вопроса о том, что представляет собой семья, ни в решении вопроса о том, семья или ее отдельные члены являются субъектами правоотношений (в том числе имущественных). Вместе с тем ответы на эти вопросы имеют важное научное и практическое значение, поскольку без четкого понимания субъектного состава имущественных правоотношений, возникающих в семье, невозможно понимание механизма их правовой регламентации. Именно субъектный состав правоотношений в значительной степени предопределяет их особенности. Право, «взаимодействуя» с участниками общественного отношения, формирует конкретное содержание правоотношения в зависимости от того, кто в нем участвует. В статье анализируются доктринальные подходы к пониманию признаков семьи как правового явления; рассматривается проблема определения правосубъектности семьи; обосновывается вывод о том, что семья не является самостоятельным субъектом права, а представляет собой правовую фикцию, позволяющую объединить воедино отдельных субъектов имущественных правоотношений, возникающих в семье – членов семьи.

Ключевые слова: семейное право; семья; брак; члены семьи; правосубъектность

© Халецкая Т. М., 2021

FAMILY IN THE LEGAL SENSE

T. M. Khaletskaya

Institute of Managerial Education in Academy of Public
Administration under the President of the Republic of Belarus
17, Moskovskaya st., Minsk, the Republic of Belarus, 220007

E-mail: Tania80@rambler.ru

Annotation: *family is a key concept of the family law. However, today there are different views with regard to the questions of what a family is and whether a family or its individual members are subjects of legal relations (including property relations) in the professional literature and in the legislation. At the same time, the answers to these questions are of scientific and practical importance, since without having a clear understanding of the subjects of property relations in the family it is impossible to understand the mechanism of their legal regulation. The subjects of legal relations significantly determine their features. Interacting with the participants of social relations, the law forms the specific nature of legal relations based on their participants. The doctrinal approaches to understanding of characteristics of the family as a legal phenomenon are analyzed; the problem of determining the legal personality of the family is discussed; the conclusion that the family is not an independent legal subject, but is a legal fiction that makes it possible to unite individual subjects of property relations in the family, i.e. family members, is made and explained in the article.*

Keywords: *family law; family; marriage; family members; legal personality*

Теоретическим осмыслением понятия «семья» традиционно занимаются представители гуманитарных наук – социологии, философии, психологии.

Определение семьи в социологическом понимании обычно формируется на основе ее признаков и функций. Например, признавая семью общественным явлением, Н. Д. Шимин определяет ее так: «Семья – это специфическая форма социальной жизнедеятельности людей, обусловленная экономическим строем общества, основанная на браке или родстве, включая всю совокупность отношений (между мужем и женой, родителями и детьми, между различными поколениями), складывающихся на базе совместной разносторонней деятельности ее членов, в которой реализуются как потребности общества (в физическом и духовном воспроизводстве человеческой личности, в обеспечении нормальной совместной жизнедеятельности людей в сфере личной жизни), так и потребности индивида (в интимных связях, в семейном

личном счастье)»¹. Е. А. Безнощенко говорит о семье как о первичном компоненте функционально-ценностного социального взаимодействия, важнейшей форме социализации человека, сущностью которой является «формирование, сохранение и трансляция ценностных приоритетов, отражающих исторические и этнические особенности общества»². По мнению Л. Е. Лойко семья представляет собой группу людей, живущих вместе, объединенных общей деятельностью, интересами и функциями, такими как воспитание детей, продолжение человеческого рода, забота о старших, ведение совместного хозяйства, проведение досуга³.

В психологии принято выделять такие признаки семьи, как общее предназначение, эмоциональная связь, взаимная поддержка, общность ценностных установок; отмечается, что семье присущи общие нормы и правила внутри- и межгруппового поведения, что способствует консолидации внутригрупповой активности и координации действий по отношению к среде⁴.

Говоря о понятии семьи как правовой категории, В. И. Синайский еще сто лет назад указывал на отсутствие в этом вопросе какой-либо определенности и ясности⁵. С того времени мало что изменилось. В понимании семьи как юридической категории, равно как и в формулировании ее определения в юридической литературе, нет единства мнений. Здесь точки зрения варьируются от полного отрицания необходимости формулировать такое определение до стремления сформулировать универсальное, общеправовое определение семьи.

Сторонником нецелесообразности выработки юридического определения семьи является М. В. Антокольская. Свою позицию она обосновывает тем, что семья является исключительно социологическим, а не правовым явлением⁶. «Само понятие семьи, – указывает она, – всегда было настолько неопределенным, что его невозможно даже закрепить в законодательстве»⁷. А. П. Сергеев, также, настаивая на нецелесообразности легального закрепления понятия семьи, видит в таком закреплении больше негативных последствий, чем преимуществ. Свой вывод ученый подкрепляет следующими аргументами: во-первых, любое легальное определение не может адекватно отразить столь многообразное и сложное социальное явление, как семья; во-вторых, в таком определении, в целом, отсутствует необходимость, поскольку

¹ Шимин Н. Д. Семья как общественное явление: опыт социал.-филос. анализа. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1989. С. 21.

² Безнощенко Е. А. Семья как социальная ценность: философский анализ: автореф. дис. ... канд. философ. наук. Москва, 2010. С. 11.

³ Лойко Л. Е. Философия: учеб. пособие. Минск: Акад. МВД Респ. Беларусь, 2004. С. 154.

⁴ Семейведение: учеб. пособие / под ред. Е. А. Сигиды. М.: Инфора-М, 2010. С. 24.

⁵ Синайский В. И. Русское гражданское право. М.: Статут, 2002. С. 483.

⁶ Косова О. Ю. Основания возникновения семейных правоотношений: дис. ... канд. юрид. наук. Ленинград, 1986. С. 11–22.

⁷ Антокольская М. В. Семейное право. М.: Юристъ, 1996. С. 8–9.

ку «семья не рассматривается законодательством в качестве самостоятельного субъекта права»⁸.

Напротив, Т. В. Краснова видит необходимым выработать единообразный подход к толкованию категории «семья», в котором будут, в том числе, учтены юридические аспекты. Для этого, по мнению Т. В. Красновой, нужно «установить дополнительную «неюридическую» составляющую, передающую уникальную сущность и служебную роль семьи»⁹. Итогом подобных рассуждений стало следующее определение: семья – это система социально-юридических, материальных и духовных связей человека, обусловленных родством, браком или принятием детей на воспитание¹⁰. Аналогичную позицию отстаивают И. Ф. Александров¹¹; С. А. Филиппов¹² и др.

Между указанными полярными мнениями существует и «промежуточное». Так, Я. З. Баитаева обосновывает вывод о необходимости единообразного закрепления основ правового статуса семьи и ее членов в гражданском, семейном и жилищном законодательстве, т. е. об идентичном понимании категории «семья» и «члены семьи» только в указанных отраслях права и законодательства¹³.

Ни с одним из указанных подходов нельзя согласиться полностью. Семья – это уникальный институт общества¹⁴, и утверждение о социологическом характере семьи, безусловно, верно. Однако это не исключает возможности и необходимости формулирования ее правового определения, поскольку, попадая в сферу правового регулирования, она становится социально-правовым явлением. Согласимся с Т. В. Шершень в ее утверждении о том, что необходимость легального правового определения понятия «семья» продиктовано «как практической, так и теоретической целесообразностью, созданием эффективного механизма правовой охраны семьи, обеспечивающего стабильность и устойчивость семьи в <...> обществе и государстве»¹⁵.

⁸ Гражданское право: учеб: в 3 т. Т. 3 / под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. М.: Проспект, 1999. С. 280.

⁹ Краснова Т. В. Значение категорий «семья» и «родство» в правоотношениях родителей и детей // URL: <http://отрасли-права.рф/article/28024>.

¹⁰ Краснова Т. В. Указ. соч.

¹¹ Александров И. Ф. Правовое регулирование семейных отношений: соотношение семейного и гражданского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2004. С. 3–4.

¹² Филиппов С. А. Понятие «семья» по российскому законодательству // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016. № 3. С. 106.

¹³ Баитаева Я. З. Семья и ее члены как субъекты жилищных правоотношений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2004. С. 4.

¹⁴ Кузнецова И. М. Семейное право. М.: Юрист, 1999. С. 7.

¹⁵ Шершень Т. В. В год семьи о понятии семьи в современном российском праве // Семейное и жилищное право. 2008. № 5. С. 6.

Понимание о том, что такое семья, первоначально складывается в общественном сознании и только потом воспринимается наукой. В рамках философии, социологии, психологии как наук, изучающих духовную сферу человека, законы развития общества, особенности взаимодействия отдельных индивидов в нем, понятие семьи строится на основе категорий, обладающих большой степенью абстрактности, категорий, содержание которых определить либо невозможно, либо затруднительно: «личное счастье», «духовное воспроизводство личности», «ценностные приоритеты» и т.п. Использовать подобные понятия в праве сложно. Вместе с тем, они не могут быть полностью отвергнуты правом, поскольку дают основу понимания такого явления, как семья, и позволяют выделить один важный ее признак: семья – это «социально организованное объединение людей»¹⁶, некое «сплоченное единство»¹⁷. «Основополагающий для семьи признак, – замечает Т. В. Краснова, – «общность» <...> констатируется всеми учеными и употребляется в противоположность признаку «автономия»¹⁸.

В оценке необходимости выработки общеправового понятия «семья» необходимо солидаризироваться с позицией тех, кто такую необходимость признает. При этом такое определение должно быть сформулировано именно в рамках семейного права и закрепляться в семейном законодательстве, а впоследствии использоваться другими отраслями права и законодательства. Несмотря на то, что имущественные отношения, возникающие в семье, зачастую являются комплексными или имеют разную отраслевую природу, сам институт семьи не должен при этом превращаться в комплексный институт¹⁹. В качестве контраргумента подобного вывода в литературе приводится следующее суждение: «Различный подход к понятию семьи в отдельных отраслях права <...> вполне оправдан и единственно возможен. Каждый институт и отрасль права рассматривают семью с позиции стоящих перед ними задач»²⁰. В подобных рассуждениях есть логическая неточность. В различных отраслях права и законодательства используется не различный подход к пониманию семьи, а различный подход к установлению круга членов семьи, формирующих ее состав.

В Республике Беларусь легальное определение понятия «семья» дано в статье 59 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье 1999 г. (в ред.

¹⁶ Харчев А. Г. Брак и семья в СССР: опыт социол. исследования. М.: Мысль, 1964. С. 55.

¹⁷ Рясенцев В. А. Семейное право. М.: Юрид. лит., 1971. С. 44.

¹⁸ Краснова Т. В. Указ. соч.

¹⁹ Тарасова А. Е., Мясникова Е. В. Правовые категории «семья» и «члены семьи» в семейном, гражданском и жилищном праве: проблемы соотношения // Северо-Кавказский юридический вестник. 2013. № 1. С. 51.

²⁰ Гражданское право: в 3 т. Т. 3 / под ред. под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. М.: Проспект, 1999. С. 281.

от 18.12.2019 (далее – КоБС)): «Семья – это объединение лиц, связанных между собой моральной и материальной общностью и поддержкой, ведением общего хозяйства, правами и обязанностями, вытекающими из брака, близкого родства, усыновления».

Понять, насколько удачным является данное определение, насколько точно оно отражает признаки семьи как правового института, можно лишь переосмыслив его через призму научных воззрений на семью с точки зрения науки семейного права.

Фамилиаристы выделяют различные признаки, являющиеся, по их мнению, «связующими звеньями», объединяющими отдельных лиц в семью. Например, Г. М. Свердлова утверждает, что в основе семьи лежит взаимная любовь, равноправие мужчины и женщины, единство интересов личности и общества, а также направленность союза на выполнение следующих функций – взаимопомощь, продолжение рода и воспитание²¹. В. И. Пенкрат полагает, что отдельных лиц в семью сплачивает, в том числе, эмоциональное начало²². Семья, по мнению О. Ю. Косовой, есть важнейшая форма организации жизни людей, основанная на взаимных чувствах привязанности и доверия²³. С. Б. Гасанзаде определяет семью как «союз людей – совершеннолетних мужчины и женщины, заключенный по обоюдному согласию и желанию, с целью удовлетворения физиологических и биологических потребностей, основанный на любви»²⁴.

Нет оснований не согласиться с тем, что личные взаимоотношения между членами семьи составляют основу всех семейных отношений. Права О. Ю. Ильина в своем утверждении: «Любовь, доверие, уважение, чувства определяют как содержание отношений между членами семьи (и имущественных тоже), так и структуру данных отношений (например, появление в семье нового члена – супруга – результат проявления чувств одного из членов семьи)»²⁵. Однако могут ли такие «метафизические» критерии, как «любовь», «доверие», «привязанность», лежать в основе определения семьи как правовой категории? Полагаем, что на этот вопрос можно ответить только отрицательно. Отсутствие любви между мужчиной и женщиной, родителем и ребенком может свидетельствовать о том, что семья перестала существовать как социальная общность, но это не означает прекращение существования

²¹ Свердлова Г. М. Советское семейное право: учеб. М.: Госюриздат, 1958. С. 17.

²² Пенкрат В. И. Семейное право. Минск: Молодежное, 2007. С. 13.

²³ Косова О. Ю. Семейное и наследственное право России: учеб. пособие. М.: Статут, 2001. С. 12.

²⁴ Гасанзаде С. Б. Юридическая и социальная дефиниции семьи // Мониторинг правоприменения. № 4 (17). 2015. С. 34.

²⁵ Ильина О. Ю. Проблемы интереса в семейном праве Российской Федерации. URL: <https://www.lawmix.ru/commlaw/1061?page=17>.

семьи с юридической точки зрения. Отсутствие детей у лиц, состоящих в браке, также не будет означать, что эти лица не являются семьей. Выдающийся цивилист Г. Ф. Шершеневич, указывая на замкнутость и неуволимость семейных отношений, подчеркивал, что «физический и нравственный склад семьи создается помимо права»²⁶. Нет правового механизма, способного принудить членов семьи любить друг друга. Невозможно создать (придумать) обязанности (и соответствующие права), исполнение (реализация) которых приведет к цели – взаимной любви и уважению. Практически в данном случае имеет место призыв, лишенный правового содержания²⁷.

Надо отметить, что белорусский законодатель в основу легального определения семьи, закрепленного в статье 59 КоБС, также заложил неопределенный, не имеющий четкого содержания критерий моральной общности и поддержки. Включение данного признака в юридическое определение понятия «семья» противоречит требованию точности изложения нормативных правовых предписаний, установленному в статье 28 Закона Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З «О нормативных правовых актах», поскольку не является ни конкретным, ни однозначным. В связи с отсутствием в законодательстве санкций за не осуществление в семье моральной поддержки «указанная характеристика не может лежать в основе такого понятия, как семья»²⁸.

Еще одним признаком, объединяющим отдельных лиц в семью, в юридической литературе называют совместное проживание членов семьи. На наличие данного признака указывают в своих работах Е. С. Захарова²⁹, С. А. Муратова³⁰, Я. З. Баитаева³¹ и др. В литературе даже отмечается, что «именно этот признак и послужил основанием для того, чтобы семья когда-то стала так называться»³², а в том случае, «если нет совместного проживания, то нет общей семьи»³³. С точки зрения семейного права совместное проживание членов семьи не имеет значение юридического факта, не влечет никаких юридических последствий и не означает отсутствие семьи. Право свободно выбирать место жительства закреплено в статье 30 Конституции Республики Беларусь и детализировано в отраслевом законодательстве. Нормы ст. 151

²⁶ Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. М.: Статут, 2005. С. 233.

²⁷ Крашенинников П. В. Постатейный комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации и Федеральному закону «Об опеке и попечительстве». М.: Статут, 2010. С. 21.

²⁸ Монахов А. Б. Семья: правовое определение понятия // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2004. Вып. 9. С. 56.

²⁹ Захарова Е. С. Семейное право Республики Беларусь. Минск: Веды, 2003. С. 35.

³⁰ Муратова С. А. Семейное право: учеб. пособие. М.: Юриспруденция, 2001. С. 29.

³¹ Баитаева Я. З. Семья и ее члены как субъекты жилищных правоотношений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2004. С. 11.

³² Векленко В. В., Акиев А. Р. Юридическая природа понятия «семья» // Общество и право. 2016. № 2. С. 89.

³³ Там же.

Гражданского кодекса Республики Беларусь 1998 г. (в ред. от 18.12.2019 (далее – ГК) относят право свободного передвижения, выбора места пребывания и жительства неотчуждаемым и непередаваемым нематериальным благам, принадлежащим гражданину. В соответствии со статьей 22 КоБС супруги свободны в выборе места жительства, их совместное проживание является обычным, но не обязательным следствием брака. Не всегда обязательно и проживание детей вместе с родителями. В пункте 2 статьи 19 ГК установлены правила определения места жительства малолетних, а также граждан, находящихся под опекой: местом жительства несовершеннолетних в возрасте до четырнадцати лет или граждан, находящихся под опекой, признается место жительства их родителей, усыновителей или опекунов. Нормы указанной статьи не содержат правил об определении места жительства несовершеннолетнего от четырнадцати до восемнадцати лет. Полагаем, что несовершеннолетний, достигший четырнадцати лет, может проживать отдельно от родителей или попечителей (это может быть связано, например, с необходимостью получения образования в другом населенном пункте). Этот вывод частично подтверждается положениями пункта 6 статьи 158 КоБС, где определено, что орган опеки и попечительства может дать разрешение на раздельное проживание попечителя с подопечным, достигшим четырнадцати лет, если раздельное проживание не отразится неблагоприятно на воспитании, и защите прав, и законных интересах подопечного. Что касается несовершеннолетних, проживающих с родителями, то, поскольку родители являются их законными представителями, то «согласие органа опеки и попечительства в случае принятия родителями ребенка решения об отдельном от родителей его проживании не требуется. <...> по достижении гражданином четырнадцати лет он с согласия родителей имеет полное право проживать самостоятельно»³⁴.

К совместному проживанию членов семьи, как правило, добавляют признак ведения общего хозяйства. Так, по мнению В. И. Пенкрата «члены семьи ведут общее хозяйство и, как правило, проживают совместно, т.е. можно считать, что для семьи характерна общность быта»³⁵. В числе признаков семьи, отраженных в ст. 59 КоБС этот признак сформулирован следующим образом: «Семья – это объединение лиц, связанных между собой <...> ведением общего хозяйства». Полагаем, что отсутствие необходимости и обязательности совместного проживания членов семьи влечет вывод о нерелевантности указанного признака. Отвечая отрицательно на вопрос о том, является ли критерий «ведение общего хозяйства» необходимым для определения по-

³⁴ Маньковский И. А., Вабищевич С. С. Субъекты гражданского права: монография. Минск: Молодежное, 2010. С. 74.

³⁵ Пенкрат В. И. Правовая защита семьи в Республике Беларусь // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. 2018. № 2. С. 195.

нения «семья», А. Б. Монахов отмечает, что и не члены семьи (а, например, члены экспедиций) могут вести общее хозяйство: готовить пищу, разжигать костер, убирать территорию проживания, заготавливать воду, дрова и т.п.³⁶

Данный критерий в целом находится в противоречии с действующим белорусским законодательством. Так, в соответствии со статьей 13 КоБС супруги могут включить в Брачный договор условие «относительно изменения установленного законодательными актами режима общей совместной собственности супругов путем установления долевой собственности или собственности каждого из супругов на все имущество, подлежащее отнесению в соответствии с законодательными актами к общей совместной собственности, или на отдельные виды такого имущества»; в части 1 статьи 19 Закона Республики Беларусь от 19 ноября 1993 г. № 2570-XII «О правах ребенка» установлено, что каждый ребенок имеет право самостоятельно пользоваться, владеть и распоряжаться своим имуществом, в том числе совершать сделки на условиях и в порядке, определенных законодательством.

Взаимная материальная поддержка – еще один признак, положенный в основу формирования понятия семьи, как многими представителями науки семейного права, так и белорусским законодателем. Данный признак, отстаиваемый В. И. Бошко³⁷, Г. К. Матвеевым³⁸ и др., вызывает скепсис на том основании, что нормы семейного законодательства далеко не всегда предусматривают обязанность обеспечивать такую поддержку. Подобная обязанность имеет место только у отдельных членов семьи – родителей, детей, супругов, при определенных условиях бывших супругах. Во всех остальных случаях брачно-семейное законодательство не предусматривает каких-либо мер ответственности за отсутствие материальной поддержки одного члена семьи со стороны другого.

Довольно часто в качестве еще одного признака семьи называют «заботу о воспитании потомства»³⁹, иногда этот признак трактуют шире – «воспроизводство человека», понимая содержание этого признака как «воссоздание человеческой жизни в наиболее широком значении этого слова – и в материальной и в социальной ее субстанции, человека – биологической особи и человека – личности»⁴⁰. Полагаем, что такой признак сужает понятие семьи до родителей и детей, поскольку, в первую очередь, на родителях лежит подобная обязанность (ст. 68 КоБС). При этом не учитывается то обстоятельство, что в состав семьи включены и другие лица (члены семьи). В качестве

³⁶ Монахов А. Б. Указ. соч. С. 57.

³⁷ Бошко В. И. Очерки советского семейного права. Киев: Госполитиздат УССР, 1952. С. 89.

³⁸ Матвеев Г. К. Советское семейное право: учеб. М.: Юрид. лит., 1985. С. 48.

³⁹ См.: Бошко В. И. Указ. соч. С.89.; Матвеев Г.К. Указ. соч. С. 48.

⁴⁰ Ворожейкин Е. М. Семейные правоотношения в СССР. М.: Юрид. лит., 1972. С. 16.

контраргумента идеи о выделении подобного признака при характеристике семьи можно высказать следующее замечание: всегда существуют семьи, не имеющие потомства. Справедливое возражение предлагает и А. Б. Монахов: «В любом обществе существуют специальные люди, занимающиеся воспитанием детей, потомства, например воспитатели в детских садах, учителя в школах, членами семьи не являющиеся»⁴¹.

Итак, все те признаки, которые чаще всего выделяются в науке семейного права как признаки, характеризующие семью как правовой институт, являются дополнительными; их наличие желательно, но совершенно не обязательно. Природа этих признаков скорее социальная, нежели правовая. Отметим здесь мнение А. П. Сергеева, считающего, что многие из признаков семьи в социологическом смысле (совместное проживание, ведение общего хозяйства, взаимная забота членов семьи друг о друге, рождение и воспитание детей и т. д.) вовсе не обязательны для семьи в ее правовом значении; введение в легальное определение семьи таких дополнительных признаков приводит к необходимости отнесения каждого из включенных в определение семьи признаков к факультативным, что лишает само определение практического смысла, либо сужает понятие семьи до такого предела, при котором обнаружится полное его расхождение с понятием семьи в социологическом смысле⁴².

Очевидно, что подход к пониманию семьи, избранный белорусским законодателем является неверным. Объединение в одном определении и социологических и правовых признаков семьи не дают положительного результата, поскольку семья в правовом понимании не равнозначна пониманию семьи в социологическом значении этого слова. Следовательно, нужно отказаться от подобного подхода и сформулировать определение семьи, опираясь лишь на основные признаки, значимые с точки зрения права. К таким признакам можно отнести наличие правовой связи между членами семьи и указание на юридические факты, влекущие возникновение прав и обязанностей между ними. Еще В. А. Рясенцев отмечал, что в правовом смысле семья – это юридическая связь, а юридический характер семейным отношениям «придает регулирование их нормами права в той мере и в тех пределах, в которых государство может с помощью обязательных правил воздействовать на поведение членов семьи, способствовать ее развитию»⁴³. В итоге таких рассуждений В. А. Рясенцев определяет семью в юридическом смысле как «круг лиц, связанных правами и обязанностями, вытекающими из брака, родства, усыновления или иной формы принятия детей на воспитание»⁴⁴.

⁴¹ Монахов А. Б. Указ. соч. С. 56.

⁴² Гражданское право: учеб: в 3 т. Т. 3. / под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. С. 280, 282.

⁴³ Рясенцев В. А. Указ. соч. С. 44.

⁴⁴ Там же. С. 54.

Верность такого подхода к пониманию семьи косвенно подтверждается и тем обстоятельством, что в брачно-семейном законодательстве ряда стран отражено именно такое понимание семьи. Например, в статье 2 Семейном кодексе Кыргызской Республики семья определена как «круг лиц, связанных имущественными и личными неимущественными правами и обязанностями, вытекающими из брака, родства, усыновления или иной формы принятия детей на воспитание и призванными способствовать укреплению и развитию семейных отношений»; в п. 29 ст. 1 Кодекса Республики Казахстан «О браке (супружестве) и семье» под семьей понимается «круг лиц, связанных имущественными и личными неимущественными правами и обязанностями, вытекающими из брака (супружества), родства, свойства, усыновления (удочерения) или иной формы принятия детей на воспитание и призванными способствовать укреплению и развитию семейных отношений».

Дискуссия о понятии семьи с точки зрения права тесно связана с дискуссией о том, является ли семья самостоятельным носителем субъективных права и обязанностей, то есть является ли она субъектом права или субъектами права можно признать лишь отдельных ее членов. Полемика в рамках указанной проблемы имеет давнюю историю и, пожалуй, берет начало еще в римском праве, где семья была патриархальной и представляла собой связь домочадцев (агнатов) под единой властью домовладыки⁴⁵. Власть домовладыки объединяла семью, придавая ей определенное юридическое единство. Как отмечает Д. В. Дождев, члены такой семьи мыслили себя группой лиц, «связанных общностью принадлежности к единому организму и общностью происхождения от прародителя <...>, а не от актуального домовладыки»⁴⁶. В подобной семье отдельные члены семьи не признавались с юридической точки зрения самостоятельными субъектами.

Идея о субъектной самостоятельности семьи поддерживается и современными исследователями. При этом семью сравнивают с корпоративными юридическими лицами, находя общие черты между такими субъектами. По мнению Д. А. Коковой семья является частноправовым сообществом, в котором общие интересы объединяют супругов и иных указанных в законе субъектов (членов семьи) и которому присущ ряд признаков, свойственных корпоративным юридическим лицам, а именно: «имущественная обособленность (выражающаяся в наличии права совместной собственности супругов и общности их обязательств); по общему правилу обозначение общей фамилией

⁴⁵ Дождев Д. В. Римское частное право: учебник для вузов / под ред. В. С. Нерсисянца. М.: ИНФРА-М, 1997. С. 280–281.

⁴⁶ Там же. С. 281.

(средство индивидуализации); участие в решении вопросов семьи, предполагающего необходимость согласования воли ее членов, в том числе для управления общим имуществом; необходимость регистрации брака, если основу семьи составляют супруги»⁴⁷. Похожую позицию занимает и С. Б. Полич, полагая, что семья может быть субъектом правоотношений, поскольку «правосубъектность каждого из супругов может «наполняться» единым правовым содержанием. Единое содержание определяется единством имущественных обязанностей, которые приводят к однозначному критерию (основанию) их невыполнения перед кредиторами, что в свою очередь свидетельствует о возможности «объединения» имущественных прав и обязанностей супругов (семьи)»⁴⁸.

В таких рассуждениях есть одно серьезное упущение, сводящее на нет сделанный вывод: в них допускается смешение понятий «семья» и «брак». Брак, хоть и лежит в основе создания семьи, но не является единственным основанием возникновения семьи. Понятие семьи гораздо шире. Так, например, мать ребенка может и не состоять с отцом ребенка в зарегистрированном браке, однако и мать и отец будут составлять одну семью с ребенком, и в основе такой семьи будет лежать кровное родство, а не регистрация заключения брака. Семья может возникнуть и как следствие усыновления (удочерения) ребенка одинокой женщиной или мужчиной.

По мнению Ю. А. Королева, семья – это самостоятельный субъект права, занимающий промежуточное положение между физическими и юридическими лицами⁴⁹. Не являясь юридическим лицом, «семья выступает в гражданском обороте как единое целое, например, в вопросах жилищных, пенсионных, при получении льгот или преимуществ непосредственно на всю семью (размер квартплаты, пенсии, пособия). Особое положение во всех этих вопросах занимает одинокая мать с ребенком (без алиментов), поскольку при несовершеннолетии ребенка все функции семьи осуществляются только матерью как представительницей ребенка (с дедом, бабушкой по поводу наследства и пр.), пока он не приобретет дееспособности»⁵⁰.

Поддерживая идею о том, что в семейном праве семья выступает единым коллективным субъектом, С. А. Муратова утверждает, что отдельные члены семьи «также являются самостоятельными субъектами семейных пра-

⁴⁷ Кокова Д. А. Семья и семейные правоотношения // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2016. № 1. С. 158.

⁴⁸ Полич С. Б. Некоторые особенности правосубъектности лиц – участников гражданских и семейных отношений // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2018. Вып. 42. С. 681.

⁴⁹ Королев Ю. А. Семья как субъект права. URL: <https://www.lawmix.ru/comm/6604>.

⁵⁰ Королев Ю. А. Семья как субъект права...

воотношений»⁵¹. В обоснование указанных выводов приводятся следующие аргументы: во-первых, понятие «семья» встречается как самостоятельное в нормативных правовых актах; во-вторых, неперенным условием существования семьи является правовая связь ее членов⁵².

Термин «семья» действительно часто встречается в тексте не только КоБС, но и иных нормативных правовых актов. Иногда из формулировок тех или иных норм напрашивается вывод, сделанный С. А. Муратовой. В частности, ст. 1 КоБС к задачам законодательства о браке и семье относит укрепление семьи в Республике Беларусь как естественной и основной ячейки общества; именно семья, как указано в ст. 3 КоБС, находится под защитой государства; брак расторгается судом, если будет установлено, что дальнейшая совместная жизнь супругов и сохранение семьи стали невозможными (ч. 3 ст. 36 КоБС); при разделе имущества судом учитываются также общие долги супругов и права требования по обязательствам, возникшим в интересах семьи (ч. 5 ст. 24 КоБС); суд при разделе общего имущества супругов может отойти от принципа равенства долей, если будет установлено, что один из супругов расходовал общее имущество в ущерб интересам семьи (ч. 1 с. 24 КоБС); по обязательствам одного из супругов супруги отвечают имуществом, являющимся их общей совместной собственностью, если судом будет установлено, что полученное по обязательствам использовано в интересах всей семьи (ч. 2 ст. 28 КоБС). По смыслу указанных норм семья будто обособляется и наделяется некоей самостоятельностью в правоотношениях. Однако эта самостоятельность только кажущаяся, а указанные нормы свидетельствуют скорее о том, что семья является объектом государственной защиты, а не самостоятельным субъектом правоотношений. Целью подобных норм, по справедливому утверждению О. Ю. Ильиной, является обеспечение интересов семьи «как единого организма, подлежащего публично-правовой охране и защите»⁵³.

Сторонниками идеи об отсутствии у такого образования как семья субъектной самостоятельности являются Е. В. Косенко⁵⁴, И. М. Кузнецова⁵⁵, Е. С. Захарова⁵⁶, Т. В. Краснова⁵⁷, М. Г. Бруй⁵⁸ и др.

Полагаем, что решение вопроса о самостоятельности семьи как субъекта права и правоотношений возможно лишь через призму ее правосубъектно-

⁵¹ Муратова С. А. Семейное право: учеб. пособ. М.: Юриспруденция, 2001. С. 29.

⁵² Там же.

⁵³ Ильина О. Ю. Указ. соч.

⁵⁴ Косенко Е. В. Субъекты семейного права: монография. М.: Берлин: Директ-Медиа, 2016. С. 31.

⁵⁵ Кузнецова И. М. Указ. соч. С. 18.

⁵⁶ Захарова Е. С. Семейное право Республики Беларусь. Минск: Веды, 2003. С. 37.

⁵⁷ Краснова Т. В. Указ. соч.

⁵⁸ Бруй М. Г. Семейное право: ответы на экзаменац. вопр. Минск: ТетраСистемс, 2006. С. 11.

сти. Ведь именно правосубъектность, как верно отмечает В. В. Скоробогатова, – это категория, «определяющая исходные правовые способности субъектов права <...>. Правосубъектность обеспечивает субъекту вхождение в правовую систему и доступ ко всем ценностям, предоставляемых ею»⁵⁹. Преобладающим в научной литературе является подход к выделению в структуре правосубъектности двух элементов: правоспособности и дееспособности⁶⁰. Однако данный подход не является единственным. Некоторыми авторами в числе элементов правосубъектности выделяется также деликтоспособность, т.е. способность физического лица нести самостоятельную ответственность за свои действия⁶¹.

Полагаем, что семья не обладает какими-либо элементами правосубъектности и наиболее отчетливо это видно при изучении норм брачно-семейного законодательства, регулирующих именно имущественные отношения, возникающие как внутри семьи между ее членами, так и отношения с третьими лицами, в которые вступают отдельные члены семьи. Так, персонифицированной является, лежащая на каждом из родителей, обязанность уплачивать алименты на содержание их несовершеннолетних и нуждающихся в помощи нетрудоспособных совершеннолетних детей, равно как и персонифицирована ответственность за неисполнение этой обязанности (ст. 91 КоБС). На каждом из детей лежит обязанность содержать своих нуждающихся в помощи нетрудоспособных родителей (ст. 100 КоБС). Каждый из супругов несет обязанность по содержанию друг друга (ст. 29 КоБС). В белорусском законодательстве закреплено правило о раздельности имущества детей и родителей. В контексте сказанного, хороший пример приводит Е. В. Косенко: «<...> при получении займа, кредита мы определенно можем говорить, что имущественное гражданское правоотношение возникло не между кредитором и должником, коим является семья, а между кредитором и должником-членом семьи, который может, впрочем, нести и самостоятельную имущественную ответственность, если второй супруг докажет, что долг является личным долгом супруга-должника. По общему правилу, пока не доказано иное, долг будет считаться общим долгом супругов. Тем не менее, мы видим, что семья не рассматривается в качестве самостоятельного субъекта, а представ-

⁵⁹ Скоробогатова В. В. Правосубъектность граждан в российском гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2008. С. 3.

⁶⁰ См.: Бондаренко Н.Л. Актуальные проблемы института дееспособности физических лиц в Республике Беларусь // Вести Института предпринимательской деятельности. 2015. № 1. С. 75–79.

⁶¹ См.: Наден В.В. Элементы правосубъектности в гражданском праве. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/elementy-pravosubektnosti-v-grazhdanskom-prave-1>.

ляет собой объединение субъектов, обладающих хоть и равными, но автономными правами и обязанностями»⁶².

Следствием отсутствия закрепленных за семьей субъективных прав, а значит и корреспондирующих им обязанностей, является и отсутствие ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение этих обязанностей.

Таким образом, отсутствие у семьи каких-либо элементов правосубъектности не позволяет признать семью самостоятельным субъектом правоотношений. Субъектами правоотношений всегда являются отдельные лица, объединенные в рамках семьи: это может быть как одно лицо (например, в алиментных обязательствах), так и несколько лиц (например, каждый супруг, но не все члены одной семьи, обладают правом собственности на общее совместное имущество).

Здесь возникает логичный вопрос: если семья не является субъектом правоотношений, то какова роль этого явления в праве? Вопрос о том, является ли семья субъектом правоотношений, О. Ю. Ильина в целом считает некорректным, поскольку под воздействие норм права попадают лишь «отдельные отношения, возникающие между отдельными членами семьи»⁶³. Справедливость данного замечания подтверждается изложенным выше. Полагаем, что нет оснований не согласиться с выводом, сделанным О. Ю. Ильиной: «Семья в юриспруденции – это фикция, интересы которой обеспечиваются частноправовыми и публично-правовыми средствами»⁶⁴. В русском языке слово «фикция» означает намеренно созданное, измышленное положение, построение, не соответствующее действительности и обычно используемое с какой-либо определенной целью⁶⁵. В праве, в традиционном понимании, фикция представляет собой технико-юридический прием, заключающийся в том, что какому-либо объекту (предмету, лицу, явлению, процессу и т.п.) приписывается характеристика, которой он не располагает, или наоборот, отрицается присущая объекту характеристика. Понятие правовой фикции в последнее время подвергается активному научному осмыслению. Раскрывая суть юридической фикции, П. М. Резиньков отмечает, что фикция призвана провозгласить заведомо ложное положение законным и общеобязательным, «<...> условно признать его истиной, возможность опровержения которой, как правило, не имеет никакого юридического значения. Фикция не соответствует действительности и не способна ее объяснить, но это научный прием, помогающий осуществить жизненную задачу разграничения интересов. Та-

⁶² Косенко Е. В. Указ. соч. С. 31.

⁶³ Ильина О. Ю. Указ. соч.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Русский язык, 1975. С. 783.

ким образом, фикции в праве применяются главным образом в следующих случаях: как способ преодоления ситуации неопределенности (неизвестности); как средство юридической экономии; как способ распространения правового режима одного объекта на другой объект и т. д.»⁶⁶. Относя юридическую фикцию к специальным методам юридической техники, Е. Ю. Марохин утверждает, что использование данного метода оправдано в том случае, когда необходимо сконструировать норму права в ситуации «невосполнимой неизвестности». Применение юридической фикции оправдано не только при формулировании отдельных норм права, но и при «построении отдельных, весьма сложных и имеющих большое значение для отраслей права институтов»⁶⁷. Несколько иное понимание юридической фикции представлено в работах Л. А. Душакловой, по утверждению которой правовая фикция есть ни что иное, как конкретная правовая норма, содержащаяся в конкретных правовых источниках. Делая такой вывод, Л. А. Душакова дает следующее определение правовой фикции: «Правовая фикция – это закрепленная в соответствующих источниках и используемая в юридической практике особого рода правовая норма, посредством которой положения, несуществующие в действительности или противоречащие ей, императивно провозглашаются существующими и имеющими юридическое значение с целью преодоления невосполнимой неизвестности в правовом регулировании общественных отношений»⁶⁸.

Обобщенное изложение всех приведенных выше подходов отражено в работе О. А. Кузнецовой. Ученый называет три основных признака правовой фикции: во-первых, фикция превращает несуществующие в действительности обстоятельства в существующие (т. е. она является заведомой ложью в праве); во-вторых, правовая фикция закрепляется в правовой норме, в силу чего является нормативным предписанием; в-третьих, фикции используются в юридической практике для защиты частных и общественных интересов с помощью распространения на «вымышленное явление» необходимого правового режима⁶⁹.

Рассмотрение семьи через призму указанных признаков правовых фикций позволяет в полной мере согласиться с мнением О. Ю. Ильиной: семья, действительно, представляет собой не что иное, как фикцию в праве⁷⁰.

Понятие семьи призвано показать единство всех ее членов, их правовую связанность внутри нее, благодаря чему можно сделать вывод о том, кого

⁶⁶ Резиньков П. М. Юридическая фикция: теоретико-правовой анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. ист. наук. Волгоград, 2012. С. 9.

⁶⁷ Марохин Е. Ю. Юридическая фикция в современном российском законодательстве: автореф. дис. ... канд. юрид. ист. наук. Ставрополь, 2004. С. 6.

⁶⁸ Душакова Л. А. Правовые фикции: автореф. дис. ... канд. юрид. ист. наук. Волгоград, 2004. С. 8–9.

⁶⁹ Кузнецова О. А. Презумпции в гражданском праве. С.-Пб.: Юрид. центр Пресс, 2004. С. 57.

⁷⁰ Ильина О. Ю. Указ. соч.

из отдельных лиц следует признавать субъектом семейных правоотношений, кто из них наделен семейной правосубъектностью. «В отличие от гражданских правоотношений, – отмечал Я. Р. Веберс, – субъектом которых способен быть любой гражданин в силу того, что он является членом <...> общества, в семейных правоотношениях граждане могут быть субъектами лишь как члены семьи»⁷¹. Иначе говоря, отдельное физическое лицо наделено семейно-правовым статусом именно потому, что является частью единого «механизма» – семьи. «С этой точки зрения, – пишет О. Ю. Ильина, – семья и ее члены подвергаются правовому воздействию как единый организм. Но при этом правоспособностью и дееспособностью наделяются отдельные члены семьи, а не семья в целом»⁷². Именно это можно наблюдать во всех правоотношениях, возникающих в семье: родительских, супружеских, отношениях, связанных с усыновлением и т.п. Очевидно, что отдельные физические лица в этих правоотношениях не действуют автономно, а всегда стремятся к объединению.

Библиографический список

Александров И. Ф. Правовое регулирование семейных отношений: соотношение семейного и гражданского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2004.

Антокольская М. В. Семейное право. М.: Юрист, 1996.

Баитаева Я. З. Семья и ее члены как субъекты жилищных правоотношений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2004.

Безнощенко Е. А. Семья как социальная ценность: философский анализ: автореф. дис. ... канд. философ. наук. Москва, 2010.

Бондаренко Н. Л. Актуальные проблемы института дееспособности физических лиц в Республике Беларусь // Вести Института предпринимательской деятельности. 2015. № 1.

Бошко В. И. Очерки советского семейного права. Киев: Госполитиздат УССР, 1952.

Бруй М. Г. Семейное право: ответы на экзаменац. вопр. Минск: Тетра-Системс, 2006.

Веберс Я. Р. Правосубъектность граждан в советском гражданском и семейном праве. Рига: Зинатне, 1976.

Векленко В. В., Акиев А. Р. Юридическая природа понятия «семья» // Общество и право. 2016. № 2.

Ворожейкин Е. М. Семейные правоотношения в СССР. М.: Юрид. лит., 1972.

⁷¹ Веберс Я.Р. Правосубъектность граждан в советском гражданском и семейном праве. Рига: Зинатне, 1976. С. 87–88.

⁷² Ильина О. Ю. Указ. соч.

Гасанзаде С. Б. Юридическая и социальная дефиниции семьи // Мониторинг правоприменения. 2015. № 4 (17).

Гражданское право: в 3 т. Т. 3 / под ред. под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. М.: Проспект, 1999.

Дождев Д. В. Римское частное право: учебник для вузов / под ред. В.С. Нерсесянца. М.: ИНФРА-М, 1997.

Душакова Л. А. Правовые фикции: автореф. дис. ... канд. юрид. ист. наук. Волгоград, 2004.

Захарова Е. С. Семейное право Республики Беларусь. Минск: Веды, 2003.

Ильина О. Ю. Проблемы интереса в семейном праве Российской Федерации. URL: <https://www.lawmix.ru/commlaw/1061?page=17>.

Кокова Д.А. Семья и семейные правоотношения // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2016. № 1.

Королев Ю. А. Семья как субъект права. URL: <https://www.lawmix.ru/comm/6604>.

Косенко Е. В. Субъекты семейного права: монография. М.: Берлин: Директ-Медиа, 2016.

Косова О. Ю. Семейное и наследственное право России: учеб. пособие. М.: Статут, 2001.

Косова О. Ю. Основания возникновения семейных правоотношений: дис. ... канд. юрид. наук. Ленинград, 1986.

Краснова Т. В. Значение категорий «семья» и «родство» в правоотношениях родителей и детей. URL: <http://отрасли-права.рф/article/28024>.

Крашенинников П. В. Постатейный комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации и Федеральному закону «Об опеке и попечительстве». М.: Статут, 2010.

Кузнецова И. М. Семейное право. М.: Юристъ, 1999.

Кузнецова О. А. Презумпции в гражданском праве. С.-Пб.: Юрид. центр Пресс, 2004.

Лойко Л. Е. Философия: учеб. пособие. Минск: Акад. МВД Респ. Беларусь, 2004.

Маньковский И. А., Вабищевич С. С. Субъекты гражданского права: монография. Минск: Молодежное, 2010.

Марохин Е. Ю. Юридическая фикция в современном российском законодательстве: автореф. дис. ... канд. юрид. ист. наук. Ставрополь, 2004.

Матвеев Г. К. Советское семейное право: учеб. М.: Юрид. лит., 1985.

Монахов А. Б. Семья: правовое определение понятия // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2004. Вып. 9.

Муратова С. А. Семейное право: учеб. пособие. М.: Юриспруденция, 2001.

Наден В. В. Элементы правосубъектности в гражданском праве. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/elementy-pravosubektnosti-v-grazhdanskom-prave-1>.

Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Русский язык, 1975.

Пенкрат В. И. Правовая защита семьи в Республике Беларусь // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. 2018. № 2.

Пенкрат В. И. Семейное право. Минск: Молодежное, 2007.

Полич С. Б. Некоторые особенности правосубъектности лиц – участников гражданских и семейных отношений // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2018. Вып. 42.

Резиньков П. М. Юридическая фикция: теоретико-правовой анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. ист. наук. Волгоград, 2012.

Рясенцев В. А. Семейное право. М.: Юрид. лит., 1971.

Семьеведение: учеб. пособие / под ред. Е. А. Сигиды. М.: Инфора-М, 2010.

Синайский В. И. Русское гражданское право. М.: Статут, 2002.

Скоробогатова В. В. Правосубъектность граждан в российском гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2008.

Тарасова А. Е., Мясникова Е. В. Правовые категории «семья» и «члены семьи» в семейном, гражданском и жилищном праве: проблемы соотношения // Северо-кавказский юридический вестник. 2013. № 1.

Филиппов С. А. Понятие «семья» по российскому законодательству // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016. № 3.

Харчев А. Г. Брак и семья в СССР: опыт социологического исследования. М.: Мысль, 1964.

Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. М.: Статут, 2005.

Шершень Т. В. В год семьи о понятии семьи в современном российском праве // Семейное и жилищное право. 2008. № 5.

Шимин Н. Д. Семья как общественное явление: опыт социал.-филос. анализа. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1989.

Информация для цитирования

Халецкая Т. М. О семье в юридическом смысле // Ex jure. 2021. № 1. С. 152–170. DOI: 10.17072/2619-0648-2021-1-152-170.

Khaletskaya T. M. Family in the Legal Sense. Ex jure. 2021. № 1. Pp. 152–170. (In Russ.). DOI: 10.17072/2619-0648-2021-1-152-170.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

УДК 343.51

DOI: 10.17072/2619-0648-2021-1-171-180

СПОСОБЫ ПОДДЕЛКИ СРЕДСТВ ПЛАТЕЖЕЙ

К. В. Малыгин

Аспирант юридического факультета

Пермский государственный
национальный исследовательский университет
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Судья Пермского краевого суда
614990, Россия, г. Пермь, ул. Екатерининская, 33

E-mail: malygink@mail.ru

Аннотация: в статье анализируется складывающаяся правоприменительная практика по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст. 187 УК РФ, проявляющаяся в криминализации действий руководителей организаций, включающих недостоверные сведения в средства платежей при осуществлении расчетов; рассматриваются критические взгляды на данную практику со стороны исследователей; обосновывается необходимость широкого понимания подделки средств платежей, включающей в себя действия, в результате которых создается фиктивный документ, отражающий недостоверную информацию о юридически-значимых фактах, составляющих его содержание.

Ключевые слова: подделка средств платежей; внесение недостоверных сведений об основаниях платежа.

© Малыгин К. В., 2021

METHODS FOR FORGERY OF PAYMENTS

K. V. Malygin

Perm State University
15, Bukireva st., Perm, Russia, 614990

Perm Regional Court
33, Ekaterininskaya st., Perm, Russia, 614990

E-mail: malygink@mail.ru

Abstract: *the article analyzes the emerging law enforcement practice in criminal cases for crimes under Art. 187 of the Criminal Code of the Russian Federation, which manifests itself in the criminalization of the actions of heads of organizations that include inaccurate information in the means of payment when making payments; examines critical views of this practice from researchers; substantiates the need for a broad understanding of counterfeiting of means of payment, which includes actions that result in a fictitious document reflecting inaccurate information about legally significant facts that make up its content.*

Keywords: *counterfeiting of payment means; entering inaccurate information about the reasons for payment.*

Федеральным законом от 8 июня 2015 года № 153-ФЗ «О внесении изменений в статью 187 Уголовного кодекса Российской Федерации» были внесены существенные изменения в диспозицию части 1 статьи 187 УК РФ, касающиеся определения предмета, объективной и субъективной стороны данного состава преступления.

В частности, помимо изготовления в целях сбыта и сбыт поддельных средств платежей, в настоящее время уголовная ответственность по рассматриваемой норме уголовного закона предусмотрена за их изготовление, приобретение, хранение, транспортировку в целях использования.

В результате этого все более широкое распространение получает практика квалификации по части 1 статьи 187 УК РФ, а именно как изготовление в целях использования поддельных распоряжений о переводе денежных средств, действий руководителей организаций, которые в рамках осуществления предоставленных им в силу занимаемой должности полномочий составляют и подписывают для последующего представления в банк платежные поручения, содержащие недостоверные сведения об основаниях платежа.

Например, приговором Кировского районного суда г. Хабаровска от 8 октября 2018 года, оставленным без изменения апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам Хабаровского краевого суда от 24 января 2019 года¹, Панфилова А.А. осуждена по ч. 1 ст. 187 УК РФ за то, что, являясь директором общества с ограниченной ответственностью, изготовила в целях использования путем представления в банк два платежных поручения, в которых указала заведомо ложные сведения о целях расходования денежных средств, а именно за установку систем мониторинга, которой в действительности не осуществлялось (постановлением судьи 9 кассационного суда общей юрисдикции от 24 марта 2020 года в передаче кассационной жалобы защитника для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции отказано).

Приговором Новочеркасского городского суда Ростовской области от 18 января 2019 года² по части 1 статьи 187 УК РФ осуждены Милаев Р. Н. (директор общества с ограниченной ответственностью) и Буцкая И. Ю. (главный бухгалтер общества) за изготовление в целях представления в банк нескольких платежных поручений, содержащих заведомо ложные сведения о назначении платежей, содержании финансовых операций, связанных с поставкой товаров, и выполнении услуг, которые фактически не осуществлялись.

Аналогичная практика имеется в судах Пермского края, Удмуртской и Кабардино-Балкарской Республик³.

В описанных случаях внесение в платежные поручения заведомо недостоверных сведений об основаниях платежа рассматривается правоприменителями как их подделка.

Критикуя данную правовую позицию, некоторые исследователи указывают, что она подменяет определение поддельности платежного поручения установлением фиктивности (отсутствия) гражданско-правовых отношений между сторонами, что неравнозначно. По их мнению, подделка платежного поручения представляет собой его изготовление неуполномоченным лицом либо внесение в подлинное платежное поручение недостоверной информа-

¹ URL: https://kraevoy-hbr.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=9394718&delo_id=4&new=4&text_number=1.

² URL: https://novocherkassky-ros.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=73232807&delo_id=1540006&new=0&text_number=1.

³ См., напр.: URL: https://prohladnensky-kbr.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=21794331&delo_id=1540006&new=0&text_number=1; URL: https://industrialnyy-udm.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=88533443&delo_id=1540006&new=0&text_number=1; URL: https://industry-perm.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=19391266&delo_id=1540006&new=0&text_number=1.

ции, которая не была волеизъявлением руководителя организации или физического лица, которому принадлежат безналичные денежные средства. Иными словами, изготовить поддельный документ может только лицо, не уполномоченное на его эмиссию⁴. Подделка в сложившемся ее понимании не охватывает интеллектуальный подлог, если документ подписан лицом, от имени которого он составлен⁵.

Кроме того, исследователи обращают внимание на то, что согласно Пояснительной записке к проекту закона, внесшему указанные изменения в статье 187 УК РФ, целью данных изменений являлось усиление ответственности за хищение денежных средств с использованием высоких технологий в банковской сфере, а также общее оздоровление обстановки на рынке дистанционных услуг, существенное снижение рисков при использовании электронных платежных средств и электронной коммерции⁶. В то же время складывающаяся практика применения статьи 187 УК РФ не способствует успешному решению перечисленных законодателем задач, а направлена в основном на борьбу с обналичиванием денежных средств, то есть не в соответствии с действительной волей законодателя⁷.

Для оценки обоснованности изложенных правовых позиций представляется необходимым определить круг общественных отношений, составляющих объект рассматриваемого преступления, и проанализировать, оказывают ли негативное влияние на данные отношения действия, описанные в приведенных выше примерах судебной практики.

Как следует из диспозиции рассматриваемой нормы уголовного закона, законодатель установил основным непосредственным объектом уголовно-правовой охраны для данного состава преступления общественные отношения, регулирующие обращение средств платежей, действующих в рамках определенных форм безналичных расчетов, не связанных с расчетами ценными бумагами (ответственность за подделку которых предусмотрена статьей 186 УК РФ). При этом в качестве предмета данного преступления, применительно к формам расчета, указаны: платежные карты, распоряжения о переводе денежных средств, документы или средства оплаты.

⁴ Соловьева Е. А. О проблемах правоприменительной практики, формируемой при применении уголовной ответственности за неправомерный оборот платежных документов // *Ex iure*. 2020. № 1. С. 95–105. DOI: 10.17072/2619-0648-2020-1-95-105.

⁵ Бимбинов А. А. *[и др.]*. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: учебник / под общ. ред. д.ю.н., проф. И.Э. Звечаровского. М.: Проспект, 2020. 688 с.

⁶ URL: <http://sozd.duma.gov.ru/download/08534099-7D1D-4023-B1D1-21227FA58F4B>.

⁷ Материалы заседания Экспертного Совета при Уполномоченном по защите прав предпринимателей в Пермском крае. URL: <http://ombudsmanbiz59.ru/predlozheniya-upolnomochennogo-o-dorabotke-st-187-uk-rf-odobreny-na-federalnom-urovne/>.

Формы безналичных расчетов и предъявляемые к ним требования установлены Главой 46 ГК РФ, а также принятыми в соответствии с ней Федеральным законом от 27 июня 2011 года № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» и банковскими правилами, в том числе Положением Банка России от 19 июня 2012 года № 383-П «О правилах осуществления перевода денежных средств», Положением Банка России от 6 июля 2017 года № 595-П «О платежной системе Банка России».

В частности, данными правовыми актами в качестве одной из форм безналичных расчетов предусмотрены расчеты платежными поручениями (относящимися к распоряжениям о переводе денежных средств), а обязательным требованием к их составлению является указание назначения платежа, наименования товаров, работ, услуг, номера и даты договоров, товарных документов.

Установление законодателем определенных требований к формам безналичных расчетов, как инструментам доступа к безналичным и электронным деньгам, с одной стороны, связано со стремлением обеспечить безопасность последних, а с другой – с необходимостью осуществления контроля законности самих расчетов для исключения их использования в противоправных целях.

В рассматриваемых примерах судебной практики виновные, внося в платежные поручения недостоверные сведения об основаниях платежа, нарушали указанные выше требования, скрывая истинные цели распоряжения денежными средствами.

При этом практика рассмотрения уголовных дел о преступлениях, предусмотренных статьей 187 УК РФ, демонстрирует их частую сопряженность с другими преступлениями: различными формами хищения имущества, незаконной банковской деятельностью, уклонением от уплаты налогов, финансированием коррупции и др. Например, из 6 уголовных дел данной категории, рассмотренных судами Пермского края в период с 2015 года по настоящее время, по 5 делам подсудимым вменялось в вину совершение иных преступлений (ст. 159, 160, 172 УК РФ)⁸.

В этой связи общественная опасность посягательств на общественные отношения, регулирующие обращение средств платежей, напрямую обусловлена их потенциальной связью с иными противоправными действиями, предметом которых могут являться безналичные и электронные деньги.

⁸ См., напр.: URL: https://lenin--perm.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=18673095&delo_id=1540006&new=0&text_number=1; URL: https://lenin--perm.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=29195637&delo_id=1540006&new=0&text_number=1.

Вместе с тем попытки некоторых исследователей ограничить применение ст. 187 УК РФ исключительно теми случаями, когда виновное лицо подделывает средства платежа в целях хищения денег, нельзя признать обоснованными, поскольку в диспозиции части 1 статьи 187 УК РФ на связь, описанных в данной норме, деяний именно с хищением денег не указывается. Иными словами, такая цель не является признаком состава преступления. В то же время, по смыслу статьи 8 УК РФ, состав преступления представляет собой необходимое и достаточное основание уголовной ответственности, в связи с чем, для квалификации деяния как преступления не требуется установления еще каких-то дополнительных признаков и фактов, которые не охватываются диспозициями соответствующих статей Уголовного кодекса РФ.

Кроме того, из Пояснительной записки к проекту закона, внесенному в части 1 статьи 187 УК РФ рассматриваемые изменения, на которую ссылаются авторы обозначенной позиции, следует, что данные изменения направлены не только на усиление борьбы с преступлениями, совершаемыми в целях хищения денежных средств с использованием высоких технологий в банковской сфере, но и в целом на оздоровление обстановки на рынке дистанционных услуг, снижение рисков при использовании электронных платежных средств и электронной коммерции.

Таким образом, по нашему мнению, деяния, описанные в приведенных выше примерах судебной практики, посягают на общественные отношения, являющиеся объектом преступления, предусмотренного статьей 187 УК РФ.

Вторым вопросом, по поводу которого высказана критика складывающейся судебной практики рассмотрения уголовных дел данной категории, является правильность правовой оценки действий руководителей организаций, связанных с внесением в платежные поручения недостоверных сведений об основаниях платежа, как подделки распоряжений о переводе денежных средств.

Несмотря на то, что признак подделки предметов преступления неоднократно встречается в различных статьях Уголовного кодекса РФ, его определения, как и перечня действий, составляющих подделку, законодатель не дает. Вероятно, это обусловлено именно многообразием предметов подделки, способы фальсификации которых, могут быть различными.

Даже в рамках рассматриваемой нормы к ним отнесены предметы, имеющие различные материальные формы выражения, способы изложения информации, и ее защиты:

– платежные карты, представляющие собой расчетные (дебетовые), кредитные или предоплаченные карты, содержащие электронную информацию, позволяющую идентифицировать ее владельца (кроме предоплаченных

карт) и получить доступ к его банковскому счету или электронным денежным средствам, а также о номинале предоплаченной карты;

– распоряжения о переводе денежных средств – расчетные (платежные) документы (в том числе платежные поручения, инкассовые поручения, платежные требования, платежные ордера, банковские ордера и др.), изложенные на бумаге или в электронном виде, составляемые в рамках форм безналичных расчетов плательщиками, получателями средств, а также лицами, органами, имеющими право на основании федерального закона предъявлять распоряжения к банковским счетам плательщиков (взыскатели средств), банками;

– иные документы и средства оплаты, обеспечивающие перевод безналичных или электронных денег в форме бумажного или электронного документа.

Кроме того, в статье 186 УК РФ предусмотрена уголовная ответственность за операции с поддельными банковскими билетами Центрального банка Российской Федерации, металлическими монетами, ценными бумагами; в статье 233 УК РФ предметами подделки названы рецепты и иные документы, дающие право на получение наркотических средств или психотропных веществ; в статье 326 УК РФ – идентификационный номер, номер кузова, шасси, двигателя, государственный регистрационный знак транспортного средства; в статье 327 УК РФ – официальный документ, государственные награды, штампы, печати, бланки и т.д.

Анализ правовых позиций Верховного Суда РФ, выраженных в рамках легального толкования уголовного закона, а также при рассмотрении уголовных дел об указанных преступлениях позволяет определить характерные деяния, составляющие подделку, применительно к распоряжениям о переводе денежных средств и схожим предметам преступлений.

Согласно постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 28 апреля 1994 г. № 2 «О судебной практике по делам об изготовлении или сбыте поддельных денег или ценных бумаг» состав преступления образует как частичная подделка денежных купюр или ценных бумаг (переделка номинала подлинного денежного знака, подделка номера, серии облигации и других реквизитов денег и ценных бумаг), так и изготовление полностью поддельных денег и ценных бумаг, имеющих существенное сходство по форме, размеру, цвету и другим основным реквизитам с находящимися в обращении подлинными денежными знаками или ценными бумагами (п. 3)⁹.

В данном случае выделены два способа подделки денег и ценных бумаг: полная и частичная подделка.

⁹ URL: <https://vsrf.ru/documents/own/7741/>.

При этом под полной подделкой понимается создание полностью фальшивых денег или ценных бумаг, то есть имитации подлинников. Частичная подделка определяется через внесение в подлинные денежные купюры или ценные бумаги исправлений, искажающих их действительное содержание, то есть действия, образующие так называемый материальный подлог¹⁰.

Однако в судебной практике по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных статьей 327 УК РФ, деяния, составляющие подделку документов, выходят за рамки материального подлога и включают в себя действия, связанные с интеллектуальным подлогом, то есть внесением в документы заведомо недостоверных сведений.

Например, судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ признала правильным решение Пермского областного суда о квалификации по части 1 статьи 327 УК РФ – подделка официального документа, предоставляющего права, в целях его использования, действий Г., выразившихся в изготовлении для М. справки о заработной плате, с указанием недостоверных сведений о работе последней в ее адвокатском кабинете, занимаемой должности и о размере получаемой заработной платы (кассационное определение Верховного Суда РФ от 27 октября 2006 г. № 44-О06-111)¹¹.

Также по части 1 статьи 327 УК РФ подделкой признавалось:

- изготовление счетов-фактур, содержащих недостоверные сведения о факте оказания транспортных услуг в рамках фиктивных договоров (надзорное определение Верховного Суда РФ от 15.12.2010 г. № 7-Д10-5)¹²;

- изготовление уполномоченным сотрудником ГИБДД экзаменационного листа, с включением в него недостоверных сведений о сдаче экзаменов на право управления транспортным средством (апелляционное постановление Амурского областного суда от 25 июля 2017 г. № 22-1198/2017, с которыми согласились судья и заместитель председателя Верховного Суда РФ)¹³.

Интеллектуальный подлог, выраженный во внесении в платежные поручения заведомо недостоверных сведений об основаниях платежа, наряду с подделкой подписи автора данного документа, также признавался Верховным Судом РФ способом совершения преступления, предусмотренного статьей 187 УК РФ.

¹⁰ Ефремов Д.А. К вопросу о правовой и криминалистической сущности подлога // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018. № 1 (120). С. 182–188.

¹¹ URL: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=155696.

¹² URL: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=408278.

¹³ URL: https://magdagachinskiy--amr.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=case&uid=1ba2da4c-1cc7-43ce-9fdc-ad99d5308d4c&deloid=1540006&caseType=0&_new=0&_doc=1&srv_num=1&_hideJudge=0.

Так, президиумом Верховного Суда РФ было рассмотрено уголовное дело в отношении Г., в том числе по части 2 статьи 187 УК РФ. По данному делу Г., используя поддельный паспорт, зарегистрировал организацию на имя другого лица, открыл банковский счет, затем изготавливал от имени указанной организации поддельные платежные поручения. При этом подделкой президиумом признано не только составление и подписание платежных поручений от имени другого лица – директора, на которого была зарегистрирована организация, но и во внесении в данные платежные поручения заведомо недостоверных сведений об основаниях платежа (постановление президиума Верховного Суда РФ от 31 марта 2010 г. № 369-П09ПР)¹⁴.

В приведенных примерах общим является то, что в результате действий виновного создается фиктивный предмет (фальшивые деньги, ценные бумаги, платежные карты, поручения, официальные документы и пр.), отражающий недостоверную информацию о различных значимых обстоятельствах:

- о принадлежности предмета к определенному виду подлинных предметов (путем имитации их внешнего вида и характерных признаков);
- о его происхождении (от государственного органа, организации или какого-либо конкретного лица посредством использования их реквизитов, личных данных, имитации печатей, подписей и др.);
- о юридически-значимых фактах, составляющих его содержание (путем искажения существующих или включения несоответствующих действительности сведений).

При этом, по нашему мнению, для квалификации не имеет существенного значения, проявляются ли в деянии виновного все из указанных признаков или отдельные из них, если таким деянием нарушаются охраняемые уголовным законом общественные отношения.

С этой точки зрения, принимая во внимание тот факт, что реквизит назначения платежа является обязательным для платежных поручений и выступает необходимым условием контроля законности перевода денежных средств, внесение в данный реквизит недостоверных сведений искажает действительное содержание платежной операции, а следовательно и самого платежного поручения, грубо нарушает порядок безналичных расчетов, в связи с чем может быть признано подделкой распоряжения о переводе денежных средств для целей ст. 187 УК РФ.

¹⁴ URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=147653#011758621897275323>.

Библиографический список

Бимбинов А. А. и др. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть (учебник) / под общ. ред. д.ю.н., проф. И. Э. Звечаровского. М.: Проспект, 2020.

Ефремов Д. А. К вопросу о правовой и криминалистической сущности подлога // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018. № 1 (120).

Соловьева Е. А. О проблемах правоприменительной практики, формируемой при применении уголовной ответственности за неправомерный оборот платежных документов // *Ex jure*. 2020. № 1. DOI: 10.17072/2619-0648-2020-1-95-105.

Ex jure

Информация для цитирования

Малыгин К. В. Способы подделки средств платежей // *Ex jure*. 2021. № 1. С. 171–180. DOI: 10.17072/2619-0648-2021-1-171-180.

Malygin K. V. Methods for Forgery of Payments. *Ex jure*. 2021. № 1. Pp. 171–180. (In Russ.). DOI: 10.17072/2619-0648-2021-1-171-180.

УДК 343.98

DOI: 10.17072/2619-0648-2021-1-181-193

НЕГАТИВНЫЕ ФАКТОРЫ ПРОИЗВОДСТВА СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ

А. М. Моисеев

Доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой общеправовых дисциплин

Институт экономики и права (филиал)
ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений»
299011, Россия, г. Севастополь, ул. Балаклавская, 11

E-mail: moiseev.prof@mail.ru

Н. А. Панько

Аспирант кафедры криминалистики

Кубанский государственный аграрный университет
имени И. Т. Трубилина
350044, Россия, г. Краснодар, ул. Калинина, 13

E-mail: n.a.panko@mail.ru

Аннотация: рассмотрены негативные факторы, оказывающие влияние на ход и результаты экспертизы. Негативный характер факторов производства экспертизы связан с противодействием расследованию, осуществляемому путем фальсификации, уничтожения или изменения объектов экспертизы. Реализован информационный подход в нейтрализации негативных факторов. Показана информационная уязвимость признаков исследуемых объектов, информационных систем и сетей, других носителей информации. Уточнены критерии оценки информативности исследуемых признаков. Среди негативных факторов выделены замаскированный характер при-

© Моисеев А. М., Панько Н. А., 2021

знаков, множественность исследуемых объектов, навязывание коллективного убеждения, другие. Подтверждена эффективность реализации права эксперта на инициативу в плане преодоления негативных факторов. Организационным средством его реализации признаны судебно-экспертные технологии. Показана необходимость включения в их структуру блока операций по выявлению и устранению негативных факторов производства экспертиз.

Ключевые слова: судебная экспертиза, судебно-экспертные технологии, противодействие расследованию, негативные факторы, информативные признаки

NEGATIVE FACTORS OF PRODUCTION OF FORENSIC EXAMINATIONS

A. M. Moiseev

Institute of Economics and Law (branch)
ETUE HPE 'Academy of Labour and Social Relations'
11, Balaklavskaya st., Sevastopol, Russia, 299011
E-mail: moiseev.prof@mail.ru

N.A. Panko

Kuban State Agrarian University named after I. T. Trubilin
13, Kalinina st., Krasnodar, Russia, 350044
E-mail: n.a.panko@mail.ru

Annotation: *the negative factors affecting the process and results of the expert examination have been considered. The negative nature of the factors of production of the expert examination is related to obstruction of the investigation carried out by falsification, destruction or modification of the expert examination objects. An informational approach to neutralization of the negative factors has been implemented. The information vulnerability of the features of studied objects, information systems and networks, other information carriers has been shown. The criteria for evaluation of the information content of the studied features have been specified. Among the negative factors, the veiled nature of the features, the multiplicity of the studied objects, the imposition of collective belief and others have been highlighted. The effectiveness of the realization of the expert's right to initiative in terms of overcoming the negative factors has been confirmed. The forensic and expert technology has been recognized as the organizational means of its implementation. The necessity of including in their structure a block of*

operations to identify and eliminate the negative factors of production of expert examinations has been shown.

Keywords: *forensic expert examination, forensic and expert technology, obstruction of the investigation, negative factors, informative features.*

На ход и результаты судебных экспертиз негативное влияние оказывают различного рода воздействия, как естественного происхождения, так и умышленные, направленные на вещественные доказательства и иные исследуемые объекты. Вместе с тем, результативности судебно-экспертной деятельности способствует применение современных судебно-экспертных технологий, особенно инновационных и наукоемких. Очевидно, что в их функциональной структуре следует предусмотреть операции по выявлению и устранению негативных факторов производства экспертиз. Однако до настоящего времени в научной экспертологической литературе не рассматривались подобные негативные факторы, не решены вопросы их выявления и устранения.

Цель статьи – исследовать научные позиции относительно определения негативных факторов, влияющих на ход и результаты экспертиз, а также предложить рекомендации по их устранению.

В судебной экспертологии превалирует информационный подход¹. Согласно ему, следы и иные объекты экспертного исследования интерпретируют как носители криминалистической информации². Установление информации о фактах и обстоятельствах события называют одним из заданий судебной экспертизы. Между тем, понятие информации еще не получило своего однозначного научного определения. На современном этапе исследователи понимают информацию как материальное явление³. Информация, обрабатываемая в рамках судебной экспертизы, определена как экспертная. Носителем экспертной информации признают следы, признаки, свойства, другие исследуемые объекты. Объем и достоверность экспертной информации становится показателем эффективности применения экспертных методик. Но их использование связано с риском ее утраты. Поэтому следственно-судебная практика требует разработки мер по предотвращению потери экспертной информации, вызванной действием разнообразных негативных факторов.

¹ Винберг А. И., Мирский Д. Я., Ростов М. Н. Гносеологический, информационный и процессуальный аспекты учения об объекте судебной экспертизы // Вопросы теории и практики судебной экспертизы: сб. науч. трудов. М., 1983. С. 6–10; Колдин В. Я., Полевой Р. С. Информационные процессы и структуры в криминалистике. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985. С. 5; Белкин А. Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве. М.: Норма, 2005. С. 116.

² Вехов В. Б., Пастухов П. С. Формирование стратегий расследования преступлений на основе положений электронной криминалистики // Ex iure. 2019. № 4. С. 138–139.

³ Полевой Н. С., Крылов В. В. Компьютерные технологии в юридической деятельности. М.: БЕК, 1994. С. 9.

Объект экспертизы определяют как материальный носитель информации о фактических обстоятельствах, познаваемых средствами экспертизы. Акцентируем внимание на связи предмета экспертизы с предметом доказывания (кругом обстоятельств, подлежащих установлению по делу)⁴. Можем констатировать, что объект экспертизы содержит разнообразную информацию, которая напрямую или косвенным образом связана с предметом доказывания. Из этого следует необходимость обеспечения полноты информации, извлекаемой из объекта в ходе производства судебных экспертиз. Учитывая влияние разного рода факторов, оказывающих негативное влияние на производство экспертиз, приходим к выводу о важности применения полного арсенала экспертных средств, для извлечения из объекта информации, имеющей доказательственное значение.

Структуру объекта экспертного исследования представляем как систему признаков. Признак понимаем как проявление свойства объекта, установленное в ходе экспертного исследования. Информационное наполнение выделенного признака зависит от правильности выбора примененного исследовательского средства. В таком смысле объект экспертизы представим как систему признаков. В итоге, утверждаем, что выбор вида экспертиз для исследования конкретного объекта требует применения специальных знаний для выявления имеющихся в нем признаков. В условиях действия негативных факторов не исключена вероятность фальсификации объекта или намеренного изменения его признаков. Поэтому поддерживаем позицию, согласно которой, для обеспечения полного и всестороннего исследования объекта, выбор исследовательских средств эксперт определяет самостоятельно.

В общенаучном понимании, фактор эквивалентен движущей силе или причине определенного процесса, существенное обстоятельство протекания, момент изменения его характера⁵. Что касается производства экспертизы, то среди определяющих его характер можно выделить ряд негативных причин, приводящих к потере экспертной информации. К таким факторам относим естественные воздействия на следы, документы, информационные файлы и другие исследуемые информационные носители, а также фактор умышленного их искажения, осуществляемого в целях противодействия расследованию. Рассмотрим некоторые из них.

Фактор замаскированности признаков исследуемого объекта. Например, рассмотрим проблематику выявления идентификационных признаков в трасологических объектах. С трудом удастся обнаружить частные идентификационные признаки в следах ног, одетых в носки или чулки. Затрудне-

⁴ Арсеньев В. Д. Спорные вопросы предмета судебной экспертизы // Рефераты научных сообщений на теор. семинаре – криминалистических чтениях. М., 1978. Вып. 23. С. 3.

⁵ Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. М.: Советская энциклопедия, 1993. С. 1400.

ние вызывает выделение индивидуализирующих признаков в следах, среди признаков анатомических и признаков материала носка, чулка. В следах подошв обуви к замаскированным признакам можно отнести конструкцию подошвы, размер низа обуви и ее частей, наличие на подошве подковок, шипов, фабричных клейм и т.п. Необходимо выделить признаки, такие как дефекты, обусловленные случайными причинами, их форма и положение относительно срезов и деталей рельефных рисунков подошв⁶. Они не имеют определенной локализации на следообразующей части рельефного узора подошвы. Поэтому дифференцировать их среди массы других удастся далеко не всегда. Между тем, оценка идентификационной значимости подобных признаков возможна путем изучения экспертом процессов массового производства следообразующего изделия. По нашим наблюдениям, исследование механизма следообразования признаков изделий массового производства эксперты осуществляют в инициативном порядке по массиву архивных экспертных производств.

В задачах идентификации обуви по следам информационное значение приобретают признаки **эксплуатации и ремонта обуви**. К индивидуальным идентификационным признакам относят расположение участков износа и других повреждений, их форма, положение относительно срезов и деталей рельефных рисунков на подошвах, форму, величину, месторасположение различных внедрившихся частиц в подошву, другие⁷. Отметим, что идентификационные признаки указанного характера замаскированы множеством случайных особенностей следа.

Учитывать негативное влияние фактора замаскированности возможно путем изучения происхождения признаков в следе. Авторы полагают, что идентификационное значение признаков обуви, отобразившихся в следе, обусловлены случайной природой их происхождения⁸. Экспертам рекомендовано использовать критерий частоты встречаемости для оценки идентификационной значимости признака⁹. Данное понятие связано с вероятностным подходом к экспертному исследованию. Действительно, по определению, частота встречаемости обозначает долю присутствия данного признака в генеральной совокупности объектов. Однако считаем вероятностный подход неприменимым к задачам трасологической идентификации. Приведем аргументы в обоснование данной позиции. Первое, необходимо учитывать, что акт следообразования – это всегда событие единичное. Поэтому невозможно конкрети-

⁶ Байбарин А. А., Локтионова О. Ю. Понятие следа, проблемные аспекты идентификации и сравнительного анализа следов подошв обуви, изъятых с осмотра места происшествий // Известия Юго-Западного государственного университета. 2017. № 4 (73). С. 195.

⁷ Там же. С. 196.

⁸ Майлис Н. П. Судебная трасология. М.: Издательство «Экзамен», Право и закон, 2003. С. 88–105.

⁹ Корниенко Н. А. Следы человека в криминалистике. С.-Пб., 2001. С. 106.

зировать понятие генеральной совокупности событий слеодообразования. В каждом конкретном случае отображения признака, их статистическая оценка может варьироваться в весьма широких пределах. Поэтому генеральная совокупность отображения конкретного признака в следах, на основании которой можно установить частоту его встречаемости, не определена. Второе, что следует принимать во внимание: признаки существуют не изолированно, а в комплексе с другими признаками, который представляет собой совокупность упорядоченных и взаимосвязанных объектов. Выделять какой-то один из них, пусть даже уникальный, считаем неправомерным. Иначе, например, идентификация становилась бы возможной по единственному неповторимому признаку. Между тем, единичность трасологического признака облегчает его фальсификацию. Поэтому, по нашему мнению, эксперт не может формировать свое внутреннее убеждение, опираясь на показатель уникальности признака. Поэтому считаем доказанным неприменимость частоты встречаемости к идентификационным задачам трасологии. Идентификационное значение признака следует оценивать только исходя из его природы.

Рассмотрим преодоление фактора замаскированности в дактилоскопических следах, обработанных порошками, химическими реактивами либо парами цианоакрилата. Отмечено, что указанные дактилоскопические методы искажают или разрушают признаки химического и биологического происхождения. В научной литературе описаны методы, позволяющие при изъятии дактилоскопических следов сохранить их химический состав. Однако принять решение о возможности их применения в каждом конкретном случае может только эксперт, причем, на основании обобщения экспертной практики. Так, с учетом фактора замаскированности признаков в дактилоскопических объектах, результат идентификационной экспертизы определяется инициативным дополнением экспертной методики.

Рассмотрим устранение фактора замаскированности признаков в исследуемых оттисках печатей и штампов. Преступники создают поддельные документы, имеющие высокую степень сходства с подлинными, но только оттиск печати (штампа) и подпись затрудняют полную их подделку¹⁰. В научной литературе рассмотрена проблема в связи с проведением идентификации печатей и штампов по их изображениям в исследуемых копиях документов¹¹. Экспертной методикой предусмотрено сканирование с максимальным

¹⁰ Гулина Е. Г. Проблема установления срока давности изготовления документа методами почерковедческой экспертизы // Судебная экспертиза: дидактика, теория, практика: сборник научных трудов. М.: Моск. ун-т МВД России, 2007. Вып. 3. С. 68–76.

¹¹ Шашкин С. Б., Воробьев С. А. Автоматизация сравнения методом наложения в технико-криминалистической экспертизе документов // Экспертная практика. 2000. Вып. 49. С. 23–30;

разрешением¹². Наложение оптических моделей исследуемых объектов производят с использованием автоматизированных средств обработки изображений. Так, инструментальными методами в судебной технической экспертизе документов устраняют фактор замаскированности признаков в исследуемых оттисках печатей и штампов. Заметим, что результат экспертизы в данном случае определен инициативностью эксперта в применении современных технических средств.

В научной литературе описан пример устранения фактора замаскированности признаков в файловых объектах. Речь идет о направлении на экспертизу следов, представленных в формате цифровых изображений и видеоматериалов. Подобные оптические модели объектов содержат, как правило, различного рода пробелы в отображении признаков. С целью устранения данного негативного фактора применяют метод завершения изображений на основе заполнения отсутствующих или поврежденных частей изображения информацией из известных вспомогательных областей.

Подход восстановления поврежденных признаков находит применение при проведении компьютерно-технических экспертиз. В литературе научного направления представлены различные способы восстановления поврежденных или расчлененных файлов. Используемые в настоящее время подходы по завершению (закрашиванию) неизвестных или поврежденных участков приводят к цветным искажениям, снижают качество и изменяют геометрические формы восстанавливаемых участков. Поэтому актуализируется дальнейшая разработка эффективных методов и алгоритмов и созданного на их основе программного обеспечения по восстановлению признаков в исследуемых объектах¹³. Здесь также необходимо проявление экспертной инициативы в выборе эталонных объектов для восстановления замаскированных признаков.

Обобщая вышеизложенное, можем утверждать, что для успешного решения перечисленных задач перспективным представляется экспертно-технологический подход, основанный на реализации экспертом права на инициативу. Судебно-экспертную технологию трактуем как систему операций по эффективному применению имеющихся средств судебных экспертиз для выполнения конкретного экспертного задания. Экспертная инициатива реализована в таких технологиях возможностью дополнять перечень задач,

Липень Д. В. Методика идентификации оттисков печатей, штампов и факсимиле с использованием сканера и растрового редактора «Adobe Photoshop». Минск, 2008. С. 21.

¹² Там же.

¹³ *Восканян П. С.* Новые подходы к научно-методическому обеспечению судебно-экспертных исследований // Судебная экспертиза Беларуси. 2019. № 1 (8). С. 11.

поставленных на экспертизу, а также привлекать научно-технический потенциал сторонних учреждений¹⁴.

Результативность указанного подхода проиллюстрируем преодолением фактора множественности объектов экспертизы. К таким относим объекты, содержащие признаки массового производства. Например, возьмем методику идентификации обуви по ее следам, в которых отобразились признаки такого способа производства¹⁵. В рассматриваемом случае результат экспертизы зависит от действий эвристического характера. Так, эксперту необходимо усилить контрастность признака методом контрастной фотосъемки, либо путем химической обработки следа. Необходим тщательный перебор условий освещения и параметров контрастирования, при выделении признака массового производства. Рекомендовано запрашивать дополнительные материалы¹⁶. Эксперт знакомится с обстоятельствами дела, протоколами осмотров, обысков. В ходе проведения экспертных экспериментов, следует принимать во внимание, что в следах одного и того же объекта, даже полученных в аналогичных условиях, всегда присутствуют различия в отображении признаков, в силу действия неконтролируемых факторов. Поэтому для выявления устойчивых признаков положительный эффект дадут множественные экспериментальные серии. Становится очевидной невозможность формализации подбора параметров эксперимента, в силу вариабельности механизма отображения признаков. Поэтому выход видим в применении экспертно-технологического подхода, на основе реализации права эксперта на инициативу. Преодоление фактора множественности объекта возможно применением судебно-экспертных технологий.

В качестве примера множественности объекта экспертизы выберем следовую картину подрыва взрывного устройства¹⁷. Сразу отметим, что ситуалогическое исследование данного объекта требует комиссионной формы производства экспертизы. Такая форма предусматривает привлечение специалистов из одной отрасли знания для разрешения единого перечня заданий, с

¹⁴ Моисеев А. М. Судебно-экспертная технология как средство объективизации следовой картины преступления // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. 2015. № 2 (38). С. 58–63.

¹⁵ Чванкин В. А. Особенности методики идентификации обуви по следам производственных механизмов // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D: Экономические и юридические науки. 2016. № 5. С. 200–204.; Чванкин В. А. Особенности криминалистического исследования следов обуви, с учетом их качественных и количественных показателей // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D: Экономические и юридические науки. 2018. № 14. С. 240–245.

¹⁶ Образцов В. А., Шиканов В. И. Проблемы криминалистического распознавания. Иркутск, 1999. С. 106.

¹⁷ Шумаев Д. Г. Матричная модель объекта трассологической экспертизы по факту взрыва // Юристы-Правоведы. 2020. № 1 (93).

целью обеспечения объективности и полноты экспертного исследования¹⁸. Мы относим к комиссионным и комплексные экспертизы, выполняемые двумя и более экспертами. Считается, что проведение экспертизы в комиссионном порядке повышает надежность и авторитетность экспертных выводов¹⁹. Однако, по нашему мнению, такое достижимо при условии совпадения внутреннего убеждения членов комиссии по вопросу достоверности и обоснованности полученных результатов. Между тем, обращаем внимание на негативный фактор навязывания коллективного убеждения на убеждение отдельного эксперта.

Проведение комиссионных экспертиз множественной следовой картины актуализирует проблемы организационного характера. При этом значение приобретает взаимодействие экспертов в составе комиссии. Трудности возникают при согласовании полученных членами комиссии результатов, и такое происходит вследствие их неодинаковой компетенции и личного опыта. Если в составе комиссии экспертов принимают участие работники различных судебно-экспертных учреждений или лица, которые не работают в специализированных государственных экспертных учреждениях, то дополнительные трудности возникают при взаимной передаче материалов, что связано с необходимостью обеспечения конфиденциальности и сохранения исследуемых объектов.

Особенность судебно-экспертных технологий при проведении комиссионных экспертиз связываем с обязанностью руководителя судебно-экспертного учреждения проверить поступившие задание и материалы, чтобы в случае необходимости назначить комиссию экспертов. Отмечаем необходимость учета возможного уничтожения, изменения и фальсификации следов. Комиссию экспертов формирует руководитель ведущего учреждения вместе с руководителями других учреждений-соисполнителей. Так, можно заключить, что нейтрализация негативного фактора, связанного с множественным характером объекта ситуалогической экспертизы осуществима организационными и методическими подходами, одним из которых в экспертной практике становится экспертно-технологический.

Рассмотрим способы устранения негативного влияния **фактора информационной уязвимости** производства экспертиз. Под информационной безопасностью данного действия понимают технику защиты циркулирующей в нем информации от преднамеренного или случайного несанкционированного доступа, что наносит ущерб процессу документооборота в уголовном судопроизводстве и препятствует обмену данными между следователем и экс-

¹⁸ Комиссарова Я. В. Концептуальные основы профессиональной деятельности эксперта в уголовном судопроизводстве. М.: Юрлитинформ, 2010. С. 131.

¹⁹ Орлов Ю. К. Производство экспертизы в уголовном процессе. М.: ВЮЗИ, 1982. С. 57.

пертом²⁰. Задачи систем информационной безопасности при проведении экспертизы различны: а) обеспечение защиты данных, закрепленных на различного рода информационных носителях; б) защита данных, передаваемых по каналам связи; в) обеспечение восстановления данных в аварийных ситуациях. Режим информационной безопасности функционирует при условии системного подхода к защите носителей и каналов экспертной информации.

Цифровизация уголовного судопроизводства, внедрение автоматизированных информационных систем в следственно-экспертную деятельность усложняет задачи по защите информации. Нежелательным результатом действия фактора информационной уязвимости называют не выявленные наблюдения, копирование и искажение информации. Рассмотрим негативные условия, влияющие на степень защищенности экспертной информации. К ним относим факторы: 1) природные, 2) техногенные, 3) социальные, 4) технические сбои в системах хранения и передачи информации. Соответственно природе негативных факторов, меры по их нейтрализации направлены на: 1) предотвращение влияния природных факторов на носители криминалистической информации. 2) исключение негативного влияния факторов, сопутствующих работе технических средств (излучение, физическое поле, перепады напряжения в сети и т.п.); 3) минимизацию негативных параметров социальной среды, таких как неосведомленность об информационных угрозах, профессиональная виктимность работников; 4) предотвращение технических сбоев, применение средств восстановления информации, в случае ее потери или искажения по техническим причинам.

Выделим технические устройства, через которые информация может подвергаться действию перечисленных негативных факторов. В учреждениях судебной экспертизы к таковым можем отнести средства компьютерной техники, автоматизированные системы различного уровня и назначения, в том числе сети и системы связи, устройства передачи данных и программные средства, информационно-вычислительные комплексы, технические средства приема, передачи и обработки информации²¹. К средствам технического оснащения, подвергающимся негативному воздействию информационного характера, можем отнести также служебные помещения, предназначенные для проведения экспертных исследований, а также заседаний комиссии экспертов, предоставления экспертом разъяснений и дополнений в дистанционном режиме.

²⁰ Панько Н. А. Информационная безопасность в особых условиях расследования при проведении экспертиз // Проблемы получения и использования доказательственной и криминалистически значимой информации: материалы Международной научно-практической конференции. Симферополь, 2019. С. 92–94.

²¹ Голодков Ю. Э. Актуальность информационной безопасности в деятельности органов внутренних дел // Аллея науки. Т. 1. № 8 (24). 2018. С. 699–702.

В обобщении можем сослаться на положения науки информатики, что технические меры защиты информации заключаются в использовании аппаратных и программных средств контроля доступа, мониторинга утечек, антивирусной защиты, межсетевого экранирования, защиты от электромагнитных излучений и физических полей, прочее. Важным считаем вывод, что решение проблем информационной безопасности требует применения специальных ресурсов технических, организационных и кадровых. Подчеркиваем роль в этом вопросе руководителя судебно-экспертного учреждения.

Авторы также отмечают позитивные перспективы внедрения автоматизированных информационно-поисковых систем в экспертную практику. Среди них выделяем: а) внедрение новых экспертных методик, основанных на цифровых технологиях современного уровня; б) осуществление объективного контроля со стороны руководителя судебно-экспертного учреждения за ходом производства экспертизы; в) реализацию программ защиты экспертной информации; г) цифровизацию судебно-экспертной деятельности. Акцентируем внимание на осуществлении контроля за производственной деятельностью эксперта в условиях цифровизации. В научной литературе по информатике высказаны заслуживающие внимание рекомендации по осуществлению систематического мониторинга угроз целостности информационных систем, функционирующих в различного рода организациях и учреждениях. Поддерживаем это предложение относительно экспертной деятельности. Наблюдение за ходом производства экспертиз может в автоматическом режиме осуществляться руководителем судебно-экспертного учреждения, а также органом расследования, назначившим экспертизу. Подчеркиваем, что указанные субъекты мониторинга не могут, под угрозой уголовной ответственности, вмешиваться в работу эксперта. Однако, вместе с тем, такой порядок взаимодействия позволяет, например, безотлагательно удовлетворять ходатайства эксперта, а также корректировать план расследования, производить дополнительные следственные действия, назначать новые экспертизы и т.п.

Так, негативные факторы информационной природы актуализируют вопрос информационной безопасности судебной экспертизы. Нейтрализацию фактора информационной уязвимости производят специальными организационно-техническими мерами, направленными на защиту носителей экспертной информации. Очевидно, что соответствующие рабочие операции следует включить в структуру судебно-экспертных технологий.

Проведенный анализ негативных факторов производства экспертизы позволил сделать вывод, что все они в той или иной степени связаны с воздействием на исследуемые информационные носители.

Показано, что подобные негативные факторы эксперт может локализовать в инициативном порядке. В судебно-экспертных технологиях рекомен-

довано предусмотреть блок рабочих операций по установлению признаков фальсификации, уничтожению или изменению информативных признаков в исследуемых объектах.

Показана неприменимость критерия частоты встречаемости для оценки идентификационных признаков в трасологии. Подтверждена позиция, что идентификационная значимость признака определена его природой, т. е. характером процессов, обусловивших его появление и отображение в следе.

Библиографический список

Арсеньев В. Д. Спорные вопросы предмета судебной экспертизы // Рефераты научных сообщений на теоретическом семинаре – криминалистических чтениях. М., 1978. Вып. 23.

Байбарин А. А., Локтионова О. Ю. Понятие следа, проблемные аспекты идентификации и сравнительного анализа следов подошв обуви, изъятых с осмотра места происшествий // Известия Юго-Западного государственного университета. 2017. № 4 (73).

Белкин А. Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве. М.: Норма, 2005.

Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. М.: Советская энциклопедия, 1993.

Вехов В. Б., Пастухов П. С. Формирование стратегий расследования преступлений на основе положений электронной криминалистики // Ex iure. 2019. № 4.

Винберг А. И., Мирский Д. Я., Ростов М. Н. Гносеологический, информационный и процессуальный аспекты учения об объекте судебной экспертизы // Вопросы теории и практики судебной экспертизы: сб. науч. трудов. М., 1983.

Восканян П. С. Новые подходы к научно-методическому обеспечению судебно-экспертных исследований // Судебная экспертиза Беларуси. 2019. № 1 (8).

Голодков Ю. Э. Актуальность информационной безопасности в деятельности органов внутренних дел // Аллея науки. Т. 1. № 8 (24). 2018.

Гулина Е. Г. Проблема установления срока давности изготовления документа методами почерковедческой экспертизы // Судебная экспертиза: дидактика, теория, практика: сборник научных трудов. М.: Моск. ун-т МВД России, 2007. Вып. 3.

Колдин В. Я., Полевой Р. С. Информационные процессы и структуры в криминалистике. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985.

Комиссарова Я. В. Концептуальные основы профессиональной деятельности эксперта в уголовном судопроизводстве. М.: Юрлитинформ, 2010.

Корниенко Н. А. Следы человека в криминалистике. С.-Пб., 2001.

Липень Д. В. Методика идентификации оттисков печатей, штампов и факсимиле с использованием сканера и растрового редактора «Adobe Photoshop». Минск, 2008.

Майлис Н. П. Судебная трасология. М.: Издательство «Экзамен», Право и закон, 2003.

Моисеев А. М. Судебно-экспертная технология как средство объективизации следовой картины преступления // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. 2015. № 2 (38).

Образцов В. А., Шиканов В. И. Проблемы криминалистического распознавания. Иркутск, 1999.

Орлов Ю. К. Производство экспертизы в уголовном процессе. М.: ВЮЗИ, 1982.

Панько Н. А. Информационная безопасность в особых условиях расследования при проведении экспертиз // Проблемы получения и использования доказательственной и криминалистически значимой информации: материалы Международной научно-практической конференции. Симферополь, 2019.

Полевой Н. С., Крылов В. В. Компьютерные технологии в юридической деятельности. М.: БЕК, 1994.

Чванкин В. А. Особенности криминалистического исследования следов обуви, с учетом их качественных и количественных показателей // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D: Экономические и юридические науки. 2018. № 14.

Чванкин В. А. Особенности методики идентификации обуви по следам производственных механизмов // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D: Экономические и юридические науки. 2016. № 5.

Шашкин С. Б., Воробьев С. А. Автоматизация сравнения методом наложения в технико-криминалистической экспертизе документов // Экспертная практика. 2000. Вып. 49.

Шумаев Д. Г. Матричная модель объекта трасологической экспертизы по факту взрыва // Юристъ-Правоведъ. 2020. № 1 (93).

Информация для цитирования

Ex jure

Моисеев А. М., Панько Н. А. Негативные факторы производства судебных экспертиз // Ex jure. 2021. № 1. С. 181–193. DOI: 10.17072/2619-0648-2021-1-181-193.

Moiseev A. M., Panko N. A. Negative Factors of Production of Forensic Examinations. Ex jure. 2021. № 1. Pp. 181–193. (In Russ.). DOI: 10.17072/2619-0648-2021-1-181-193.

ПРАВИЛА НАПРАВЛЕНИЯ И ОПУБЛИКОВАНИЯ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ В «EX JURE»

Представленная статья должна быть оригинальной, не публиковавшейся ранее, соответствующей тематике научной специальности 12.00.00 – юридические науки.

Объем текста статьи (без учета метаданных и библиографического списка) – от 20 до 30 тыс. знаков (15–20 стр.). Страницы нумеруются. Шрифт Times New Roman. Междустрочный интервал – полуторный. Размер шрифта (кегель) для основного текста – 14, для сносок – 12. Сноски проставляются постранично, нумерация сквозная.

Правовые акты, упоминаемые в тексте, должны содержать дату принятия, номер и полное официальное наименование. Источник опубликования актов не приводится ни в сносках, ни в библиографическом списке.

Статья должна быть представлена единым файлом и иметь следующую структуру.

1. Метаданные на русском и английском языках:

- название;
- ФИО автора; ученая степень и звание, должность и место работы;
- юридический адрес организации – места работы автора;
- адрес электронной почты автора;
- аннотация: 100–150 слов;
- ключевые слова: 5–7 слов.

2. Текст статьи

3. Библиографический список (оформляется по ГОСТ 7.0.5-2008). Список литературы должен включать только те работы, которые упоминаются в тексте. Рекомендуем обратить внимание на статьи, смежные с тематикой автора, опубликованные в журнале «Вестник Пермского университета. Юридические науки» (www.jurvestnik.psu.ru); ссылки на эти статьи очень приветствуются.

Образцы оформления сносок:

Сырых В. М. История и методология юридической науки. М.: Норма, 2012.

Кузнецова О. А. Вина энергоснабжающей организации при неправомерном перерыве в подаче энергии // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2015. Вып. 2(28).

Червяков К. К. Основания возникновения и прекращения родительских правоотношений по советскому семейному праву: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1971.

Голубцов В. Г., Кузнецова О. А. Цель цивилистического диссертационного исследования // Методологические проблемы цивилистических исследований: сб. науч. статей / отв. ред. А. В. Габов, В. Г. Голубцов, О. А. Кузнецова. М.: Статут, 2016.

Файл статьи в формате «doc» прикрепляется к сопроводительному письму и направляется на адрес электронной почты редакции: ex-jure@mail.ru.

Несоблюдение правил оформления статьи является основанием для отказа в принятии ее к рассмотрению.

Статья, отвечающая требованиям к оформлению, подлежит обязательному анонимному рецензированию членом редакционного совета или редакционной коллегии или привлеченным специалистом в области тематики статьи, с целью ее экспертной оценки. При выборе рецензента главный редактор руководствуется следующими критериями: рецензент должен являться квалифицированным специалистом по тематике рецензируемой рукописи и иметь в течение последних 3 лет публикации по тематике рецензируемой статьи.

Срок рецензирования составляет 2–3 месяца. Копии рецензии или мотивированный отказ направляются автору. Рецензии хранятся в редакции в течение 5 лет.

Редакция журнала обязуется направлять копии рецензий в Министерство науки и высшего образования РФ при поступлении соответствующего запроса.

Всем научным статьям присваивается DOI.

Плата за рецензирование, публикацию статей и присвоение DOI не взимается.

RULES OF SUBMISSION AND PUBLICATION SCIENTIFIC ARTICLES IN “EX JURE”

The presented article should be original, not previously published, corresponding to the subject of scientific specialty 12.00.00 – Legal Sciences.

The volume of a text (excluding metadata and references) – from 20 to 30 thousand characters (15–20 p.). The pages are numbered. Times New Roman Font. Line spacing is 1,5. The font size for the main text is 14, for footnotes – 12. Footnotes are given page by page, numbering should be continuous.

The legal acts mentioned in the text must contain the date of adoption, the number and the full official name. The source of publication of legal acts is not given either in footnotes or in the references.

The article should be presented as a single file and have the following structure.

1. Metadata in Russian and English languages:

- article title;
- name of the author; academic degree and title, position and place of work;
- legal address of the organization–the author's place of work;
- author's email address;
- abstract: 100–150 words;
- keywords: 5–7 words.

2. Text of article.

3. References (drawn up according to GOST 7.0.5-2008). The references should only include works that are cited in the text. We recommend to pay attention to the articles related to the subject of the author, published in the journal “Perm University Herald. Juridical Sciences” (www.jurvestnik.psu.ru). References to these articles are highly welcome.

Sample design footnotes:

Sirih V. M. History and methodology of legal science. Moscow, 2012.

Kuznetsova O. A. The guilt of an electric power supply organization in case of illegal interruption in power supply // Perm University Herald. Juridical Sciences. 2015. № 2(28). Pp. 88–99 (In Russ.).

Chervyakov K. K. Grounds for the emergence and termination of parental relations under soviet family law: synopsis of a thesis by PhD in law. Saratov, 1971.

Golubtsov V. G., Kuznetsova O. A. Civil Thesis Research Purpose // Methodological Problems of Civil Researches: Collection of Scientific Articles / Eds. in Ch. A. V. Gabov, V. G. Golubtsov, O. A. Kuznetsova. Moscow, 2016.

The article file in the doc format is attached to the cover letter and sent to the editorial e-mail address: ex-jure@mail.ru.

Failure to comply with the rules of submission and publication is the basis for refusal to accept it for consideration.

The article that meets the rules of submission and publication is subject to anonymous mandatory review by a member of the Editorial Board (or Editorial Staff) or by a specialist in the field of the article subject for the purpose of its expert evaluation. When choosing a reviewer, it is guided by the following criteria: the reviewer should be a qualified expert on the subject of the reviewed article and reported to have published on the subject of the reviewed article for the last 3 years.

The review period is 2–3 months. Copies of the review or a reasoned refusal are sent to the author.

Reviews are kept in the editorial office for 5 years.

The Editorial Board undertakes to send copies of reviews to the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation upon request.

All scientific articles are assigned a DOI.

Fee for peer review, publication and the assignment of a DOI is not charged.

Научное издание

Ex jure

2021. № 1

Редактор

А. С. Серебренников

Корректор *Т. А. Пермякова*

Дизайн обложки,

компьютерная верстка *Т. А. Басовой*

Подписано в печать 27.01.2021

Дата выхода в свет 29.01.2021. Формат 70х100/16

Усл. печ. л. 15,93. Тираж 200 экз. Заказ 5

Издательский центр

Perm University Press

614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Типография ПГНИУ

614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Распространяется по подписке и бесплатно